ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 30 ИЮЛЬ 1988

В ФОТООБЪЕКТИВЕ КИРГИЗИЯ

ГОРОДОК МОЙ НЕВЕЛИК



АНАТОЛИЙ РЫБАКОВ «ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ И ДРУГИЕ ГОДЫ»

НАМ ЛЮБЫЕ ДО́РОГИ ДОРО́ГИ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!





ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 30 (3183)

23 — 30 ИЮЛЯ

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
Режиссер Александр Калашников (в центре) со своими ребятами из театра-студии «Скворечник» (см. в номере материал «Выйти на площадь...»).

Фото Юрия ФЕКЛИСТОВА

Оформление Н. П. КАЛУГИНА при участии Т. А. НОВРУЗОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА
Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб. 19 коп.

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-39; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Сдано в набор 04.07.88. Подписано к печати 19.07.88. А 10373. Формат 70 × 108⅛. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 800 000 экз. Заказ № 2606.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

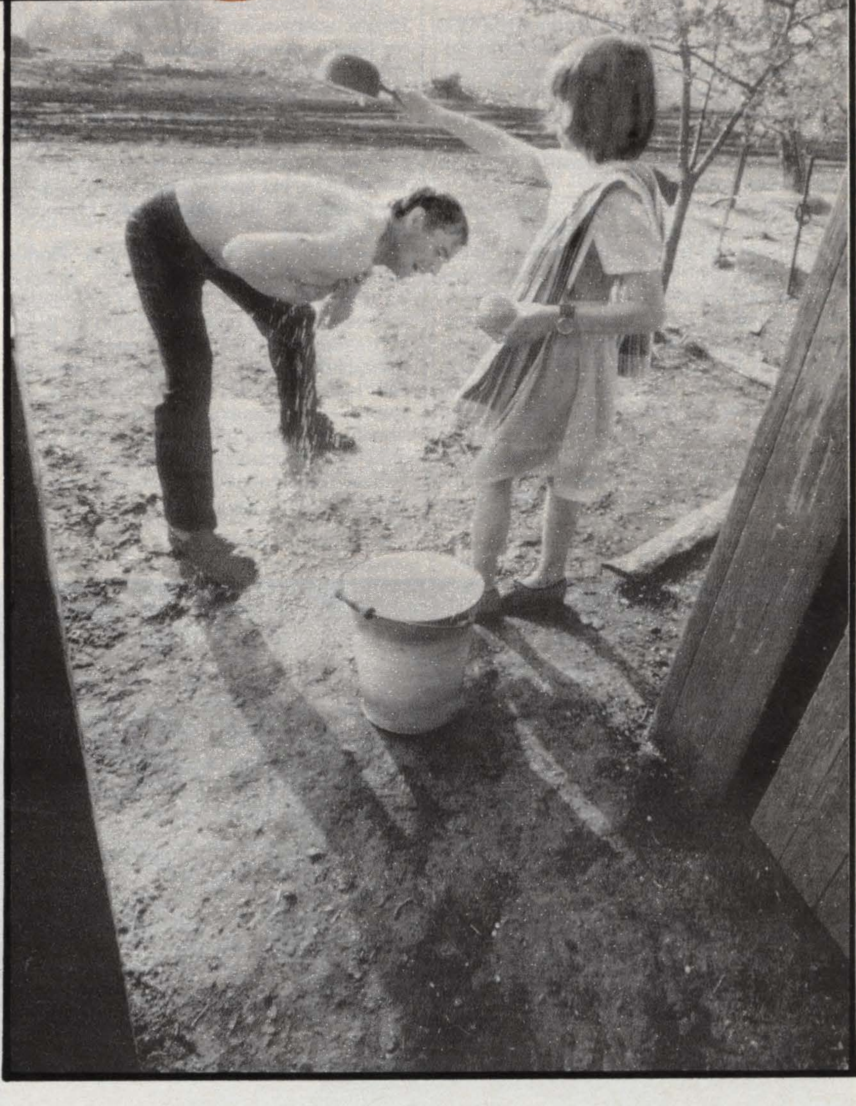
ОТЕЧЕСТВО МОЕ

ОБА

...Как далеко осталось то бережно сохраненное памятью пробуждение! Отец и мать (ее уже нет в живых) еще спали в «Победе» на разложенных на ночь сиденьях — это казалось тогда верхом комфорта. Я расположился неподалеку от машины на застланном брезентом сене. Рядом тихонько, чтоб невзначай кого не разбудить, торила дорогу в травах речка Обоянка — еле видная за густым, поднимающимся от земли паром. А дух от него шел такой, что кружилась голова и замирало сердце. Так впервые в мою жизнь вошел маленький курский город Обоянь. Одна из особенностей нынешнего времени — обострение зрения. Нет, я имею в виду не прозрение на почве открывающейся информации и гласности, а, так сказать, новый взгляд на повседневные, привычные, примелькавшиеся проблемы и вещи, те, что у всех на глазах. Мы смотрим на них уже по-другому, менее поверхностно, более человечно.

ЯНИЕ ОБОЯНИ

Михаил ШПАГИН,
Павел КРИВЦОВ (фото)



Минуло тридцать лет. Обе центральные улицы городка из окна автомобиля не сильно изменились: новых домов немного, старинные двухэтажные особнячки по-прежнему задают тон. Но пешеход зорче пассажира, да и права у него иные. И первое ощущение — не по улице я иду, а по шоссейной обочине. Скромные деревца невольно жмутся к тротуарам, пешеходы — к особнячкам и дедовским каменным заборам, а те будто подумывают, не отступить ли им в глубь дворов, потеснив сады.

Окаймленной густой зеленью дороги, по асфальту которой вечерами неспешно прогуливались парочки, давно не существует. Есть рассекающая город могучая автострада. Рассекающая — не для красного словца сказано — в летние сутки по ней мчат в обе стороны до 25 тысяч машин. Перейти с одной стороны улицы на другую — проблема.

Дороги всегда влияли на судьбы городов. Менялись караванные пути — и песок равнодушно поглощал дворцы вслед за караван-сараями. Да что забираться так далеко! Говорят, в прошлом веке «отцы» Переславля-Залесского заплатили немалую сумму — лишь бы через город не провели железную дорогу. Покой они сберегли, а вот экономику подорвали.

Впрочем, от чугунки откупались не только на берегах озера Плещеево. И не будем чрезмерно ругать наших предков за косность. В конце концов благодаря их упрямству мы унаследовали бесценные культурные и природные сокровища. Люди еще не представляли, что такое экологически чистый транспорт, даже слов таких не знали, а вот надвигающуюся опасность предчувствовали.

Но кто же тогда мог предположить, что она примчится, стреляя клубами дыма, на страх лошадям, по обычному тракту!

СТАРЫЕ ДРУЗЬЯ ССОРЯТСЯ

Исподтишка вторгшаяся в Обоянь жирная от грязи и осевшей гари асфальтовая лента заметно ущемляет город. Центральная и когда-то просторная площадь, называвшаяся Красной, не только утратила свое прежнее наименование, но и сузилась, словно бальзаковская шагреневая кожа. По большим праздникам движение на трассе перекрывают на час — иначе негде провести демонстрацию.

Добро бы лишь теснота, но ведь есть еще и другие обиды. Представляете, каково жить и работать в старинном одно- или двухэтажном особнячке, выходящем на шоссе? Здесь нет спасения ни от шума, ни от бензиновой гари, охватывающей его по самый конек кровли. Один за другим сотрясают землю, и, увы, ветшающие здания, многотонные грузовики — признанные короли трассы. Их баки нередко заправлены этилированным — хорошим для моторов, но особо опасным для всего окружающего — живого и неживого — топливом.

В некотором смысле даже природная красота Обояни обернулась против нее же самой. Обоянь расположена очень живописно — на возвышенности между балками. Вот и ревут на подъеме натруженные двигатели, отравляя воздух с удвоенной силой. К тому же при въезде в город внимание водителя обычно рассеивается, сам он нередко расслабляется. А тут, как назло, сам рельеф пути способствует авариям. В результате на 7 километров трассы в границах Обояни приходится примерно пятая часть транспортных происшествий всего района, нередко со смертельным исходом. Когда на кладбище появляется очередной памятник со словами «Трагически погиб», их смысл в расшифровке не нуждается.

Обоянь всегда была городом придорожным, не столько на дороге, сколько ради нее, а еще точнее — для ее защиты построенным. И трасса здесь ведет начало от древнего Муравского шляха, по которому шли на Русь полчища крымских татар. Их частые набеги заставили белгородского воеводу Петра Можайского направить 2 июля 1638 года в Москву в разрядный приказ грамоту: «Бьют челом разных городов курчане и белгородцы, детишки боярские и казаки, и стрельцы и всякие служилые люди... Пожалуй нас, вели, государь, город строить меж Курска и Белгорода на половинах — от Курска 60 верст и Белгорода — 60 же верст...»

«Ямская гоньба» в те времена ставила мировые рекорды по скорости доставки почты, бюрократизм еще не развился. Царский указ «Строити жилой городок.., и описать, и на чертеже начертать» появился уже 31 июля. А 1 августа 1639 года прибыли 600 служилых людей. И зазвенели топоры. Сохранившиеся до наших дней названия слобод — Стрелецкая, Казацкая, Пушкарная — говорят сами за себя. «Обоянь-городок — Москвы уголок» делал шлях недоступным врагам, но для тех, кто шел с миром, всегда был открыт. Не случайно первыми (после церквей) каменными сооружениями Обояни стали купеческие погреба.

Дорога тревог одновременно была и дорогой надежд, кормилицей. Чем спокойнее становилось на южных рубежах, тем больше появлялось в городе людей купеческого звания. Торговали хлебом и скотом, кожей, салом и заграничным продуктом — крымской солью. В 1862 году купеческие семьи составляли более сорока процентов населения Обояни, а многие из остальных жителей промышляли извозом товаров. Город разбогател. Появились красивые двух- и трехэтажные дома с добротными подвалами и затейливыми воротами. Их хозяева жили наверху, а внизу располагались постоялые дворы, трактиры, бесчисленные лавки, амбары, ссыпные пункты по закупке зерна и картофеля. Но главный торг велся прямо на Красной площади. Здесь же, чтобы далеко не ходить, располагался приказчичий клуб.

И за все это — спасибо шляху.

Правда, у него объявился конкурент — в город провели узкоколейную железную дорогу. Но гужевой тракт оказался привычнее, и ее чуть было не закрыли.

Зато о тракте всячески заботились — две главные улицы, по которым он проходил, одели камнем, по бокам вывели мощеные тротуары, поставили газовые фонари.

Прежде чем дружба, связывающая маленький город с большой дорогой, оказалась под угрозой, прошли еще многие десятки лет. Собственно, отношения обострились на глазах нынешнего поколения. Я видел старую фотографию: залитая солнцем центральная улица без единого автомобиля! Когда же это было? Разгадку подсказала цифра, которую удалось прочитать на попавшем в кадр плакате через увеличительное стекло: 1957 год.

Теперь такой кадр без помощи милиции сделать невозможно. А тяготы, вторгающиеся с потоком транзитных автомашин, настолько велики, что Обоянь обратилась в Министерство автомобильных дорог РСФСР с просьбой вывести дорогу за пределы своей территории, направить ее в объезд. Чтобы улицы, по которым проходит трасса, опять стали таковыми и объединяли бы город, а не резали его на части, как это происходит сейчас.

ПЛЮС НА МИНУС

Во времена, когда выселять трассу еще не помышляли, обоянцы сузили тротуары и заботливо обсадили ее липами. Бесхитростно рассчитали: и для людей и для пчел хорошо. Потом оказалось, что плохо для самих лип, от бензиновой гари деревья сохнут, их приходится заменять. А пить чай с липовым цветом, собранным у дороги, вредно для здоровья.

Если трасса побежит вокруг города, у лип, возможно, действительно загудят пчелы. Во всяком случае, есть идея потеснить освобождающийся от великой нагрузки асфальт газонами и даже бульварами. Представляете, как заиграют рядом с ними старинные особнячки? С уходом трассы центр сможет вернуть себе облик старинного торгового городка, утопающего в зелени, с живописными окрестностями, щедрой природой.

Восстановится и укрепится обаяние Обояни. Горожане перестанут сетовать на интенсивное движение, автомобилисты получат более короткий и удобный путь. Им не придется снижать скорость до 40 километров в час, ждать, пока откроют шлагбаумы у железнодорожного переезда. (Из-за маневренных работ на станции простои автотранспорта иной раз достигают четырех часов в сутки!)

Это плюсы.

Но и минусы есть.

Обоянь сейчас не просто очередной населенный пункт на большой дороге, но и излюбленное место привала. Судите сами: почти 600 километров от Москвы — как раз день неспешной езды. У моста через Псел — площадка, где можно поставить машину и палатку, родник с удивительно вкусной прозрачной водой. Вдоль дороги бабушки чего только не продают: клубнику, огурцы, помидоры, вишни, яблоки, картошку — можно даже на базар не заезжать. Любителей путешествовать с комфортом на въезде встречает ресторан «Обоянь». Здесь не только хорошие повара, но и свое подсобное хозяйство, а потому продукты свежие, кухня щедра и привлекательна. Вот почему сегодня автомобилист уже в Курске предвкушает встречу с Обоянью, и палатки с площадки у Псела выплескиваются в пойму и лесополосу. Старинный городок привечает проезжих людей, а они, в свою очередь, увеличивают его товарооборот примерно на 10 миллионов рублей в год, причем стоимость покупок на базаре и у бабушек в эту цифру не входит.

Но только ли в экономике дело? Ведь общение гостей с хозяевами наде-

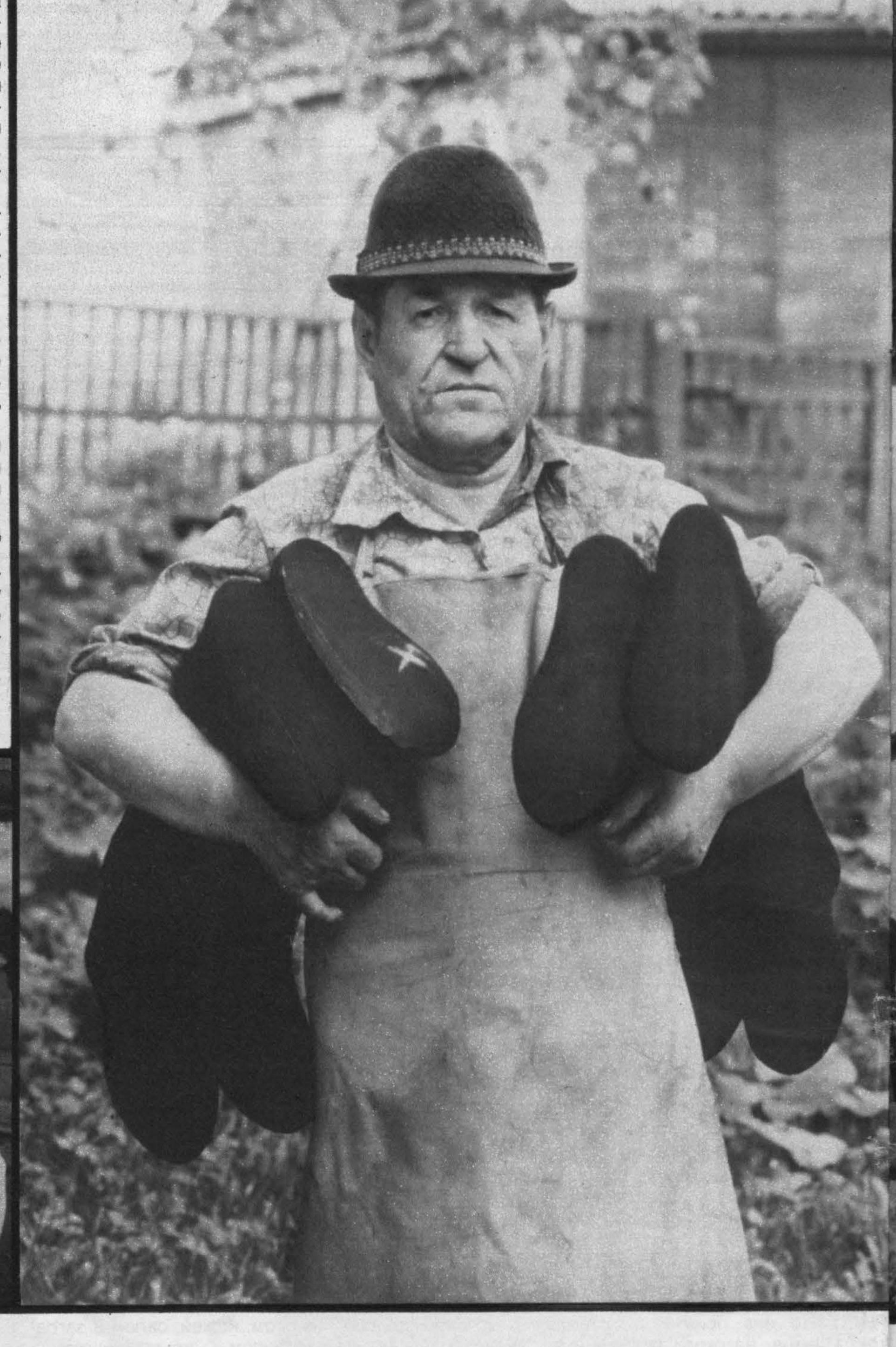
ляет свежими впечатлениями, обогащает обе стороны с чисто человеческой точки зрения.

Так что же будет завтра, если шоссе пройдет стороной? Не уничтожатся ли плюсы минусами? Не окажутся ли в проигрыше и путники и горожане?

Обоянцы уверены, что нет. Они убеждены: многие захотят свернуть с трассы в старинный город погостить: кто на час-два, кто на день-другой. А уж здесь им скучать не дадут.

В 1989 году Обояни исполнится 350 лет. С ее прошлым меня любезно познакомил краевед П. А. Кравцов. Согласно легенде городок основали братья-тезки — оба Яна. В действительности же город был назван по впадающей в Псел реке Боянь, к имени которой добавили приставку «о» — около.

Здесь родился в семье священника и посещал церковно-приходскую школу (единственное в то время учебное заведение города) будущий изобретатель «вольтовой дуги», основоположник отечественной электротехники, про которого впоследствии президент Академии наук СССР Сергей Иванович Вавилов напишет: «В истории XIX века В. В. Петров не только хронологически, но и по своему значению непосредственно следует за М. В. Ломоносовым». Отсюда родом и хирург Н. С. Коротков, чье сделанное в 1905 году



предложение измерять кровяное давление с помощью слуховой трубки одно время получило мировое признание. В Обояни учительствовал демобилизованный по болезни подпоручик Константин Мицкевич — народный поэт Белоруссии Якуб Колас. Тут жили в юности известный советский писатель Юрий Герман и популярный драматический тенор, народный артист СССР Георгий Нэлепп.

Обоянцы сражались с татарами и с Наполеоном. В Крымскую войну их дружина обороняла третий бастион. 750 ратников были награждены за защиту Севастополя серебряными медалями. В Великую Отечественную город пережил горечь оккупации и радость освобождения. Когда началась Курская битва, острие главного удара немецко-фашистских войск с юга было нацелено на Курск через Обоянь. Здесь тогда побывали маршалы Советского Союза А. М. Василевский и Г. К. Жуков.

Обоянцам есть что поведать и показать тем, кто захочет с ними поближе познакомиться.

ПРО «БОМБУ» И ЦВЕТЫ

Города, в отличие от женщин, с возрастом выигрывают, но так же, как и женщины, нуждаются в любви и заботе.

Любви к родным стенам обоянцам не занимать. Однако забота о них, увы, еще не так давно скорее напоминала самозащиту от посягательств и ликвидацию просчетов тех, кто по службе должен был город опекать, а на деле приносил ему ощутимый вред своим равнодушным, бюрократическим отношением. Одержанные победы легли в фундамент планов завтрашнего дня, стали первыми шагами по их осуществлению.

Ясным весенним утром 1971 года городок всполошил сильный грохот: будто бомба упала. «Бомба» оказалась местного производства — рухнул несколько лет строившийся Дворец культуры. Мне показывали любительский его снимок — с виду здание было почти готово. Никто (в том числе и виновники) не пострадал. Но эхо оказалось громче самого взрыва: над обоянцами смеялись не один год.

Сменился первый секретарь. Новый первый — В. И. Пархоменко — прибыл из другого района, никакого отношения к невероятному происшествию не имел, и, наверное, тоже мог посмеяться над незадачливыми предшественниками. Но вместо этого он кинулся в область — «смывать позор». И ввиду чрезвычайности ситуации сумел даже заручиться помощью болгарских строителей, работавших в Железногорске. Новый Дворец культуры распахнул двери в 1980 году. Он построен с любовью, выглядит нарядно.

— Отец у меня погиб в войну под Кюстрином,— рассказывает В. И. Пархоменко.— Теперь этот польский город называется Костшин. Приехал я навестить могилу, зашел цветов купить. Смотрю, при магазинчике — оранжерея. И цветы не в ведрах стоят, как в Москве, а растут. Выбрал, какие надо, показал — и мне их тут же срезали. Верите ли, я потом сюда еще вернулся, целый час смотрел: вот бы нам в Обояни такой магазинчик пригодился. Но побольше — с аллеями, бассейном, альпинарием. Чтобы каждый мог заглянуть сюда не только за покупкой, но и просто отдохнуть.

Размышления опирались на реальную почву. Потому что одна оранжерея существует в Обояни уже несколько лет — на экспериментальном заводе древесноволокнистых плит. И сейчас в этом тропическом уголке среди зимы зреют лимоны, растут бананы, инжир.

ОТ БАЗАРА ДО МУЗЕЯ

Старая городская граница со стороны Курска проходит по речке Обоянке. Справа от шоссе — вздыбленный самолет — «Памятник погибшим летчикам». Впереди — высокий склон, поверху которого некогда проходила крепостная стена.

Ее было видно издалека. К 350-летию Обояни жители города воссоздают своими силами на территории стертой временем крепости уголок русской старины.

За стеной с двумя обзорными башнями расположатся колокольня сельской церкви и ветряк, амбар, когда-то типичные для здешних мест колодцы с журавлем и ручным колесом, кузница, где можно будет увидеть, как подковывают лошадей. Некоторые сохранившиеся старинные постройки привезены из окрестных деревень. Но многое, конечно, придется рубить заново. Непременно — из дуба. (Его здесь до сих пор предпочитают остальным породам деревьев. Если увидите на селе каменный дом, то вполне может оказаться, что он сделан все из того же любимого традиционного материала и лишь обложен кирпичом — для вящей защиты от непогоды).

В ансамбль органично впишется и кирпичное здание бывшей мельницы. Ее ныне бездействующее оборудование станет частью экспозиции, рассказывающей об истории мукомольного дела, а внизу, в старинном сводчатом подвале, откроется чайная — с разнообразными булочками, пирожками, кренделями и прочим.

Уголок русской старины расположен по одну сторону Кооперативного переулка, о котором еще пойдет речь впереди, а по другую — базар. Они смотрят друг на друга, что называется, ворота в ворота. Для гостей города такое близкое, «в один шаг», соседство просто подарок, для хозяев — тонкий расчет на взаимное благотворное влияние. Музею в таких условиях скучным быть никак нельзя — прогорит. А базару придется вспомнить о своем славном и, кстати, не таком уж далеком прошлом — когда вся округа съезжалась сюда не только ради того, чтобы продать-купить, но и обменяться новостями, пообщаться между собой, отдохнуть, себя показать и гостей повеселить. Короче, предстоит вернуть прежний ярмарочный дух со многими полузабытыми, а сейчас становящимися все более популярными атрибутами — самоваром, бубликами, состязаниями в ловкости, шутами и скоморохами...

После многолюдного базара центральная обоянская улица кажется тихой и спокойной. Но на самом деле и здесь оживленно. То и дело хлопают двери множества бывших купеческих лавок. Их давно переименовали в магазины, но внутри от этого просторнее не стало.

Горожане с нетерпением поглядывают на строящийся городской универмаг. С его вводом лавки-магазинчики на первых этажах особнячков освободятся, чтобы превратиться в чайные и квасные, блинные, трактирчики, ви-



приготовления праздничных блюд деревенский кухонный горшок. «Ничего, привезу из Обояни! — утешил я жену.— Да еще и кринку в придачу». Однако на базаре ни горшков, ни кринок не оказалось. Не было здесь и плетеных корзин, хотя лозы в окрестностях предостаточно. Случайным стал привычный прежде зимний товар — валенки, рукавицы, связанные из овечьей шерсти, жаркие, словно печки, носки. Овчинный полушубок, правда, видел — уже проданный.

Нет, раз уж мы хотим уговорить человека свернуть с Симферопольского шоссе, все это на базаре должно обязательно быть. Нужно только позаботиться заранее. Есть же ведь в городе, например, овчинный цех и валяльная мастерская. Производительность их пока очень невелика: 500 тулупов в год, 10 пар валенок за смену. Причем и овчину и шерсть приносит заказчик. Но ведь можно их закупать впрок и поставлять готовый товар на рынок. Пусть цена будет подороже, вид — пофасонистее. Глядишь, тогда появятся в Обояни исчезнувшие нынче валенки белой шерсти.

Сегодня в городе считают, что туристская придорожная Обоянь немыслима без хозрасчета и кооперативов. Она сумеет стать самоокупаемой — если заработки тех, кто трудится в этой сфере, будут зависеть не от плана, а от выручки. Образно говоря, переулку с пророческим названием Кооперативный предстоит стать некой воображаемой, пронизывающей весь город, просторной кооперативной улицей, где сервис и экономика идут бок о бок друг с другом, а спрос диктует предложение.

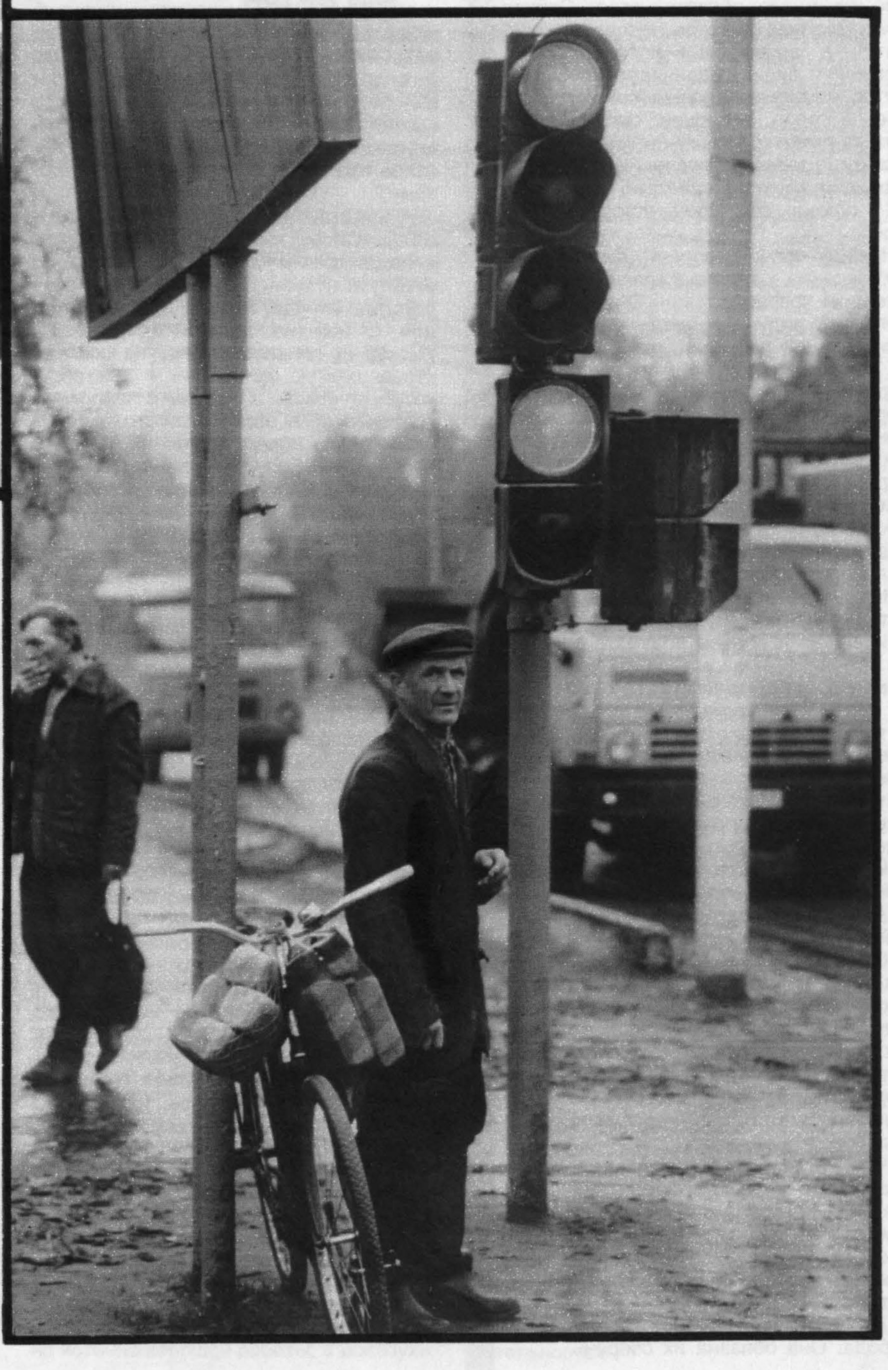
Кооперативы могут быть разными.

Чем плох, например, маленький магазинчик, в котором можно купить товары первой необходимости чуть ли не в любое время суток? Нажмешь кнопку звонка, и к тебе выходит продавец, который в этом же доме на втором этаже живет. Да и большинству маленьких чайных, блинных, трактирчиков и видеосалонов, сувенирных лавочек кооперативная форма, так сказать, на роду написана: ассортимент товаров и услуг расширится, режим работы установится применительно к сезону и наплыву путешествующих. Кое-кто из продавцов даже перерыв на обед сочтет для себя излишней роскошью.

Кооператор арендует видеосалон и зал игральных автоматов, поможет бабушкам продать ягоды и фрукты, которые они пока что выносят на шоссе.

Кстати, о фруктах. Каждую осень в хозяйствах района помогают собирать яблоки 5 тысяч студентов, да еще человек триста приезжают по договоренности: отпускники-шахтеры, отставники, есть даже доктор наук и профессор. Некоторые прибывают с собаками — нанимаются сторожить сады.

Накладно, хлопотно? Еще как! Перейти на шпалерную культуру, пальметты с прицелом на максимальную механизацию уборки? А не жалко ли знаменитую курскую антоновку, к которой мы все так привыкли? Да и хранятся хорошо только те плоды, что были очень



деосалоны и места по продаже сувениров и фирменных обоянских изделий. Будут отремонтированы, приведены в порядок и сами особняки с массивными, крытыми жестью каменными заборами, въездными воротами с необхватными столбами фигурной кладки. И нашим взорам откроется главная торговая улица старинного русского придорожного города — такая, какой она должна быть.

Кто-то из гостей, возможно, удовлетворится прогулкой по центру, кто-то захочет узнать о прошлом городка побольше.

В подобных случаях обычно идут в краеведческий музей. Есть он и в Обояни, однако в запущенном состоянии. Те из жителей, кто не прочь пополнить его экспонатами, выжидают: «Переедет экспозиция в другое помещение, вот тогда...». Общественное мнение склоняется к двум вариантам: зданию мельницы в уголке русской старины или же бывшему собору Александра Невского — нынешнему спорткомплексу. При музее предполагается организовать небольшую картинную галерею.

Начиналась Обоянь крепостью, а вот герб у нее самый что ни на есть мирный. В верхней части — три куропатки («прилетели» сюда из губернского, курского герба), в нижней — хорь в пшеничном поле: «По той причине, что таковых множество в окрестностях оного города ловится». Сейчас обоянцы знают о ценном мехе хорька в основном понаслышке. И вряд ли стоит заменять его в гербе, как предлагают некоторые, знаменитыми обоянскими яблоками, которые и так у всех на глазах. Пусть лучше доставшийся в наследство от предков геральдический знак напоминает о бережном отношении к природе, без которого в наши дни полноценное развитие туризма просто невозможно.

ПРОРОЧЕСКОЕ СЛОВО

А теперь вернемся обратно на базар. Не затем, чтобы проникнуться поэтическим ярмарочным духом — просто за покупками.

Когда я побывал здесь впервые, много лет назад, бежевая «Победа» выглядела рядом с лошадьми чуть ли не иностранкой. Сейчас у ограды тесно от автомобилей. Прогресс налицо, но, увы, не на прилавках. Прежде было легче перечислить то, чего здесь нет, теперь, наоборот,— то, что есть. Ассортимент сузился. И везут, и покупают все больше самый ходовой товар, в основном продовольственный.

Какие гостинцы я прихвачу отсюда зимней порой в Москву? Сало, «паленое соломой» (т. е. копченое), да толченую грушу для начинки пирогов. Перед поездкой дома разбился хранимый для

бережно с дерева сняты и уложены. Руки — самый заботливый инструмент. Только очень уж много их требуется.

Но ведь так не всегда будет. Внедрили контейнеры — и количество сборщиков сократилось на полтысячи. Безусловно, скажется и переход на хозрасчет: договорные начала разовьются, созывать на уборку огромное количество студентов просто невыгодно. Зато приглашенный экскурсионным бюро автотурист станет в саду особо желанным гостем. Захочет — купит яблоки, уже сорванные или «на корню», расплатится, как удобнее — деньгами или работой. А то, глядишь, войдет в азарт и потрудится на уборке по договору сколько понравится — для здоровья хорошо, оплата высокая.

Ясность цели, четкая ориентация на конечный результат заставляют менять сложившиеся стереотипы. Например, для ремонта и восстановления облика центральной части города удобно пригласить шабашников: в здешних краях они строят по общепринятым расценкам вдвое быстрее, чем обычно.

С января нынешнего года в районе уже нет РАПО — его сменило АПО. Название сократилось на одну букву, зато права агропромышленного объединения изменились в принципе — оно действует на хозрасчетных, кооперативных началах.

Образуются ощутимые ножницы между личной инициативой, желанием людей предложить свой труд и созданием необходимых для этого условий со стороны государства. Здесь уместно вспомнить про арендный подряд в сельском хозяйстве, когда обе договаривающиеся стороны берут на себя четкие взаимные обязательства. Сейчас роль местных Советов народных депутатов в расширении кооперативного движения будет увеличиваться. Поэтому со многими из возникающих вопросов райгород, наверное, сможет справиться сам, но кое в чем (о, звучащее десятилетиями, словно заклинание, «фондируемые материалы») потребуется и помощь со стороны Курской области.

Между прочим, есть в Обояни одно учреждение, которое остряки называют «первым хозрасчетным». Очень внушительное с виду, оно находится в начале центральной улицы, около базара, и привлекает особое внимание иностранных туристов. Это — Троицкий собор. Я заглянул туда в не предназначенное для посещений время. Но тут же был встречен немолодой женщиной, которая извинилась за то, что в храме идет ремонт, вызвалась ответить на вопросы, если таковые появятся, посоветовала купить икону или крест, пригласила посетить службу...

Не часто приходится сталкиваться с таким любезным обращением.

И еще я невольно подумал: близкий по величине универмаг закрыли бы для ремонта как минимум на год-два. А здесь все крутится, все на ходу. И пусть сравнение церкви с предприятием кого-то шокирует, но когда предприятие поставлено в условия, при которых оно вынуждено само себя содержать да еще приносить доход,— великая от этого польза!

Итак, Обоянь готовится стать городом не **на**, а **у** большой дороги.

А как же обстоит дело с самой дорогой?

Пока что дорога мостится обещаниями. Их давно пора выполнять. Хочется, чтобы все вышеизложенное послужило для министерства аргументом в пользу этого элементарного соображения, а также привлекло его и наше с вами, дорогие читатели, внимание к некоторым проблемам старинных придорожных городов в целом.

Что ни говори, а улицы, тем более главные, в первую очередь принадлежат самим городам. И если трассы калечат эти улицы, хозяева вправе потребовать их возвращения. Оно всем нам — и жителям, и проезжим — одинаково нужно.

Дорога взрастила многие старинные города. Она обязана их сберечь.

ПРОШУ СЛОВА!

Накануне Дня Победы вместе с приятельницей выполняли просьбу ее пожилой тетушки — проводили в православный храм, где она хотела помолиться о покойном муже; мол, что-то стал он во сне являться с укоризной во взоре почти через ночь. Тетушка накупила свечей и пошла с ними по церкви, а мы стали у дверей, чтобы зевачеством не мешать тем, кто сюда пришел по-серьезному. Правда, в этот час под высокими сводами было пустынно. Трепетало лишь пламя свечей, и где-то в глубине напевно и спокойно на малопонятном церковном языке священник совершал какой-то обряд.

И вдруг почти рядом я услышала другой голос. Похожий на шелест сухой травы. Вполне современно одетая пожилая женщина стояла, сомкнув на груди руки. Казалось, она вглядывалась в только ей одной ведомое и тихо, но отчетливо повторяла:

— Пресвятая матерь божья, не допусти войны... Не позволь еще раз пролиться крови на этой земле. Пресвятая дева, не допусти Карабаха...

Она творила молитву по своему разумению, не придерживаясь церковных канонов и текстов. Скорее всего она их и не знала, у нее были припасены свои слова для храма. Тем же торопливым сухим шепотом, пожалев убитых на войне — может, собственных сынов, а, может, просто детей других матерей,— она еще несколько раз повторила:

— Не допусти Карабаха...

Моника ЗИЛЕ

Между этим храмом в центре Риги и хребтами Кавказа лежали многие сотни километров, и сама молящаяся никак не походила на уроженку юга. Но с такой болью с ее уст слетали слова бесхитростной молитвы, что она обжигала душу: что? что же это такое происходит у нас и с нами? почему?..

А молитва все шелестела. Бескорыстная. Слова смятения, доверчивости и надежды: не допусти... В какую-то минуту я позавидовала ее вере в силу молитвы и чудо. Вот бы броситься рядом с ней на колени и попросить у скорбно-печальных лиц на иконах, чтобы они не допустили и тех слов, которые совсем недавно с шипением произносили в автобусной давке. Причина была самая банальная: кто-то кого-то не пропустил, не уступил, не извинился. Или в подобном роде. «Подумаешь, цаца какая,— если транспорт на нервы давит, сидела бы дома». «Чего же вам не сидится по своим домам-то — все едете, едете в Латвию!» «А вы... А вы весь свет насмешили своими дурацкими выступлениями прошлым летом, вот...» Одним словом, бушевало то, что последнее время стали называть «транспортным национализмом». Минуту — не более — заняла эта перепалка, погасил ее спокойной шуткой какой-то умный человек. Погасил, но мы, пассажиры, почему-то прятали друг от друга глаза. Наверное, устыдившись в душе, что — еще каких-то пара минут! — и в пылу нелепой перебранки могли поддержать ту или другую сторону. Недаром говорят, что национальные чувства самые ранимые. Но все же... Все же больно, страшно слушать это: а вы! а вот вы!.. Хочется закрыть уши или вот так, как эта женщина, попросить кого-то всемогущего, чтобы прекратил...

Но я понимаю, что, увы, матерь божья тут ничем не поможет. И нельзя отмахнуться от вопроса: почему мы с гневным огнем в глазах упрекаем своего ближнего за его национальность, а иногда и руку на него поднимаем; почему это произрастает и дает побеги, которые не рубятся волевым мечом, наоборот, от его действий становится еще живучей? И это так страшно. Но жить только страхом или вопросами невозможно. Надо искать ответы. И для себя, и для всех вместе.

* * *

Название моей родной латышской деревни — Петушки. А за пригорком виднелись такие же соломой крытые избы русской Осиновки. В Латгалии, восточной части Латвии, чередование разноязыких сел не диковинка. Давным-давно такой уклад тут сложился. И обе деревни друг над дружкой подтрунивали невесть кем сложенной безобидной частушкой:

Петушки — кулачки,
Осиновка — беднячки.
Ну, а если-то по правде,—
Можно спеть наоборот.

Можно. Потому что и у русских, и у латышей довоенный достаток тут был примерно одинаков. Под косой войны полегло больше осиновских мужиков, значит, и вдов больше осталось. И когда после войны обе деревни составили один колхоз, поля в основном пахали петушковскими лошадками. Немало горемык бродили в ту пору в наших краях, стараясь хоть как-то устроить свою судьбу. Среди них была и Евдокия Румянцева. Дуня. Спасаясь от голода, пешком пришла из Калининской области. За Дунину юбку держались три девчонки, одна меньше другой. Петушки первыми встретились на их дороге. И хотя, по правде говоря, наша деревня не отличалась сногсшибательным гостеприимством, Дуню накормили, детей обогрели. Малость передохнув, Евдокия пришла в сарай, где местные женщины перебирали и трепали лен. Как-то незаметно, будто ненароком, стала она в ряд с бабами и показала, что все умеет не хуже их. Между делом спрашивала, как люди здесь живут. Особо похвалиться было нечем. К тому же по деревне только что лихо прогулялась свиная болезнь, прихватила с собой и нашего уже подросшего боровка. Всего два дня назад его закопали за огородом.

Услышав это, Дуня аж задрожала. Всплеснула руками: вот народ! взяли и выбросили мясо! Ну, что из того, что болела свинья рожей, не то еще приходилось пробовать.

После этого недвусмысленного монолога моя бабушка Леонора собрала детвору и строго наказала:

— Чтобы мне ни одна душа не мяукнула про то место, где боров зарыт! А то, чего доброго, ночью выкопает и детям сварит... Видно, натерпелись такого, что нам и не снилось. Не дай бог, девчонок потравит еще. А так баба справная — уж больно ловко лен треплет. Руки на месте!

Дуня устроилась жить насовсем неподалеку от бабушкиного дома. Бывало, схватывались они ссориться с моей бабушкой — из-за потравившей покос коровы, из-за детских шалостей... За острым словом к соседям не бегали: своя «муниция» всегда под рукой. Но я не помню, чтобы в этих перебранках они бы ругались «русскими» и «латышами», приписав тому или другому народу особо непривлекательные черты. Пошумели и расходились, чтобы на другой день мирно поговорить как ни в чем не бывало.

Мне думается, перейти грань в житейских перебранках Дуне и бабушке Леоноре не позволяло их взаимное уважение по части крестьянской работы. Пришлая Евдокия, «кроме всего прочего», умела споро махать косой-литовкой, рожь серпом жать и тугодойную корову играючи подоить. А моя бабуля — все это признавали — вот уж пряла так пряла! Иногда Дуня, вроде бы и ни к месту, изрекала:

— Ну, если кишка с дыркой, ее не надуешь!

— Вот, вот! — соглашалась бабушка.

Так они однозначно оценивали тех, кто работал кое-как. Светлая им обеим, великим труженицам, память и земля пухом...

Да, имеющая славу искусной пряхи, моя бабушка Леонора собирала в узелок то кудель пакли, то пучки шерсти и шла в Осиновку к Аленке. Та жила одна-одинешенька, была уж так стара, что не годилась для поля или покоса. Вот и носили из нашей деревни Аленке прясть. За готовыми нитками бабушка опять направлялась не с пустыми руками — платили Аленке натурой, всего понемногу.

В детстве я как-то не задумывалась над этими походами туда-обратно. Только со временем пришел недоуменный вопрос: почему наши петушковские бабы, все поголовно умеющие сами крутить прялку, то и дело подбрасывали работу Аленке, чьи узловатые пальцы дубели и плохо чувствовали нитку? Да потому, что получать подаяния просто христа ради в свое время работящей и теперь немощной женщине было бы очень больно и обидно. А тут выходило, что работала и получала плату караваем хлеба, десятком яиц, сметаной, перловой крупой. Моя неграмотная бабушка и ей подобные товарки в нашей деревне владели искусством человеческих отношений, понимали их глубину. Не зная такого понятия, как этика, придерживались его. Правда, прикладывая к человеку лишь один-единственный аршин: как ты умеешь работать.

Уже позже, когда немного привыкли к колхозному укладу, обе деревни плечом к плечу выходили тяпками полоть сахарные бураки. Осиновские при этом любили петь. До сих пор помню длинную, с трагическим концом — конечно, про любовь! — историю:

В одном прев-красном мести —
На берегу реки!
Стоял прев-красный домик —
В ем жили рыбаки!

Петь русские умели. Но и наша сторона не подкачала: в Петушках жил кузнец по имени Антон, и это на его наковальне рождались такие тяпки, полоть которыми было одно удовольствие.

Каких-либо общих праздников или гулянок не помню — их справляли, следуя темпераменту и традициям, каждая деревня сама у себя. Иногда моя мама говорила:

— Надо бы сегодня дома остаться, но народу мало в поле будет — у осино-

НЕ ДОПУСТИ!

вских сегодня большой праздник.

При этом упоминался какой-либо из многочисленных православных праздников. Но из-за того не станешь чужой праздник хулить, что такого нет у твоего народа. Придет традиционное время латышам поминать умерших или какой-то другой важный день, тут уж осиновские выйдут гурьбой на работу.

На границе двух наших деревень — осиновское кладбище. В него упирались три дороги, между ними — около кладбища — образовалось большое непаханое поле с буйным разнотравьем. Очень уж нам хотелось пасти на нем овец — они бы там крутились на месте, особый пригляд не нужен. А самим между тем поиграть вволю... Но мы знали и то, насколько тяжела рука бывает у матерей, если они увидят, что ягнята забрели на кладбище.

Чтобы воспоминания эти не выглядели елейными, скажу: народ в обеих деревнях жил разный. Варили бражку, гнали самогон. Бывало, под горячку и колья из забора выхватывали... Куда от этого денешься?

В этом месте слышу голос оппонентов: конечно, в Латгалии, где так сложилось, что издавна рядом с латышами живет много другого народа, межнациональное общение проще и потому, что там в основном знают язык друг друга. Да, теперь много говорят о двуязычии в союзных республиках. И некоторые, наверное, всерьез думают: если в наших краях все население поголовно бегло заговорит по-латышски, то сразу все проблемы исчезнут, заживем, как в раю... Безусловно, уважение к культуре и языку той республики, где живешь, важно. Только оно не устранит тех острых углов, которые мы как бы вдруг заметили.

Оно **одно** — нет. А что надо добавить?

Но прежде я хочу рассказать об одном человеке.

Леонид Некрасов родился в Поволжье. Прошел войну с первого до последнего дня. Путь домой из Берлина кем-то — вероятно, рукой самой судьбы! — был намечен через тихий латышский городок Салдус, что в Курземе. И здесь Леонид встретил Бируту. Вот уж действительно: у любви свой язык. Ведь Леонид совсем не знал латышского, а Бирута могла собрать едва десяток слов по-русски. Только это не помешало им заиметь свидетельство о браке.

— Ничего, скоро он по-нашему научится,— говорила мать Бируты знакомым.— Тут уж волей-неволей узнаешь латышский, когда кругом ни одна душа на другом языке не говорит.

Скоро Леонида стали звать Лешиньш. Это — ласкательное от имени Леша, только на латышский лад. Но, несмотря на это, язык жены Леониду не давался. Ну, вот хоть убей! Не было у него к латышскому ни малейшего таланта. Когда народились дети, с матерью говорили по-латышски, с отцом — по-русски. Родня сначала не верила, что Леша не понимает языка, на котором говорили все вокруг,— устраивала разные хитрые экзамены и пришла к выводу: нет, не притворяется.

Леонид подался в строительную бригаду. Там сразу сошелся с местными мужиками по двум статьям: хорошо знал плотницкую работу и осуждал тех, кто после получки жалел рубля для общего котла, а норовил пристроиться «на халяву».

Жили Некрасовы на окраине. Кругом ютились старушки, потерявшие на войне кормильцев. Кто держал козу, кто еще справлялся с коровой. У всех были огороды. И местный народ быстро усек, что Лешиньш — безотказный, не отмахнется от старухи, как некоторые другие, не заломит цену за услугу. А что языка не понимает? Эка беда! Если пришла к нему с косой, то ведь можно руками объяснить, что она затупилась, надо отбить. Да и дети у Некрасовых подросли, уже могли быть переводчиками. К жене, правда, лучше не соваться: то и дело кричит, что у Леши нет ни сна, ни продыха, все к нему лезут, будто других никого на свете нету!.. А он ведь не двужильный. На войне раненый. Что по праздникам медалей не носит, то только потому, что дал их мальчишкам поиграть, а те потеряли.

Так и жил Леонид, не постигший латышского языка. И жили рядом с ним другие, говорящие по-русски через пень-колоду.

Умер Лешиньш, как говорили врачи, от старых ран. Не берег себя совсем. Терпел боль. И перед тем, как уйти туда, откуда нет дороги назад, очень переживал, что не смог одному соседу, как обещал, покрыть тесом сарай, мол, не посчитал бы тот мужик Некрасова пустобрехом.

Кем Лешиньш был для городка, стало ясно на его похоронах. Пришло столько народа, что близкие растерялись. И еще позже Бирута долго находила на могиле свежие цветы: дань уважения Леониду Некрасову отдавали те, кто не смог прийти проводить в последний путь. Уважали за то, что не был ленивым, умел работать, помогал людям и держал слово. Только и всего...

* * *

Как-то получается, что вспоминаю людей, которых больше нет среди нас. И для того, чтобы доказать — то, что было в цене тридцать или двадцать лет назад, нисколько не поблекло и в наши дни, я воспроизведу небольшой монолог. Произнесет его газоэлектросварщик Рижской ТЭЦ-2 Сергей Горбаченко, родившийся в пятидесятых годах в Латвии, умеющий смотреть на жизнь широко открытыми глазами.

— Вы послушайте, что люди говорят дома, между собой, о работе. Редко кто скажет хорошее слово... Отчего же так? Да потому, что понаторела наша промышленность гнать брак. А человек ведь сознает, что руки его делают вещи плохие, никому не нужные; тот, кто купит, уж такое завернет про «мастера»... При такой постановке не может быть ни хорошего коллектива, ни нормальных отношений в нем. Вот и злятся люди. На того, кто под руку попадется.

Я с семьей живу под Ригой, в Саласпилсе. Тут рядом совхоз имени Ленина. У них там хороший деревообрабатывающий цех. Добрую мебель делают. Попросили меня помочь со сварочными работами. Я все сделал и получил возможность заказать комплект для кухни — мы только что квартиру получили.

И вот приходит ко мне домой мастер-мебельщик мерки снять. А я ему навстречу со своими идеями — мол, вот тут обожженным деревом облицевать, тут лаком покрыть; я такое у знакомых видел, и мне нравилось вполне. Парень этот послушал немного, а потом и говорит: «Вот что. Если бы я не видел, как ты классно сваркой работаешь, то и сварганил бы заказанную пошлятину... Ты мастер своего ремесла, а я в дереве понимаю. Так что, будь добр, отойди и не мельтеши, пока я буду думать, как из этого безликого помещения сделать приятное место в квартире».

Так я познакомился с Оярсом. Он мой друг — не боюсь этого слова. Оярс для меня безотказный. А я... Люба, жена, иногда говорит: «Ну, если Оярс тебя попросит, ты посреди ночи побежишь». И побегу! Потому что он меня по-пустому не позовет. Для дела, у которого будет какой-то хороший результат. И я помогу его сделать.

Однажды он взял меня с собой к родственникам. Убирали с поля капусту. Все там между собой хорошо знакомы. И один я, если можно так выразиться, не латыш. Но по ходу работы это все как-то потеряло значение. Я ведь знал, что до вечера надо срубить все кочаны, сложить в одно место. Когда сделали перекур, я почувствовал, что тоже стал своим, хотя никто мне не предлагал распростертых объятий. Просто мы вместе хорошо поработали. Они увидели, чего я, до того не знакомый, стою. Несколько рук тянулись, чтобы подложить еды в мою тарелку, когда кто-то удачно острил и все смеялись, сидящий рядом переводил мне смысл. Без упреков, что, родившись в Латвии, не знаю местного языка. Да, теперь сам чувствую от этого ущерб в общении. А ведь в школе были уроки латышского. Что там за уроки, видимость одна... А ребятня, глупые ведь, еще радовались: знать ничего не надо, и двоек не ставят...

* * *

Сводится все к одному: растеряв традиции трудовой нравственности — приписками, массовыми досрочными вводами в эксплуатацию, стимулированием не истинно хорошей работы, а показухи, мы нанесли огромный ущерб тому, на чем стоит уважение одного народа к другому. А оно перво-наперво, на мой взгляд, строится на умении трудиться, производить нужное, полезное, добротное.

Говорим: нам надо лучше познать друг друга. Тут должны прийти на помощь историки, социологи, печать, телевидение. Поле познания очень многогранно. Но, мне думается, во главу угла теперь везде должно быть поставлено качество труда. Скажите, какие теплые чувства может питать крестьянин к тому региону, из которого ему прислали комбайн с изъяном? Он чинит машину, проклиная тех, кто ее сделал. Ругает обобщенно, косит, так сказать, всех подряд — и тех, кто заслужил, и тех, кто совсем с краю. Поэтому за приписку, за брак наказание должно быть очень суровым. Пусть лучше сорвутся какие-то планы. Пусть даже на время не будет какого-то товара. Может, наконец появившись, он нас убедит, что Мастер в нашей жизни еще существует. И это укрепит основы нашего единства и нашего государства.

Хорошо у нас везде проходят фестивали дружбы народов. Там царит неподдельное гостеприимство, доброжелательность, искренно сияют улыбки и глаза. Но этих же людей после праздника будни бросают в пучину косо-криво вставленных дверей в новой квартире, к полкам магазина, где порой лежит такое, что и врагу не пожелаешь купить... И тогда мы замечаем чьи-то локти рядом. И вспоминаем, что можем показать свои.

Мне могут сказать, что я упрощаю. Это — мое субъективное. Только я не приму и такого мнения, что экономика, мол, пусть идет своим чередом, а дружбу надо крепить по другим направлениям. Конечно, должны быть и иные пути, но, на мой взгляд, как дополнение к возрождению трудовой нравственности и ее результата — хорошего качества всего, к чему прикасаются руки человека.

Посмотрим правде в лицо — уж очень много у нас людей, которые умеют стоять позади кусающего и впереди лающего. И сейчас они, шумно и восторженно поддерживая перестройку, махая знаменами самоокупаемости и самофинансирования, как работали спустя рукава, так и продолжают. И сходит им пока все: испуг не в счет. Они привыкли — уже пуганые. Сидят, наверное, перед телевизором, смотрят «Позицию», в которой Генрих Боровик рассказывает про черные дни Нагорного Карабаха, смотрят, и невдомек им, что недопоставкой, невежеством или невнимательностью они способствовали тому, что там пролилась кровь.

«Не допусти!» — молилась та женщина, верующая в матерь божью. А какую молитву сотворим мы, чтобы расцвела везде рабочая сноровка и хватка? Ведь мы говорим, что верим в Человека. Но это надо доказать. С любовью и требовательностью.



НЕОБХОДИМ РЕФЕРЕНДУМ ●

МАССЫ ДОЛЖНЫ ЗНАТЬ ВСЕ ●

СКОЛЬКО ЖЕ СТОИТ КОЛБАСА? ●

НАМ ПРОСТО НЕДОПЛАЧИВАЮТ ●

КЛАДБИЩЕ НА ОБОЧИНЕ ●

■

Закончилась XIX Всесоюзная партконференция, за ходом которой мы следили с небывалым интересом. Впечатлений от конференции много, они сильны.

Наиболее важной идеей конференции явилась идея совмещения должностей первого секретаря партийного комитета и председателя Совета народных депутатов. Она может стать мощным фактором создания в стране политической системы полного народовластия. Резолюция по этому вопросу принята. Она имеет колоссальное значение не только для партии, но и для всего народа. Поэтому, как мне кажется, создалась ситуация, когда необходимо посоветоваться со всем населением страны, то есть провести референдум. Дело это для нас небывалое, требует очевидной большой организационной работы, а главное — вполне научной информации к размышлениям для каждого гражданина СССР.

В. А. ЕЛЕЦКИЙ
Киев

■

Хотелось бы поделиться своими впечатлениями от только что прошедшей XIX партконференции.

За последние 60 лет это самый выдающийся форум партии. Уровень дискуссии значительно превосходит все, что довелось услышать и прочитать до сих пор.

Позволю себе высказать следующее суждение. По-моему, есть возможность укрепить Советы такими действенными способами, как экономические, приняв новый закон, где было бы четко и ясно сказано, на какие средства из бюджета предприятий, находящихся на территории Советов, они имеют право.

Политически же права Советов можно усилить путем применения территориального хозрасчета, с предоставлением Советам всех прав распоряжаться местными природными, людскими, экономическими ресурсами.

Путь только один — предоставление реальных прав предприятиям, Советам и каждому человеку в отдельности. Пока сделаны только первые шаги.

А. Ю. ОРЛОВ
Ярославль

■

Самый большой, самый заметный шаг вперед конференция сделала в области гласности. Все коммунисты, почти все советские люди с напряженным вниманием и интересом следили за той открытой дискуссией, которая разворачивалась в Кремлевском Дворце съездов. И убеждались, что конференция, выражая волю партии и народа, решительно поддержала курс на продолжение и углубление перестройки. Правда, ТВ-экран, радио и газеты наглядно показали нам, что при всем единстве взглядов в главном, в коренном, выступавшие нередко поразному оценивали те или иные явления и тенденции в нашей общественной жизни, темпы и границы начавшихся преобразований.

Особенно явственно это видно было в отношении делегатов к гласности. Конечно, не нашлось ни одного, кто поставил бы ее под сомнение. И это очень показательно. Время уже не то. Но были и такие, кто пытался поставить ей пределы, одернуть средства массовой информации, «поставить на место». К сожалению, среди такого рода ораторов были не только аппаратчики, что, казалось бы, естественно (например, первый секретарь Волгоградского обкома КПСС и бывший министр мелиорации и водного хозяйства РСФСР В. И. Калашников, которому уже перепадало от печати, в том числе от «Правды»). Были среди них и представители интеллигенции. И очень жаль, что поправка к резолюции, в соответствии с которой редколлегии партийных газет избирались бы на конференциях и съездах и таким образом не зависели бы от самодурства «вождей», была отвергнута на конференции.

Да, массы должны знать все, обо всем иметь свое суждение и на все идти сознательно. Так утверждал В. И. Ленин. Так записано и в резолюции конференции «О гласности». Особенно меня порадовало, что в ней записано (п. 3): «Предусмотреть свободный доступ членов выборных партийных органов на заседания подотчетного им бюро партийного комитета, в том числе Политбюро ЦК КПСС, право пользоваться документами, сведениями, данными, находящимися в распоряжении парткома и его аппарата».

Без гласности нет перестройки, нет демократии. Гласность — это естественная атмосфера жизни.

Ю. АКСЮТИН,
кандидат исторических наук
Москва

■

Всеобщее беспокойство вызывает положение воинов-афганцев, получивших увечья или ставших инвалидами. Считаем, что Министерство обороны должно взять на себя обязательство по обеспечению воинов-афганцев высококачественными протезами. Считаем, что эта функция неправильно передана в ведение коммунального хозяйства с ограниченными средствами — это прямая обязанность Министерства обороны позаботиться о наших воинах. Министерство обороны должно организовать свой протезный завод, на свои средства обеспечивать воинов инвалидными колясками, протезами и другими необходимыми средствами. Достаточно того, что после войны мы проявили черствость к безногим, безруким инвалидам, которые собирали милостыню по вагонам. На долгие годы забыли и не сделали выводов и теперь. Ведь стыдно смотреть молоденьким афганцам в глаза за нашу черствость.

ДЕМИНА, КОРЯГИНА, ФЕДОРОВА, МАЗУР,
сотрудники Государственной библиотеки имени В. И. Ленина
Москва

■

В последнее время ставится вопрос о переименовании городов, улиц, предприятий и т. д. «Огонек» неоднократно публиковал письма с такими требованиями, например, жителей города Жданова, требующих вернуть ему старое название — Мариуполь. Но ощутимых сдвигов в этом деле пока что мало. Не снято имя Жданова с Ленинградского государственного университета. В настоящее время в городе работает комиссия по наименованию улиц, но решение этого вопроса пока отложено до... 1989 года. И ленинградцам ничего не остается делать, как смириться с этим решением.

Но вот, по сообщению газеты «Советская Литва» (28.06.1988), в республике из семи колхозов имени Жданова шесть по инициативе колхозников уже переименованы.

Наверное, нам самим надо побольше проявлять инициативы, решительнее высказывать свое мнение по этому вопросу.

Зинаида ЛЕВИЧЕК
Москва

■

Нельзя равнодушно смотреть, как в горкомах, обкомах при выходах стоит вооруженный милиционер, охраняет вход к нашим партийным избранникам. От рядовых коммунистов не хотят выслушивать в глаза критику, нельзя даже посоветоваться с работником, пока не получишь пропуск. Зачем эта надстройка? Кому нужно это лишнее звено, где это видано, что коммунист не имеет права входа в партийный комитет. Даже при Хрущеве свободно можно было войти в ЦК союзных республик, а вот Брежнев отделил рядовых коммунистов от партийных работников!

Ленинский партийный билет дороже бумажного пропуска. Вход должен быть только по партбилетам!

В. П. ГРАЧЕВ
Алма-Ата

■

Как много говорится, как много пишется о ценообразованиях на продукты питания за последние годы! Сколько мнений за стабилизацию цен, за «доплату» на мясо, масло и т. п.

А можно ли назвать социальной справедливостью тот факт, что население сельской местности платит за одни и те же продукты в 2—3 раза больше, чем городской житель?

В областном центре, отстояв в очереди час, два, можно купить килограмм колбасы по цене 2 руб. 20 коп. или окорок — по 3 руб. 60 коп. Эти же продукты, зачастую худшего качества (производятся они на местных карликовых предприятиях), в магазине потребкооперации стоят соответственно 7 руб. 50 коп. и 8 руб.! Так же разительно отличаются цены на мясо и другие мясные продукты. Фонды на эти продукты, хотя и маленькие, отпускаются, конечно, и в сельскую торговую сеть. Но их хватает только для удовлетворения потребностей школ, детских садов, больниц.

До чего же мы дошли! Производитель этих продуктов вынужден их покупать втридорога по сравнению с городским потребителем. Не походит ли это все на те времена, когда крестьянин, выращивая хлеб, не видел его?

Так не пора ли от говорильни перейти к делу и установить единые цены на продукты как для города, так и для деревни.

И. И. ШИЛОНОСОВ
с. Карагай Пермской области

■

Многие сейчас против кооперативов, против высоких цен на их услуги и продукцию, против их баснословных заработков. Дело в том, что мы им просто завидуем.

Ведь каждый понимает, что и квалификация, и затраты труда, например, на изготовление аляповатых поделок или обслуживание об-

щественных туалетов не ахти какие. Почему же доходы, даже по их «официальным» данным, не менее 500 рублей в месяц против наших 250—300 при довольно высокой квалификации (инженеров, кандидатов) и при достаточно интенсивном труде? Да просто-напросто потому, что нам недоплачивают. В печати уже промелькнуло, что, по мнению иностранных бизнесменов, в СССР уровень зарплаты — один из самых низких в мире, и это стимулирует их открывать совместные предприятия. Причем зарплата на них для советских граждан значительно выше, чем на обычных предприятиях, и все же весьма низкая. Появление кооперативов создает конкуренцию не только на товарном рынке для государственных предприятий, но и на рынке труда. Это, по-моему, следует учесть нашим «специалистам» по определению зарплаты. Ведь иначе люди побегут с госпредприятий в кооперативы, особенно молодежь. А то ведь что получается? Недавно читаю приказ о назначении начальника отдела кадров в сравнительно небольшой конторе с окладом 400 рублей. Кооперативы вообще обходятся без отдела кадров, и ничего.

По-видимому, пришло время, когда оклады чиновникам должны устанавливать производственники, а не сами же чиновники. Оклады специалистам (инженерам, врачам, архитекторам и т. д.) должны определяться в соответствии с конъюнктурой на рынке труда.

Б. Г. ЛИТВАК
Москва

■

Я как краевед долгие годы самостоятельно занимаюсь изучением истории своего края. В связи с этим обратился в Киевский областной архив загса, чтобы мне разрешили посмотреть метрические книги за первую половину XIX столетия некоторых церквей — приходов. Сведения эти не секретные, но, несмотря на это, мне отказали. Я написал об этом в газету «Известия», откуда мое письмо переправили в Министерство юстиции УССР. А министерство прислало ответ:

«...по вопросу ознакомления Вас с архивом... сообщаем, что в соответствии с условиями хранения книг регистрации актов гражданского состояния... а также порядка передачи книг в госархив на хранение, утвержденном Министерством юстиции СССР в 1978 году и согласованным с Главным архивным управлением при Совете Министров СССР, ознакомление и доступ посторонним лицам к архивным фондам категорически запрещен».

Так как же все-таки будет? Останутся архивы, не имеющие никакой государственной тайны, по-прежнему закрытыми для народа или «работающие» до сих пор консервативные инструкции Министерства юстиции будут пересмотрены?

Николай Борисович БАРБОН
Киев

■

Почему до сих пор так эффективно действует в руках противников перестройки система перехода на личности? Послушать их мнение, так на гласность имеет право только ангел. Некоторые пытаются лишить других права на перестройку, скрупулезно подсчитывая их прошлые застойные ошибки. Но эти претензии вышли на передний план сегодня, вчера более модными были обвинения в «аморалке», которые действенны еще и до сих пор.

Как ловко удавалось «скинуть с кресла» конкурента, подсунув «аморалку», как легко удавалось «закрыть рот» тем же способом. Сколько партийных, профсоюзных, комсомольских собраний разбирало интимную жизнь своих членов, а то и не своих. Сколько человек эти собрания сделали счастливыми? Миллион? Сто? Ни одного! А несчастными — всех, включая «разбирателей». Эти собрания воспитывали ханжество и цинизм вне зависимости от «высоты» цели. Люди переставали быть откровенными, они стали бояться своей «личной жизни». То, в чем нужно больше личностного и откровенного, скрывалось и маскировалось под «общественное». Ведь «обсуждение» личной жизни заключалось не в высказываниях частных мнений, а в «оргвыводах». Метастазы моральных извращений широко распространились на разного рода анкеты и другие документы, на их количество и дотошность в освещении личной жизни. Даже появилась такая форма, как собственноручное досье — автобиография с включениями биографий родственников и знакомых. На судьбу теперь могли повлиять не только «ошибки молодости», но и ошибки прабабушкиной молодости. И не только на судьбу отдельного человека влияло это. Это лишало производство и общество талантливых, но «заподозренных» специалистов, обосновывало засилье бездарностей с «чистой анкетой».

Двойная мораль привела к тому, что вполне естественные отклонения в этой области стали считаться святотатством. Отклонения существовали и существуют, но в качестве «бытовой», а не «общественной» морали. Несоответствие приводит к еще большим моральным, медицинским, а порой и экономическим проблемам.

Спокойный, вдумчивый и конструктивный подход к изменениям в области морали может если не разрешить, то смягчить многие сложности и заботы нашего общества. Бездумно-парадные запреты и поиск их нарушителей лишь в состоянии углубить кризис в любой области. Почему же нас так упорно заставляют верить в изначальность запретов? Не пора ли запретить оргвыводы по личным вопросам? Не пора ли в области морали прислушиваться ко мнению каждого, а не только «всех»? Что может быть аморальней формального подхода к морали!

В. Г. СИЛКА,
рабочий, член ВЛКСМ
Донецк

■

Если сравнить издания Русской православной церкви с новинками атеистической литературы, широко представленными на книжных прилавках страны, то сравнение, конечно же, окажется не в пользу последних. Написанные тяжеловесным академическим языком, убогие по своему оформлению, они отпугивают не только верующих, захотевших познакомиться с основами материалистического мировоззрения, но даже и специалистов по научному атеизму.

Студентами мы бывали на богослужениях и, честно говоря, ловили себя на мысли, что слушать проповедь священника, торжественно обставленную согласно ритуалу, гораздо интереснее, чем лекции по научному атеизму. И не в лекторском мастерстве преподавателя здесь дело. Все заключается в том, что вузовский курс этой важнейшей марксистско-ленинской дисциплины весьма парадоксален. Как можно вооружить студентов атеистическими знаниями, если они не имеют ни малейшего представления, с чем им придется бороться? Что могут критиковать вчерашние школьники, а затем уже и дипломированные специалисты, зная о религии буквально только то, что она существует?

И обвинять их в этом нельзя. Ведь даже если бы они захотели, то не смогли бы познакомиться с простыми библейскими сюжетами. Ставшие хрестоматийными книги Л. Таксиля и Е. Ярославского давно устарели с точки зрения методологии. Но, несмотря на это, некоторые лекторы-атеисты продолжают черпать из «Священного вертепа» Л. Таксиля «интимные подробности» из жизни римских пап, выдавая эту пикантную информацию за показатель общей развращенности всех служителей культа. Не могут дать полного представления и популярные у нас книги З. Косидовского, ввиду своей фрагментарности. То же самое можно сказать и о различных справочных атеистических изданиях.

Из школьного курса истории вообще убрано слово «Библия», как будто такой никогда в природе не существовало. В то же время методисты призывают учителей вести атеистическую пропаганду.

К чему мы это пишем? А к тому, что хотели бы полностью поддержать мнение академика Д. С. Лихачева, высказанное в интервью, данном вашему журналу («Огонек» № 10) о необходимости светского издания Библии с исчерпывающими, доступными пониманию многих читателей комментариями.

Библия — это исторический источник, без которого невозможно представить не только конкретную историю народов древности, но и историю развития человечества.

Библейские легенды и мифы вдохновляли выдающихся гениев человечества на создание бессмертных произведений.

Считаем — и думаем, что нас поддержат,— необходимым поставить вопрос о введении специального курса атеистического воспитания в школах, чтобы вооружить наших детей — завтрашних граждан — подлинно научными знаниями, а не догматизмом и фиглярством, которые процветают сейчас в нашем атеистическом воспитании.

С. И. ЖУК,
преподаватель кафедры научного коммунизма Днепропетровского госуниверситета, кандидат исторических наук,
И. В. ОХИНЬКО,
аспирант кафедры всеобщей истории Днепропетровского госуниверситета
Днепропетровск

■

Годы застоя? А, может, годы «расцвета»? Кто ответит на этот вопрос однозначно? Почему так ставлю вопрос? Потому, что начиная с начала семидесятых годов (конечно, XX века) кладбища людей казахской национальности стали превращаться в «шедевры архитектурного зодчества», ранее скромные могильные плиты — в сказочные белокаменные минареты высотой в двухтрехэтажные дома. Минареты причудливых форм выросли также в «города» вдоль дорог Гурьевской, Уральской, Астраханской областей и, как ни странно, продолжают расти, как грибы. Эта мода оказалась заразительной и для других. Так, по пути из Волгограда в Ахтубинск вдоль дороги также стали появляться памятники с фотографиями, венками, «сувенирами» типа рулевой колонки. Мне непонятно, как появляются эти шедевры и зачем. Если дело так пойдет дальше, то скоро вместо красивых пейзажей за окном транспорта будут мелькать только памятники.

Я считаю, что нельзя обочины дорог превращать в кладбища. Вдоль дорог надо растить деревья, сады, строить хорошо оборудованные остановки для короткого отдыха. Парадокс, но факт! На всем протяжении пути от того же Волгограда до Ахтубинска нет ни одного туалета, не говоря уже о сервисе в самом примитивном смысле этого слова.

Ю. М. ГУСЕВ
Ахтубинск

■

В № 15 «Огонька» опубликовано письмо воронежского краеведа А. Акиньшина, в котором рассказывается, что в Воронеже «по-прежнему на имени О. Мандельштама лежит печать умолчания». Горисполкомом официально было отвергнуто предложение дать имя Мандельштама маленькой улочке Швейников, где он когда-то обитал.

К настоящему времени в список, разработанный специальной комиссией горисполкома по наименованию улиц, имя О. Мандельштама внесено. Другое дело, что работает комиссия, не слишком торопясь.

А другой наш писатель — гордость наша, воронежцев, и укор — Андрей Платонов? Вот он сейчас приходит к нам, считай, полностью из архивных залежей и шепоткового тумана легенд. Кстати, ведь мог бы Андрей Платонов раньше прийти, если бы слишком многие «посредники» читали и, как говорится, пропагандировали бы самого Платонова, а не то, что желали в нем прочитать. И мистика из него делали, и мифографа, и униженных с оскорбленными живописателя, и странника едва ли не во Христе, и даже старца-пустынножителя в древнебиблейском стиле.

В то же время толкователи Платонова практически словом не обмолвились об истоках платоновской художественной концепции мира и человека.

«Ленин для меня, круглого сироты, стал и отцом и матерью...». И рассказ «О лампочке Ильича», и маленькая повесть «Иван Жох», и все расцветные произведения — рассказы «Государственный житель» и «Усомнившийся Макар», повести «Впрок» и «Ювенильное море», эпическая громада «Чевенгура», да если еще учесть другие художественные вещи, публицистику, литературную критику, ведущие мотивы которых восходят к своему ленинскому истоку.

Недавно созданный в Воронеже Платоновский комитет обратился с просьбой вносить конкретные предложения по пропаганде творческого наследия писателя — вот я свое предложение и вношу: жаль, что нет у нас хотя бы в университете платоновского семинара.

Почтить писателя — не значит только наречь его именем улицу, поставить изваяние («что мне бронзы звон или гранита грань!»). Почитать писателя — это значит его читать.

Леонид КОРОБКОВ,
член СП СССР
Воронеж



Наш адрес:
101456,
Москва,
Бумажный проезд, 14.



«После второй мировой войны, когда буржуазное реакционное формалистическое «искусство» открыто стало на службу американскому империализму, появились отвратительные, патологические «картины» сюрреалиста Сальвадора Дали, прославляющие атомную бомбу и не имеющие ничего общего с художественным творчеством».
(БСЭ, издание 2-е, т. 4, стр. 295.)

Восьмое наставление: «ХУДОЖНИК, РИСУЙ!»

ПАЛИТРА

Юрий ТЮРИН,
кандидат искусствоведения



Воистину, времена нынче изменились. Смотрю вечернюю программу «Время» и глазам не верю: нам показывают видеосюжет, как в Париже, в советском посольстве, издатель и коллекционер Пьер Аржиле передает в дар нашей стране прекрасные рисунки испанского художника Сальвадора Дали. Целых тридцать семь произведений.

А в апреле сего года в Москве открылась солидная выставка мэтра сюрреализма: три скульптуры, четыре гобелена, сто пятьдесят произведений графики. Первая выставка мастера у нас в стране, которая до сего времени не имела ни одной вещи Дали. Зрители знали о художнике понаслышке, да и то преимущественно только худое.

Мультимиллионер, мистификатор, сначала безбожник, затем истовый католик...

Сын дьявола пришел к богу. Значит, плох этот Дали, самовлюбленный параноик, чья живопись сравнима с его эксцентрикой. Припоминается одна из газетных публикаций. Праздновался в Париже юбилей Вольтера. На сцене стоял бюст мыслителя. Вдруг с колосников опустился подвешенный носорог и раздавил бюст. К изумленным зрителям вышел Дали и объяснил, что носорог сильнее разума. Художник часто ходил тогда в парижский зоопарк, где поразился дикому богатырю по кличке Франсуа. Вздумал пошутить на годовщине...

Журналисты любили чудачества Дали, смачно о них сообщали. Да он и сам не был чужд саморекламе. Его можно назвать магом эпатажа. Даже на автопортретах Дали прочитывается самоутверждение. Но не забудем, что в самой природе авангарда заложен скандал, вызов предрассудкам, обывательским стандартам. Авангард как массовое направление в культуре родился ведь на сломе эпох. Он жаждал утвердиться, и он утвердился, как бы к нему ни относились: со знаком плюс или минус. Он оказался кусачим и скандальным, бедным и богатым, аполитичным и революционным. Разным, но положение дел таково, что без него нет искусства нашего века.

Дали я узнал через кино. Если я не мог увидеть его полотен, то имел возможность посмотреть кинопленку. В 1928 году в Париже был сделан знаменитый сюрреалистический фильм «Андалузский пес». Его поставили Луис Бюнюэль и Сальвадор Дали, два испанца, примыкавшие к кинематографическому авангарду, внекоммерческому течению, немало сделавшему для утверждения серьезного искусства кино. Картина эпатировала вызывающими намеками, туманными по содержанию сценами, бредовыми символами. В историях мирового кинематографа всегда вспоминается кадр, когда молодой мужчина разрезает себе бритвой глаз. Вокруг фильма разразился скандал. Часть авангардистов, как ни странно, протестовала против демонстрации «заумной» ленты. Жорж Садуль, один из тогдашних парижских сюрреалистов, был в толпе, которая едва не разнесла кинозал, где показывали фильм. Буржуазная публика, к удивлению творцов, аплодировала, хотя картина издевалась над моральными нормами «порядочного общества», отвергала коммерческие стереотипы. Дали был разочарован приемом фильма.

В «Андалузском псе» был один из устойчивых образов Дали — «взбесившееся фортепьяно». Образ абсурда и алогичности, перешедший в живопись художника (например, полотна «Череп атмосферы и большое пианино» или «Череп и его лирический привесок», оба 1934 года). Залитый собственной кровью дохлый осел, отрезанная рука на голом полу — это была, как толковали сюрреалисты, «нецеленаправленная игра воображения». Принцип свободных ассоциаций, всемогущество сна, сновидений отодвигают произведение по ту сторону каких-либо эстетических или моральных соображений. Так учил отец сюрреализма поэт и психиатр Андре Бретон. Бюнюэль пояснял: «Главную функцию в ритмическом и архитектоническом построении фильма выполняют вещи. Монтаж — золотой ключ к фильму — комбинирует, комментирует и объединяет все разнородные элементы. Можно ли достичь большей кинематографической добродетели?»

После войны, в США, Сальвадор Дали принял участие в постановке фильма «Завороженный», который снимал классик жанра «ужасов» Альфред Хичкок. Герой картины, врач-психиатр, страдает навязчивыми видениями, внушенными перенесенным в детстве потрясением. Дали создает в фильме декорации-кошмары, материализует видения больного. «Завороженный» следует Фрейду по замыслу, по сюжету, по стилю воплощения. Надо помнить, что сам термин «сюрреализм» означает в переводе с французского: сверхреализм. Над реальностью, в толщу видимого, под корку, в бездну подсознания.

Метод приносит желаемое эмоциональное воздействие. Мне трудно согласиться с одним уважаемым критиком, которая пишет, что сюрреализм — «это направление крайнего иррационализма и субъективизма, отрицающее идею, сюжет, характер и рассматривающее творчество как стихийный импульс подсознания». От Манифеста сюрреалистов, опубликованного в 1924-м в Париже, до нашей критической оценки объективного содержания течения лежит долгий и трудный духовный наш опыт. Неужели непонятно, что «крайнее направление», зачавшись в переломный момент всеобщего бытия, скандалило от разящей боли, вопило от обнаженного страдания?

Сюрреализм оформился в Париже, столице мирового авангарда, в середине 20-х годов. Давайте это направление в искусстве не хулить, а спокойно изучать, тем более что у нас в стране — свои последователи этого художественного метода, например, великолепный Борис Петрович Свешников. Эстетическая концепция сюрреализма изложена Андре Бретоном, автором первого манифеста. После трагедий первой мировой войны Париж бурлил. Сюда стекались и деятели русской культуры. Журнал сюрреалистов назывался «Сюрреалистическая революция» (другой перевод: «Сюрреализм на службе революции»). К сюрреалистам относились художники Миро, Клее, Кирико, Танги, Эрнст — сегодня это имена первого ряда модернизма. Термин дал поэт Аполлинер. Откуда известное название книги Хемингуэя «Праздник, который всегда с тобой»? Это из Парижа 20-х.

Молодость авангарда, его антибуржуазность, антиакадемизм породили десятки талантов. Среди них оказался и Сальвадор Дали. Он перебрался из Испании в Париж, чтобы создать себе славу, поклонников и деньги, много денег.

Летучая фраза: скажи мне, кто твои друзья, и я скажу, кто ты. В родной Испании друзьями Дали были великие кинорежиссер Луис Бюнюэль и поэт Федерико Гарсиа Лорка. Дали молился на Фрейда. Он встречался с родоначальником психоанализа и нарисовал его портрет, как и портреты Бюнюэля и Лорки. В Париже Дали дружил с теоретиком сюрреализма Бретоном, правда, позднее разорвал отношения. Выставки испанского художника имели ошеломляющий успех. Он взлетел стремительно. Стал дерзить: «Разница между сюрреалистами и мной заключается в том, что сюрреалист — это я».

У нас тогдашний Дали не имел никаких шансов стать частью культурного сознания. Деспоты всегда ненавидели модернистов, они предпочитали холодный, монументальный академизм. Любая зашифровка смысла произведения пугала их подозрительный ум. О картинах Дали мы заговорили только на исходе 50-х, в момент оттепели. Поскольку нашему читателю Сальвадор Дали практически неизвестен, расскажем о его поразительной жизни, наполненной триумфальными скандалами.

Дали родился в 1904 году, в Каталонии, в городке Фигерас. Семья нотариуса (иногда отца Дали считают адвокатом) подарила миру вундеркинда. Ранняя работа маслом нарисована Дали в шестилетнем возрасте. В четырнадцать лет Дали показал свою первую выставку, в пятнадцать начал публиковать статьи об искусстве. Сколько раз я слышал, как иной сердитый зритель, увидев картину авангардиста, в сердцах восклицал: «Мазня! Так и я нарисую!» Заблуждение. Сальвадор Дали, например, прошел жесткую выучку у мастеров эпохи Возрождения. Он без устали копировал Веласкеса, Вермера Делфтского, Леонардо, изучал античные образцы. Учился рисунку у Рафаэля и Энгра, боготворил Дюрера. В технике рисунка Дали достиг классического совершенства, которое он продемонстрировал в иллюстрациях к «Божественной комедии» Данте и к Библии. Художник и в сюрреалистических полотнах, столь трудных для восприятия, показывает изумительное мастерство

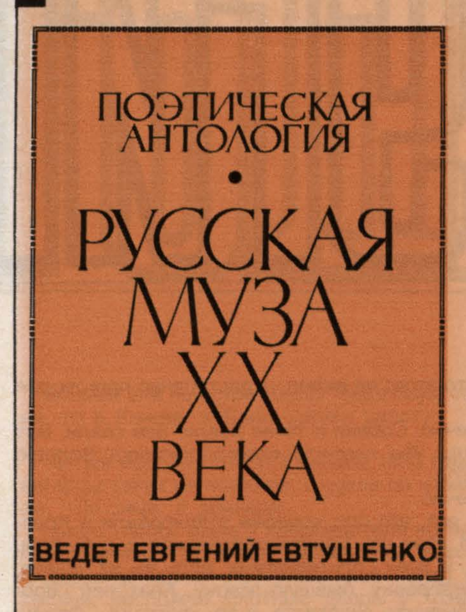
Окончание на стр. 24.



САЛЬВАДОР ДАЛИ. Род. 1904.
ПЕРСОНАЖ МАСКАРАДА НАКАЛЫВАЕТ БАБОЧКУ. 1965.



САЛЬВАДОР ДАЛИ.
ПРЕДЧУВСТВИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ. 1936.



ДМИТРИЙ КЕДРИН

(1907—1945)



Дмитрия Кедрина по праву можно назвать поэтическим историком. По природе дарования он был реалистом, но реалистическое описание разгоравшегося в 30-х террора могло быть оплачено только одним — жизнью. Когда Кедрин писал о прошлом, он становился Пименом 37-го года: «Все звери спят. Все люди спят. Одни дьяки людей казнят». («Песня про Алену Старицу», 1938 год). Адрес этих стихов несомненен. В своем великом стихотворении «Зодчие» Кедрин пронзительно описал неблагодарность тирании к творцам национальной красоты. Именно это стихотворение легло в основу классического фильма А. Тарковского «Андрей Рублев». Лишь после 56-го года была вынута из кедринского архива поэма «Аттила» — трагедия кровавого варварства, не сознающего, что оно варварство. Кедрин как историк, по пастернаковской интерпретации Гегеля, стал «пророком, предсказывающим назад». Лишь в прошлом году «Книжное обозрение» напечатало столько лет пылившуюся в архивах кричащую поэму о варварстве антисемитизма. Проклятие варварства, попирающего совесть и культуру,— вот, пожалуй, главная гражданская тема Кедрина. Его и убили по-варварски, выбросив в 45-м году из дверей подмосковной электрички. Кедрин никогда не опускался до «исторического капустника», не манипулировал прошлым для фигакарманского осуждения настоящего. Он был великим мастером воскрешения воздуха любой эпохи. Исторические капустники долго не живут. «Пророчества назад» бывают бессмертны.

ЗОДЧИЕ

Как побил государь
Золотую Орду под Казанью,
Указал на подворье свое
Приходить мастерам.
И велел благодетель,—
Гласит летописца сказанье,—
В память оной победы
Да выстроят каменный храм.

И к нему привели
Флорентинцев,
И немцев,
И прочих
Иноземных мужей,
Пивших чару вина в один дых.
И пришли к нему двое
Безвестных владимирских зодчих,
Двое русских строителей,
Русых,
Босых,
Молодых.

Лился свет в слюдяное оконце,
Дух тяжкий и спертый.
Изразцовая печка.
Божница.
Угар и жара.
И в посконных рубахах
Перед Иоанном Четвертым,
Крепко за руки взявшись,
Стояли сии мастера.

«Смерды!
Можете ль церкву сложить
Иноземных пригожей?
Чтоб была благолепней
Заморских церквей, говорю?»
И, тряхнув волосами,
Ответили зодчие:
«Можем!
Прикажи, государь!»
И ударились в ноги царю.

Государь приказал.
И в субботу на вербной неделе,
Покрестясь на восход,
Ремешками схватив волоса,
Государевы зодчие
Фартуки наспех надели,
На широких плечах
Кирпичи понесли на леса.

Мастера заплетали
Узоры из каменных кружев,
Выводили столбы
И, работой своею горды,
Купол золотом жгли,
Скаты крыли лазурью снаружи
И в свинцовые рамы
Вставляли чешуйки слюды.

И уже потянулись
Стрельчатые башенки кверху,
Переходы,
Балкончики,
Луковки да купола.
И дивились ученые люди,
Зане́ эта церковь
Краше вилл италийских
И пагод индийских была.

Был диковинный храм
Богомазами весь размалеван.
В алтаре
И при входах,
И в царском притворе самом.
Живописной артелью
Монаха Андрея Рублева
Изукрашен зело
Византийским суровым письмом...

А в ногах у постройки
Торговая площадь жужжала,
Торовато кричала купцам:
«Покажи, чем живешь!»
Ночью подлый народ
До креста пропивался в кружалах,
А утрами истошно вопил,
Становясь на правеж.

Тать, засеченный плетью,
У плахи лежал бездыханно,
Прямо в небо уставя
Очесок седой бороды.
И в московской неволе
Томились татарские ханы,
Посланцы Золотой,
Переметчики Черной Орды.

А над всем этим срамом
Та церковь была —
Как невеста!
И с рогожкой своей,
С бирюзовым колечком во рту,
Непотребная девка
Стояла у Лобного места
И, дивясь,
Как на сказку,
Глядела на ту красоту...

А как храм освятили,
То с посохом,
В шапке монашьей,
Обошел его царь —
От подвалов и служб
До креста.
И, окинувши взором
Его узорчатые башни,
«Лепота!» — молвил царь.
И ответили все: «Лепота!»

И спросил благодетель:
«А можете ль сделать пригожей,
Благолепнее этого храма
Другой, говорю?»
И, тряхнув волосами,
Ответили зодчие:
«Можем!
Прикажи, государь!»
И ударились в ноги царю.

И тогда государь
Повелел ослепить этих зодчих,
Чтоб в земле его
Церковь
Стояла одна такова,
Чтобы в суздальских землях,
И в землях рязанских
И прочих
Не поставили лучшего храма,
Чем храм Покрова!

Соколиные очи
Кололи им шилом железным,
Дабы белого света
Увидеть они не могли,
Их клеймили клеймом,
Их секли батогами, болезных,
И кидали их,
Темных,
На стылое лоно земли.

И в Обжорном ряду,
Там, где заваль кабацкая пела,
Где сивухой разило,
Где было от пару темно,
Где кричали дьяки
«Государево слово и дело!» —
Мастера Христа ради
Просили на хлеб и вино.

И стояла их церковь,
Такая,
Что словно приснилась.
И звонила она,
Будто их отпевала навзрыд,
И запретную песню
Про страшную царскую милость
Пели в тайных местах
По широкой Руси
Гусляры.

1938

ПОЕДИНОК

К нам в гости приходит мальчик
Со сросшимися бровями,
Пунцовый густой румянец
На смуглых его щеках.
Когда вы садитесь рядом,
Я чувствую, что меж вами
Я скучный, немножко лишний,
Педант в роговых очках.

Глаза твои лгать не могут.
Как много огня теперь в них!
А как они были тусклы...
Откуда же он воскрес?
Ах, этот румяный мальчик!
Итак, это мой соперник,
Итак, это мой Мартынов,
Итак, это мой Дантес!

Ну что ж! Нас рассудит пара
Стволов роковых Лепажа
На дальней глухой полянке,
Под Мамонтовкой, в лесу.
Два вежливых секунданта,
Под горкой — два экипажа,
Да седенький доктор в черном,
С очками на злом носу.

Послушай-ка, дорогая!
Над нами шумит эпоха,
И разве не наше сердце —
Арена ее борьбы?
Виновен ли этот мальчик
В проклятых палочках Коха,
Что ставило нездоровье
В колеса моей судьбы?

Наверно, он физкультурник,
Из тех, чья лихая стайка
Забила на стадионе
Испании два гола.
Как мягко и как свободно
Его голубая майка
Тугие гибкие плечи
Стянула и облегла!

А знаешь, мы не подымем
Стволов роковых Лепажа
На дальней глухой полянке,
Под Мамонтовкой, в лесу.
Я лучше приду к вам в гости
И, если позволишь, даже
Игрушку из Мосторгина
Дешевую принесу.

Твой сын, твой малыш безбровый
Покоится в колыбели.
Он важно пускает слюни,
Вполне довольный собой.
Тебя ли мне ненавидеть
И ревновать к тебе ли,
Когда я так опечален
Твоей морщинкой любой?

Ему покажу я рожки,
Спрошу: «Как дела, Егорыч?»
И, мирно напившись чаю,
Пешком побреду домой.
И лишь закурю дорогой,
Почуяв на сердце горечь,
Что наша любовь не вышла,
Что этот малыш — не мой.

1933

ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ И ДРУГИЕ

Главы из романа

Роман «Тридцать пятый и другие годы» охватывает период почти в пять лет, от убийства Кирова до начала второй мировой войны.

Автор ни в коей мере не претендует на полное и всестороннее отображение событий той эпохи. Это не хроника, а роман. Задача автора — показать не время само по себе, а людей, живших в том времени.

Как знакомых по «Детям Арбата», так еще и не знакомых людей встретит в новом романе читатель. Надеюсь, он отнесется к этой моей работе так же благожелательно, как и к предыдущей.

Что касается некоторых критиков, то они, вероятно, повторят претензии, предъявленные ими «Детям Арбата»: «субъективное толкование истории» и «одностороннее изображение жизни».

По поводу первой претензии могу лишь повторить слова Л. Н. Толстого: ...«Задача художника и историка совершенно различна, и разногласие с историком в описании событий и лиц в моей книге — не должно поражать читателя... Историк и художник, описывая историческую эпоху, имеют два совершенно различные предмета» (Л. Н. Толстой, О литературе. М., 1955, стр. 117, 121).

Ответ на вторую претензию тоже можно связать с Львом Николаевичем: его обвиняли в односторонности (не показал крепостного права, Салтычиху и т. д.)...

От себя же добавлю следующее: одна книга не в состоянии отразить жизнь во всех ее аспектах, это задача всей литературы. О тридцатых годах написано много (Катаев, Эренбург, Шагинян, Леонов, Малышкин, Крымов и др.). Однако они описывали только светлое (и никто, кстати, их в односторонности не обвинял). А вот о темном не писали. Пробел надо восполнить. Нынешние книги о тридцатых годах вместе с книгами названных мною авторов и должны дать более полную, объективную и честную картину того времени.

О других претензиях.

Небезызвестная Н. Андреева в своей небезызвестной статье в известной газете «Советская Россия» предъявила мне следующее:

«Автор «Детей Арбата» А. Рыбаков откровенно признал, что отдельные сюжеты заимствованы им из эмигрантских публикаций».

Тут же я потребовал от газеты публичного ответа на два вопроса: 1) где, когда, кому я делал такие признания? 2) какие сюжеты и из каких эмигрантских источников я заимствовал?

Вместо публичного я получил ответ от самой Н. Андреевой.

На первый вопрос она ответила так:

«В одной из телепередач осенью прошлого года при обсуждении произведений по теме нашего недавнего исторического прошлого один из его участников сказал, что на встрече с московскими читателями вы не отрицали использования зарубежных источников»...

Кто этот «один из участников»? Его имя и фамилия? Какая это «одна из телепередач»? Когда она была? О какой моей встрече с читателями идет речь? Где и когда она состоялась? Все же «заимствовал сюжеты» или «использовал источники»?

Ничего этого в ответе Н. Андреевой нет.

Такой же мошеннический характер носит и ответ на мой второй вопрос.

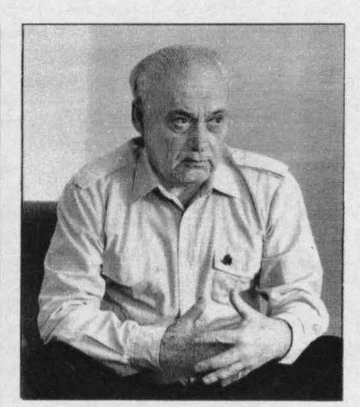
Впрочем, сия манера не нова. Ею много лет пользуются критики Кожинов, Урнов и Бондаренко.

Да, забыл Федя... Но разве запомнишь всех этих «докторов наук»...

Возвращаясь к роману, хочу сказать: каково бы ни было то время, это было наше время. Нашими были потери и приобретения, разочарования и надежды. Ни вернуть, ни изменить прошлое мы не можем.

Мы можем только извлечь из него уроки и передать свой опыт потомкам, чтобы они не повторяли наших ошибок. За будущее наших детей в ответе — мы.

Ан. РЫБАКОВ



Анатолий
РЫБАКОВ

1



В положенный день не пришла почта. Не пришла она и через неделю. Но сани из Кежмы приходили к Федьке, к продавцу, привозили что-то.

Саша зашел в лавку. Федя дверь не открывал, пускал через заднее крыльцо, через кладовку.

— Тебе товары привезли?

— Привезли кой-чего.

— А почты почему нет, не знаешь?

— Кто знат. Тебе, может, чего в долг записать?

— Ничего не надо, спасибо.

Зашел Саша и к Всеволоду Сергеевичу. Тот лежал на кровати, укрытый хозяйской барчаткой — длинным полушубком до пят, со сборками на поясе.

— Заболели?

— Здоров.

— Чего же лежите?

— А что делать?

— Почему почта не приходит?

— Почта? Почты вам захотелось? Вам сейчас другую почту преподнесут.

— Не понимаю.

— Не понимаете... А что происходит в стране, понимаете? Враги рабочего класса убили товарища Кирова, а вы хотите, чтобы этим врагам аккуратно доставляли почту. Да вы что, Саша?! Властям надо изготовиться, понимаете, изготовиться для ответного удара. Такого удара, чтобы дрогнула земля Российская. Чтобы неповадно было убивать вождей рабочего класса, чтобы враги рабочего класса, личность которых еще выясняется, не смели бы подсылать убийц, личность которых тоже еще выясняется. А вы в период всеобщего выяснения личностей убийц и их руководителей, в период подготовки сокрушительного ответного удара, вы, видите ли, письма ждете, по газеткам соскучились. Какие письма врагам рабочего класса? Чтобы они сговорились, как избежать возмездия за совершенное убийство? Какие газеты? Чтобы они могли сориентироваться в событиях, чтобы могли маневрировать? Нет, дорогой, такой возможности вы не получите. Еще скажите спасибо, что вас не трогают, не заставляют в такой мороз шествовать до Красноярска.

— Ладно,— засмеялся Саша,— не пугайте меня, а главное, не пугайте себя.

Всеволод Сергеевич поднялся, сел на кровати, уставился на Сашу.

— Я вас пугаю? Наоборот, я вас успокаиваю. Вы давно видели Каюрова?

— Каюрова? На днях встретил на улице.

— Больше не встретите.

Саша вопросительно смотрел на него.

— Да, да,— повторил Всеволод Сергеевич,— его увезли сегодня ночью.

— Ночью?

— Ну, как считать. Под утро. Часа три назад, подъехала подвода, побросали его барахлишко и увезли.

— Никто этого не видел,— растерянно проговорил Саша.

— Конечно. Собаки и те не лаяли. Все спали. Вот такие дела. Вы помните своего спутника Володю Квачадзе?

— Конечно.

— Так вот, его под конвоем этапировали в Красноярск. И всех его единомышленников и с Ангары, и с Чуны. И всех Гольтявинских, ведь вы их знаете, Марью Федоровну, бывшую эсерку, Анатолия Георгиевича, бывшего анархиста, и эту красотку... Фриду. Всех подбирают. Скоро и наша с вами наступит очередь.

— Неужели их отправили?

— Саша! Вы знаете меня уже не один день, а нашему брату даже начальство иногда один считает за три. Я не баба, не сплетник, не распространитель слухов. Я говорю только то, что твердо знаю. Всех, кого я вам назвал, и многих других уже отправили в Красноярск. Вам не попадалась в Кежме старуха, ссыльная Самсонова Елизавета Петровна?

— Да, я ее знаю.

Ей Саша передавал от Марии Федоровны деньги — двадцать пять рублей.

— Так вот, эту старушку тоже угнали, а ей, между прочим, семьдесят два года.

Саша пожал плечами.

— Я понимаю, молодых — Володю, Фриду, меня, даже вас — можно отправить в лагерь, все же даровая рабочая сила. Но старуху семидесяти двух лет — ее до Красноярска не дотащат, помрет по дороге.

— Ну и что? Кого это интересует, кого это волнует? Честное слово, я удивляюсь вам, Саша. Предписана определенная акция: ссыльных с такими-то статьями и сроками немедленно этапировать в Красноярск. Что же вы думаете, местный исполнитель, какой-нибудь уполномоченный, будет рассуждать: старая, больная, жалко?.. Да его расстреляют за невыполнение приказа. А так — отправил, выполнил приказ. Умрет по дороге — не его дело, он за это не отвечает. А дотащат живой до Красноярска, добавят новый срок — пять лет лагерей и опять отправят — довезут, значит, довезут, не довезут, значит, спишут. Сошлось в отчетности — все правильно. В списках есть — живой, мертвый, неважно,— есть. Умер — сделаем отметку, уменьшим общий итог, и вся арифметика. В общем, не знаю, как вам, Саша, вы маломерок, но мне, Михаилу Михайловичу, по их понятиям, рецидивистам, нам, как говорится в песне, «в срок назначенный».

— Ну что ж,— спокойно сказал Саша,— будем дожидаться.

Так они и продолжали жить в своей Мозгове, на краю света, оторванные от мира, но чувствующие, что в мире происходит что-то страшное, что должно вскоре коснуться и их, и наверняка коснется.

С Зидой Саша почти не виделся. В Кежме уволили двух учительниц, у одной муж ссыльный, и его отправили в Красноярск, другая, сама в прошлом ссыльная, осталась после срока в Кежме. И хотя все это было известно и раньше, но сейчас, после убийства Кирова, наступили новые времена, страну очищали от сомнительных элементов, и обеих учительниц уволили, их заменили Зидой. С семи до десяти утра она вела уроки в Мозгове, а в десять к школе подъезжали сани и увозили ее в Кежму и уже поздно вечером привозили обратно. Все же Саша, встретив ее на улице, остановился, поздоровался ласково, спросил, как дела. Она отводила глаза, говорила, что все хорошо, только работы много.

— Зида,— сказал Саша,— я был не прав тогда, зря обидел тебя и очень жалею об этом. Если сможешь, прости меня.

Она наконец подняла на него глаза.

— Ладно, Сашок, что было, то прошло.

— Я понимаю, что прошло,— сказал Саша,— и понимаю: что сломано, того уже не склеишь. Но я хочу, чтобы мы остались друзьями.

— Конечно,— Зида улыбнулась,— конечно, как же иначе.

На том разговор и кончился.

Полностью первая книга романа «Тридцать пятый и другие годы» будет опубликована в этом году в журнале «Дружба народов».

ГОДЫ

Рисунки
Геннадия
НОВОЖИЛОВА



Больше они не встречались: Зида была то в Мозгове, то в Кежме, а Саша нашел работу.

Лютые морозы стояли в январе 1935 года. Старые ангарцы таких не помнили. Сидели по избам, говорили: «Не зима, а зимища».

Много хлопот было у председателя колхоза Ивана Парфеновича. Конечно, разместить двести коров в деревне, где их несколько лет назад было две тысячи, несложно: скотные дворы у хозяев сохранились, и женщин в колхозе хватало, и привычки к уходу за животными в них еще не истребили.

Но уследить за общим стадом, размещенным в десятке дворов, не просто. Большинство коров были стельными, и кормить надо внимательно, и поить нехолодной водой не менее трех раз в сутки, а воду ту с Ангары, с проруби таскают, и подстилку надо чистую, свежую, и прогулять хоть два-три часа в день, и беречь от падений, ударов, а когда начнется отел, перевести в специальное родильное отделение — так инструкция требует. Хоть коров стало в десять раз меньше, инструкций — в десять раз больше. И от сквозняков надо беречь, чтобы не застудить корову, а скотные дворы пообветшали, поразвалились,— кто за ними смотрит, если скота нет?

Колхоз уже третий год, как строил молочную ферму, попросту сказать, большой двухрядный коровник. Но строительство не двигалось, то одно мешало, то другое. Лес, однако, завезли еще в прошлом году, хороший лес, лиственницу, но сырой, а потому сушился. Хотя, надо сказать, возле каждой избы годами лежали бревна, сухие, прекрасные, заготовленные еще до колхоза, впрок, и можно было бы их употребить на коровник, но бревна эти собственные, да и возни с ними много, да и смета утверждена на строительство новой молочной фермы и в смете есть графа «заготовка материала», так что следовало свалить лиственницу, обрубить сучья, привезти из леса — все это по смете, по закону. Так и сделали в прошлом году и даже частично в позапрошлом... И пора строить.

Стали в районе отчет составлять о строительстве молочных ферм, а оказалось, нигде их не строят... Обходятся частными скотными дворами. Начальство, конечно, переполошилось, такой отчет посылать в край — значит пойти под суд за срыв развития животноводства, на это свалят каждую падшую корову, еще и расстрелять могут как за вредительство, и был дан приказ — к весне, к массовому отелу, фермы закончить во что бы то ни стало...

Иван Парфенович сформировал бригаду, во главе ее поставил Сашиного хозяина Савву Лукича, был он в прошлом хороший плотник, впрочем, в деревне каждый — плотник.

— Может, подмогнешь? — сказал Савва Лукич Саше.— Трудодни на меня выпишут, а я тебе отдам.

— А как Иван Парфенович?

— Он и велел,— простодушно ответил Савва Лукич.

И стал Саша плотничать.

В бригаде их было шестеро: Савва Лукич, Саша и еще четыре мужика. Обтесывали бревна. Клали на перекладину, укрепляли с боков скобами, проходили

шнуркой — веревкой, которую чернили хорошо обугленным на костре куском дерева,— на бревне остается след, по нему и тешешь топором.

Обтесал обе стороны так, чтобы каждый кант был 25 сантиметров шириной, зовешь мужиков, переворачиваешь бревно, закрепляешь и обтесываешь вторые две стороны, так и получаются четыре канта, потом обтесываешь углы, бревно готово.

Савва Лукич посмотрел, прошелся вдоль бревна.

— Будешь тесать, пойдет.

— Парень молодой, яйца свежие,— посмеялись добродушно мужики.

Савва Лукич сам обтесал один конец бревна «в лапу». Это же проделал Саша, и тоже получилось. Хотя и подмораживало крепко, работа была приятной. Стружки ложились возле бревна, пахло свежо, морозно.

Мужики привозили громадные булыжники, вернее, каменные глыбы: здесь холодно, фундаменты не роют, на камень и кладут обвязку, просвет зашивают тесом.

Саша обтесывал бревна для верхней и нижней обвязки, еще с одним мужиком пилил двухметровые бревнышки, в каждом бревнышке вырубали паз для сухого мха.

— Если бы не клин и не мох,— плотник бы подох,— говаривал Савва Лукич.

Дома он был молчалив, мастерил что-то во дворе, а здесь, на работе, был разговорчив, прибаутничал.

Другие мужики готовили тес, доски, работали на продольных пилах — один наверху, другой внизу. Работали весело, без раздражения, даже если кто и повел не в ту сторону, испортил, переделывали спокойно, не ругались. Промахнулся, не попал по гвоздю или шипу, шутили:

— Насте своей, небось, сразу попадаешь.

Спать теперь Саша ложился рано, вставал вместе со стариком на рассвете. У старухи уже был готов для них завтрак, они ели и уходили на работу.

Изредка, вечерком, заходил Всеволод Сергеевич. Он как-то потускнел, хотя и пытался бодриться. Приходила к нему какая-то женщина из Кежмы, Всеволод Сергеевич суетился, готовил угощение, женщина была худая, рано состарившаяся.

Но однажды Всеволод Сергеевич днем появился у их коровника. Старик его заметил первым:

— К тебе, Саня, идут.

Что-то случилось?

Всеволод Сергеевич замахал бандеролью:

— Почта пришла! Я захватил ваши газеты и письма.

— Всеволод Сергеевич, спасибо, дорогой!

Саша взял у него письма, сдернул с рук кокольды — оленьи рукавицы с разрезом, удобные для работы зимой, снял исподни — шерстяные рукавицы под кокольдами, надорвал конверт, посмотрел на дату и тут же перевернул страницу: Варины приписки всегда шли в конце. В этом письме ничего от Вари не было. Он надорвал второй конверт — опять нет.

Третий. Наконец-то!

Его охватывала радость, даже когда он видел ее почерк.

Варя писала коротко: «У меня ничего нового. Живу, работаю, скучаю... Ждем тебя!»

А что она еще может открыто написать ему? Ничего... Так же, как и он ей. Но ему достаточно и этих двух-трех слов. Главное, что она ждет его, главное, что осталось ему торчать в этой проклятой Мозгове уже меньше двух лет. Вот что главное! И после этого дадут ему жить в Москве или не дадут, они все равно увидятся!

Улыбаясь, он рассовал по карманам письма. В правый карман те, где не было Вариных приписок, в левый — где были.

— Всеволод Сергеевич, идите ко мне, посмотрите пока газеты, мы скоро придем.

Савва Лукич, добрая душа, золотой прямо-таки старик, стал свертывать цигарку:

— Чо письма-то попрятал? Читай, читай.

— Потом посмотрю,— ответил Саша.

Стало смеркаться, кончили работу, сложили инструмент в ящик, запрятали меж бревен.

Дома Сашу ожидал Всеволод Сергеевич, протянул газету:

— Читайте!

— Подождите, дайте хоть раздеться.

Саша снял полушубок, шапку, положил на печь кокольды, исподни рукавицы, переобулся, потом взял газету.

Постановление ЦИК СССР о внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик, опубликованное сразу после убийства Кирова, гласило:

«Внести следующие изменения в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик по расследованию и рассмотрению дел о террористических организациях и террористических актах против работников Советской власти:

1. Следствие по этим делам заканчивать в срок не более десяти дней. 2. Обвинительное заключение вручать обвиняемым за одни сутки до рассмотрения дела в суде. 3. Дела слушать без участия сторон. 4. Кассационные обжалования приговоров, как и подачи ходатайств о помиловании, не допускать. 5. Приговор к высшей мере наказания приводить в исполнение немедленно по вынесении приговора».

— Да,— задумчиво проговорил Саша,— ничего себе.

— Это закон военного времени,— сказал Всеволод Сергеевич,— но ведь войны, кажется, нет. Никакое государство, никакая власть не смеет лишать обвиняемого права на защиту, а это постановление лишает подсудимого не только адвоката, но даже права защищаться самому — если ему вручают обвинительное заключение за сутки, то он не готов к защите. Никто не смеет лишать обвиняемого права на кассацию, ведь судьи — люди, они могут ошибиться, никто не имеет права лишать обвиняемого надежды на помилование, без милосердия не могут существовать государства. Постановление хуже законов военного времени — ведь речь в нем идет не о совершенном убийстве, а вообще о терроре против работников Советской власти, это понятие, дорогой Саша, растяжимое — под террор можно подвести все, что угодно, под работником Советской власти можно понимать кого хотите, начиная со Сталина и кончая колхозным счетоводом, которого мужик угрожал прибить за обсчет в трудоднях. Это постановление о неконтролируемом уничтожении невинных и беззащитных людей. Это закон о массовом беззаконии.

Он покачал головой.

— Помните, что сказал Пушкин Гоголю, прослушав первые главы «Мертвых душ»:— «Боже, как грустна наша Россия». Что же можно сказать после такого постановления? «Несчастная Россия»?! И заметьте, какая оперативность: 1 декабря убили Кирова, и уже готов и опубликован новый закон. Как это вам, а?

— Я вам не рассказывал, Всеволод Сергеевич, о своем следователе. Дьяков его фамилия. Такой сухарик в очках. Редкостная сволочь. Шил мне дело. И, знаете, обижался, когда я не подписывал протокола, надувал губы: «Вы не хотите разоружаться перед партией». Дерьмо! Почему я о нем вспомнил? Да. Выйди такое постановление года полтора назад, он мог бы и мне предъявить обвинение в терроре. Логика простая. Почему в праздничном номере стенгазеты вы не упомянули имени товарища Сталина? Потому что вы против товарища Сталина. Вы не хотите, чтобы он руководил страной и партией. А как вы можете его устранить? Только убив его, убив товарища Сталина, нашего отца и учителя, нашего вождя. Ах, вы никогда не говорили об этом? Еще бы, о таких вещах не распространяются. Но вы вынашивали это намерение и при благоприятных обстоятельствах его бы осуществили. Вы — потенциальный террорист, ваши друзья — потенциальные террористы, все вместе вы — террористическая организация. Значит — суд без защитника, приговор без права обжалования, расстрел через час после суда.

— Да,— согласился Всеволод Сергеевич,— вам в этом смысле повезло.

Саша усмехнулся:

— Выходит, я просто счастливчик. Не выпить ли нам по этому поводу?

— Не возражаю. Кстати, я вам объясню, почему вы действительно счастливчик...

У Саши было немного спирта, хозяйка нарезала копченого хариуса, захлопотала у печи.

Саша перечитывал письма, Всеволод Сергеевич просматривал газеты:

— Что делается, Саша... Повсюду суды, массовые расстрелы, из Ленинграда выслали тысячи дворян, бывших буржуев, детей бывших дворян, детей бывших буржуев,— а их за что? А народ?! Народ безмолвствует? Что вы?! Народ не безмолвствует, не молчит, нет! Смотрите, читайте, народ требует расправы. По всей стране, от Владивостока до Одессы, митинги: «разоблачить», «уничтожить,» «расстрелять»! И партия не молчит! На партийных собраниях выискивают «затаившихся», коммунисты каются, бьют себя в грудь, признают свои ошибки, «недосмотрели», «недоглядели». Но нет, не помогает. Эти покаяния считаются недостаточными, неискренними.

Хозяйка вынула из печи чугунок с картошкой.

Саша позвал к столу Савву Лукича. Сели. Выпили по рюмке, закусили, налили по второй.

— Так почему же я счастливчик? — спросил Саша.

— Потому что вы находитесь в Мозгове,— сдирая шкурку с рыбы, ответил Всеволод Сергеевич,— вы живете в стерильной обстановке. Будь вы на свободе, вы тоже должны были бы участвовать в этих митингах, требовать разоблачения, расстрела, уничтожения.

— Мог бы и не участвовать.

— Нет. Работая на предприятии, вы от митинга никуда бы не ускользнули, вы от такого заочного судилища не уклонились бы. Я не говорю, что вы обязательно выступали бы, тыкали в кого-нибудь пальцем, называли его врагом, пособником врага или нераскаявшимся, притаившимся и тому подобное. Нет! Но вы вместе со всеми голосовали бы за расстрел, потянули руку вверх, потому что, если бы не потянули, если бы голосовали против, значит, вы тоже враг, и тут же с собрания вас увезли бы куда следует...

— Ну, а вы как бы поступили?

— Я? Ну, мне это не грозит. Пока существует Советская власть, мне другой дороги нет: ссылка — лагерь — тюрьма — опять лагерь — опять тюрьма. А проводить такие митинги в лагерях или тюрьмах они не додумаются. В тюрьме или в лагере за это руку никто не потянет.

— Но, допустим, теоретически, кончился срок, и вас выпустили. Вы живете в каком-то городке, работаете, и у вас на работе митинг, осуждают врагов, требуют их расстрела, вас за это, естественно, голосуют, а вы будете голосовать?

Всеволод Сергеевич молча сдирал и сдирал шкурку с хариуса.

— Ну, так как? — спросил Саша.

— Не знаю, Саша, честно говорю, не знаю. На этих митингах есть люди, которые искренне верят газетам, верят в то, что им вдалбливают в головы. Есть такие, кто, может быть, и не верит, но помнит о своих малолетних детках.

— У вас деток нет.

— Нет. И скажу вам прямо: вероятно, и я поднял бы руку. Почему? Потому что мой единственный голос ничего не изменит. Потому что плетью обуха не перешибешь. Потому что наконец если я один пойду на плаху, ничего не изменится, их все равно расстреляют и меня заодно с ними. А они в чем-то признаются, каются, почему я должен погибать за таких слабых людей? Они ведь все это сами в свое время организовали, они, коммунисты, комсомольцы, они ведь сами посылали людей на смерть, теперь их посылают, почему я их должен защищать?

— Но ведь вы говорили, что высылают бывших дворян, бывших буржуев и их детей. Дети-то никого не посылали на смерть. Их-то надо защитить.

Всеволод Сергеевич наконец дочистил рыбу, откусил.

— Хорошая рыба, замечательная рыба. Вы поднимаете серьезный вопрос, Саша. Очень серьезный и очень актуальный. Но он актуален для вас, Саша, а не для меня: передо мной такой дилеммы никогда не встанет — я на другой орбите. А вы, Саша, на той самой орбите, по которой кружится это государство, вы на их орбите, и вам с нее не сойти, и эта проблема перед вами встанет.

— Ну что ж,— сказал Саша,— когда она передо мной встанет, тогда я буду ее решать. Но ваше решение меня не устраивает.

— Я отказываюсь от своего решения как от необдуманного,— сказал Всеволод Сергеевич,— просто я говорил о том, как поступил бы на моем месте любой разумный человек: он поднял бы руку, он поступил бы так, как поступают все. В этом трагедия народа. И я никого не осуждаю: люди есть люди, человек есть человек.

— А как же «особое предназначение народа», а как же его «особая миссия»? Как же его «христианское начало»?

— Саша, вы хотите такими примитивными вопросами опровергнуть нашу... или, скажем так, мою философию?

— Я не философ,— возразил Саша,— но я прихожу к убеждению, что ни у какого народа нет мессианской роли, мессианского назначения. Нет сверхнации, нет сверхнародов, есть люди: хорошие люди, плохие люди. И нужно создать общество, при котором никакие силы не могли бы заставить их быть плохими.

— Всякая идея о совершенном обществе, Саша, это иллюзия.

— Да, совершенного общества нет и вряд ли может быть. Но общество, которое стремится стать совершенным,— это уже прекрасное общество,— сказал Саша.

— Что-то не видно, чтобы наше общество к этому стремилось. Общество — это люди, а мы их превращаем в нелюдей.— Всеволод Сергеевич встал.— Пойду. Мне завтра спать хоть весь день, а вам на работу. Видите, даже плотничать вам доверили, а мне и этого нельзя.

Саша засмеялся:

— У меня протекция.

Он показал на хозяина.

— Савва Лукич помог.

— А чего не помочь? — сказал Савва Лукич.— Кончать надо работу-ту. Начальство велит.

— Вот и взяли бы меня.

— Ты человек умственный, ученый,— сказал Савва Лукич,— тебе наша работа нехороша покажется.

Всеволод Сергеевич ушел.

Саша перечитал мамины письма, снова просмотрел Варины приписки — короткие, сдержанные, но даже в них находил он какой-то тайный смысл. «Живу, работаю, скучаю... Ждем тебя».

И он писал ей так же коротко, обдумывая каждую фразу: «Милая Варенька, когда я получаю почту, то сразу же смотрю, есть ли что-нибудь от тебя». Мо-

жет быть, и она что-то увидит за его словами.

Вот и все, что он мог себе позволить. В Москве он не высказывал ей особого интереса, сейчас такой интерес может показаться лишь тоской по воле, по знакомым, просто по женщине... Саша не хотел быть ложно понятым.

Может быть, написав: «Как бы я хотела знать, что ты сейчас делаешь?», она и повела себя более смело, более решительно, а может быть, он это придумал, просто хотела поддержать его: добрая девочка, с добрым сердцем.

«Живу, работаю, скучаю... Ждем тебя». Конечно, что-то за этим все-таки есть... Что бы там ни было, но и этих скупых ее приписок он дожидался с волнением. Варина твердая уверенность в будущем обнадеживала и его.

Мамины письма были спокойны по тону, но что-то в них настораживало. В одном письме мама писала о тете Вере: «Вера с дачи переехала, хотя там вполне можно жить и зимой. Не хочет возиться с дровами, с печкой». В этом сообщении ничего особенного не было. Но и в следующем письме опять: «Вера закрыла на зиму дачу». Что это значит? Почему упоминает два раза подряд? По рассеянности? А может быть, что-нибудь случилось с тетей Верой, или ее мужем, или детьми, его двоюродным братом или двоюродной сестрой. Он написал матери: «Как здоровье тети Веры, дяди Миши (это был ее муж), Светланы, Валеры (это были их дети). Где они и как?»

Мать надо успокоить. В этом же письме он попросил ее поискать в ящиках письменного стола его институтскую зачетную книжку и шоферские права (при обыске их не забрали), и если найдет, пусть сохранит до его приезда, они ему понадобятся. Написал единственно для того, чтобы успокоить ее, уверить в своем скором возвращении, укрепить в ней надежду на свое освобождение. Сам он на освобождение не надеялся. Попросил также прислать некоторые свои книги о Великой французской революции. Он много занимался ее историей в школе, интересовался и после школы, собирал книги, скучал по ним, хотел перечитать. И еще написал, что работает на строительстве молочной фермы, работа приятная, платят хорошо, хватает на еду и жилье, так что денег ему высылать не надо.

Он долго писал письмо. Даже старуха с печи ему сказала:

— Зачем глаза маешь? Стели постелю, ложись.

— Завтра обратная почта пойдет,— ответил Саша,— надо дописать.

Он поздно лег и проснулся, когда Савва Лукич уже завтракал.

— Я мигом, Лукич!

Саша быстро оделся, умылся, принялся за яишню — она уже стояла на столе.

Старик вышел во двор.

— Иди,— сказал ему вслед Саша,— я тебя бегом догоню.

Савва Лукич тут же вернулся:

— Кошевка с милицией...

— К нам?

— Кто знат?

Ничего не собрано, ничего не готово. Саша метнулся было к письмам — не хотел, чтобы их трогали чужие руки, но он ничего не успеет собрать. Ладно, пусть подъедут, подождут, никуда не денутся.

Вот и все. Кончается жизнь на Ангаре. Где, в каком лагере она будет теперь продолжаться? Наверно, никогда он больше не увидит маму, не увидит отца, не увидит Варю... Ладно!

Он вынул папиросу из пачки, закурил. Посмотрел в окно, оно заиндевело, ничего не видно. Он прислушался. И скрипа полозьев не слышно.

Хлопнула калитка. Открылась дверь — вернулся Савва Лукич.

— Пронесло, Саня,— он перекрестился,— слава те, господи.

— Куда поехали?

— За тот угол завернули.

«Тот» означало второй угол, первый угол назывался «этот».

За кем же? За Масловым, наверно.

— Лукич, я туда забегу, а потом на работу.

— Иди, иди,— сказал старик,— не торопись, управимся.

Кошевка ждала у дома, где жил Маслов. Тут же стояли Всеволод Сергеевич и Петр Кузьмич.

И только Саша подошел, в дверях показался Михаил Михайлович Маслов с чемоданом в руке и рюкзаком за плечами. Когда он успел собраться? Неужели жил с приготовленным чемоданом?

Впереди Маслова шел милиционер с винтовкой и сзади милиционер с винтовкой, высокий, прямой парень с презрительно сжатыми губами.

Маслов положил чемодан в сани, снял с плеча и туда же положил рюкзак.

После этого повернулся к Всеволоду Сергеевичу. Они обнялись, поцеловались. И с Петром Кузьмичом обнялся и расцеловался. Саше протянул руку. Саша пожал ее, посмотрел Михаилу Михайловичу в глаза.

Потом спросил:

— Михаил Михайлович! Вы ничего не хотите передать Ольге Степановне?

— У Всеволода Сергеевича есть адрес, он напишет.

И, подумав, добавил:

— Спасибо, что вспомнили...

2

Саша пошел на стройку. Мужики на нижнюю обвязку ставили брусья через каждые два метра, отделяя одно стойло от другого. Ставили в «шип», чтобы создать жесткую конструкцию. В стойках по всей длине — пазы, в них горизонтально вставляются бревна, образующие стены.

Работа красивая, точная. Саша поражался, как все это делается такими немудреными инструментами: топор, пила и ножовка, долото, стамеска, рубанок, фуганок, скобелка; как достигается такая точность с помощью отвеса, уровня, ватерпаса!

И он мог бы делать такую работу, но сегодня запоздал и его опять поставили тесать бревно для верхней обвязки.

— Проводил товаришша? — спросил Савва Лукич.

— Проводил.

— Куда его угнали-то? — поинтересовался смуглый, горбоносый, сухопарый мужик Степан Тимофеевич.

— Кто знает,— ответил Саша.

— Может, срок вышел,— сказал Савва Лукич.

— На волю, значит? — усмехнулся Степан Тимофеевич.— На волю с милиционером не отправляют.

— В Кежме мужики толкуют — убили кого-то из начальства, в газетах пишут,— сказал другой мужик, его тоже звали Степан, но не Тимофеевич, а Лукьянович,— а убил его троцкист, что против колхозов, чтобы, значит, распустить колхозы энти.

— А куды их теперича распускать,— усмехнулся Степан Тимофеевич,— чего раздавать-то? Чем наделять? Все порушили...

— Ну, ладно,— Савва Лукич опасливо посмотрел по сторонам,— ты, того, не больно-то, значит.

— Чего не больно-то?!

— А то, что все, значит, от бога,— сказал Савва Лукич,— как господь бог устроил, так, значит, и идет.

— Бог, бог, все на бога валите,— желчно ответил Степан Тимофеевич,— где она, ваша церква? Бог за тебя ничего не сделат, коровник ентот срубит тебе бог? Коров губим, коровник рубим.

— А ты не руби,— сказал третий мужик Евсей, как его по отчеству Саша не знал, звали его просто Евсей, иногда прибавляли неприличную рифму.

— Куды уйдешь от ентого? — злобно ответил Степан Тимофеевич,— енти вот,— он показал на Сашу,— кончат срок — уедут, хоть куда. А нам, хрестьянам, никуда дороги нет. Беспашпортные мы. Держат на одном месте — сиди, не шевелься! Вот тебе и свобода!

— Какая змея тебя донимат?! — сказал Савва Лукич.— Услышит кто, разбазланит, знаешь, чего от этого бывает?

— Знаю,— угрюмо ответил Степан Тимофеевич,— оттого и погибаем, что молчим, уду съели.

— Наше дело работа, весь уповод проговорили.

Действительно, приближался полдень. И они снова принялись за работу.

Саша понимал: мужики хотят поговорить, да и почему не поговорить, но, видно, Саша им мешает — чужой человек, а они уже знают, при чужом человеке лучше держать язык за зубами... Грустная картина...

Через неделю-другую вызвали в Кежму Петра Кузьмича... Не приехали милиционеры, просто через сельсовет приказали: явиться такого-то числа.

— А может, отпускают, ребята, а? — Он заглядывал в глаза Саше и Всеволоду Сергеевичу, ища сочувствия, поддержки.— Срок-то мой еще в ноябре кончился.

— А чего ж вы тут сидели, если кончился? — спросил Саша.— Напомнили бы.

Петр Кузьмич покачал головой:

— Опасно напоминать, Александр Павлович, напомнишь, а они тебе новый срок пришьют... Ведь не увезли меня, как Михаила Михайловича. И статья у меня не политическая.

— Не политическая! — усмехнулся Всеволод Сергеевич.— Экономическая контрреволюция, ничего себе статейка.

— Но ведь экономическая,— возражал Петр Кузьмич,— не политическая.

— Ладно,— прервал его Всеволод Сергеевич,— отправляйтесь в Кежму — узнаете и нам потом расскажете.

Когда Петр Кузьмич ушел в Кежму, Всеволод Сергеевич сказал Саше:

— А ведь могут и отпустить — машина бюрократическая... Есть карточка, срок вышел, никаких распоряжений нет. Конечно, сейчас, после дела Кирова... Впрочем, черт его знает, посмотрим!

К вечеру вернулся Петр Кузьмич, радостный, возбужденный. Освобожден! Показал бумажку. «За отбытием срока заключения... подпадает под п. II Постановления СНК о паспортной системе». Значит, минус — не может жить в больших городах.

— А зачем мне большие города? — возбужденно говорил Петр Кузьмич.— Не нужны мне большие города. Родился я и вырос в Старом Осколе, там жена, дочери, родня. Там и буду жить.

— Деньги на проезд у вас есть? — спросил Саша.

— Доберусь... До Кежмы с почтарем договорился, только вещички положит — десятка. Билет до Старого Оскола, думаю, рублей, наверно, двадцать пять — тридцать. В общем, в полсотни уложусь. А полсотни у меня найдется.

— А пить, есть?..

Петр Кузьмич махнул рукой.

— С голоду не помру. Сухарей хозяйка насушит, рыбки вяленой даст, яичек, кипяток на станциях бесплатный... Не беспокойтесь, доберусь.

На другой день с попутной колхозной подводой Петр Кузьмич уехал в Кежму. Всхлипнул, прощаясь с Сашей, с Всеволодом Сергеевичем,— стыдился своей удачи.

— Бог даст и с вами все обойдется.

— Бог даст, бог даст,— ласково-насмешливо повторил Всеволод Сергеевич,— живите там спокойно, лавку не заводите!

— Что вы, Всеволод Сергеевич,— старик отпрянул в испуге,— какая лавка по нынешним временам. Возьмут продавцом — спасибо!

— Идите лучше в сторожа,— сказал Всеволод Сергеевич.

— Это почему же?

— Спокойнее. В магазине материальная ответственность, а случае чего придерутся. А в сторожах — сидите в шубе, грейтесь.

— Нет уж, Всеволод Сергеевич, как же можно? Я свое дело с детства знаю, я еще пользу могу принести.

Последние слова он произнес, уже взобравшись в сани. Возчик дернул вожжами, лошади тронулись.

— Прощайте, дай вам бог,— крикнул Петр Кузьмич.

— Ничего не понял человек,— мрачно произнес Всеволод Сергеевич.

Освобождение Петра Кузьмича немного приподняло настроение. К тому же вскоре пришло известие: в деревне Заимка освобожден ввиду окончания срока отец Василий. Значит, не всеобщая акция, а частичная, не всех чохом, а с разбором.

Однако еще через неделю к коровнику прибежала девчонка и, став против Саши, сказала:

— Севолод Сергеич тебя кличут.

Девчонка эта была дочерью хозяина Всеволода Сергеевича. Саша сразу понял: Всеволода Сергеевича отправляют.

Саша застал его бодрым, деятельным, собирающим вещи. Раньше он томился в неизвестности, в ожидании, теперь все решилось — опять дорога; теперь он твердо знал, что его ждет; для того, что его ждет, нужны силы, нужно быть готовым ко всему.

— Вам приказано явиться? — спросил Саша.

— Какая разница?! За мной приедут из Кежмы. А в Кежме небольшой, но, видимо, последний этап на Красноярск. Вы в него не попали — это вселяет надежду. Впрочем, этапов еще будет много, Саша, так что будьте готовы ко всему... Видите, Лидию Григорьевну Звягуро не взяли на этап, а по характеру нынешних событий ее-то должны были взять обязательно, видите — не трогают. Значит, много еще впереди.

— А это вам,— добавил Всеволод Сергеевич, указав на пачку книг,— я знаю, вы небольшой любитель философии, но тут есть интересные книжонки, а мне их тащить с собой... Да и все равно отберут... Вас отправят — оставьте кому-нибудь, в крайнем случае бросьте.

— Спасибо,— сказал Саша,— чего вам не хватает для дороги?

— Вроде все есть.

— Ничего у вас нет,— сказал Саша.— Белья теплого нет?

— Я к теплому не привык, хожу в обычном. Да и зима кончается.

— Егерского у меня нет, но фланелевое есть — теплое, у меня его две пары. Носки шерстяные.

— Этого хватает.

— У меня есть лишний свитер, возьмете?

— Саша, ничего не надо... Уголовные все отберут.

— До Красноярска не отберут... Перчатки я ваши видел, в них по Невскому разгуливать.

— Нет, перчатки мои еще хороши.

— Я вам дам верхонки, хорошие лосиные рукавицы, натяните на свои перстянки — тепло будет. Обувь?

— Обувь у меня прекрасная, видите — валенки подшитые. Хватит, Саша... Все остальное есть. Денег нет. Но теперь государство берет меня на свое иждивение.

— Откуда вы все же знаете, что за вами приедут?

— Знаю,— коротко ответил Всеволод Сергеевич. Он не боялся Саши, доверял ему, но не называл никого: такова здесь жизнь — никого называть не следует.

Вещей у Всеволода Сергеевича оказалось немного — один туго набитый заплечный мешок.

— Вот и собрал.

Всеволод Сергеевич присел на лавку.

— Что я вам хочу сказать, Саша, на прощание. Мне грустно расставаться с вами, правду говорю, я полюбил вас. Хотя, как теперь говорят, мы с вами по разные стороны баррикады, но я вас люблю и уважаю. Уважаю не за то, что вы не отступились от своей веры — таких, как вы, еще много. Но ваша вера не похожа на веру других,— в ней есть что-то человеческое, в ней нет классовой, партийной ограничённости. Вы, может быть, сами не сознавая, выводите свою веру оттуда, откуда выходят все истинные идеалы человеческие. И это я в вас очень ценю. Но я старше, опытнее вас. Не превращайтесь в идеалиста. Будьте ближе к жизни. Иначе жизнь уничтожит вас или, это еще страшнее, сломает вас, а тогда... Простите меня за прямоту: идеалисты иногда превращаются в святых, но чаще — в тиранов и охранителей тиранства... Сколько зла на земле прикрывается высокими идеалами, сколько низменных поступков ими оправдывается. Вы не обижаетесь на меня?

Саша усмехнулся.

— Что вы, Всеволод Сергеевич! Разве на рассуждения человека можно обижаться? И с вашей теорией я спорить не собираюсь. И за свое будущее ручаться не могу. Скажу только одно: я живу на земле, я земной человек. Именно поэтому я не идеалист в вашем понимании. Я идеалист в моем понимании: я считаю, что человек должен исповедовать идеи, но идеи человеческие, гуманные, справедливые. И еще к чему я пришел за этот год тюрьмы, этапа, ссылки: нет ничего на свете дороже и святее человеческой жизни и человеческого достоинства. И тот, кто покушается на человеческую жизнь, тот преступник, кто унижает человека в человеке, тот тоже преступник.

— Но преступников надо судить,— заметил Всеволод Сергеевич.

— Да, надо судить.

— Вот уже слабинка в ваших рассуждениях. А судьи кто?

— Не будем входить в дебри вопроса. Я повторяю: самое ценное на земле — человеческая жизнь и человеческое достоинство. Если этот принцип будет признан главным, основополагающим идеалом, то современные люди выработают ответ и на частные вопросы.

Всеволод Сергеевич прислушался. У дома раздался скрип саней.

— Так, это за мной.

— Задержите их, я сейчас вернусь,— сказал Саша.

Он выскочил из дома, у крыльца стояла кошевка — в ней возчик и милиционер.

Саша прибежал домой, схватил пару фланелевого белья, свитер, верхонки — кожаные рукавицы, добавил две рубашки, вернулся к Всеволоду Сергеевичу.

— Ну, зачем вы все это? — поморщился Всеволод Сергеевич,— смотрите, «сидор» мой набит.

— Ничего, втиснем, открывайте!

Они сложили все в мешок.

— Да,— сказал Всеволод Сергеевич,— вот адрес Ольги Степановны, город Калинин. Я письмо написал, надеюсь послать из Красноярска. Но там, может быть, привезут прямо в тюрьму. Поэтому напишите вы ей, из двух писем одно дойдет наверняка.

Саша положил бумажку с адресом в карман.

Милиционер и возчик кончили пить чай, вышли на улицу.

Всеволод Сергеевич оделся, взял мешок, опустил его на пол.

— Ну что же, попрощаемся, Саша.

Они обнялись, расцеловались.

— Так мы с вами и не доспорили,— улыбнулся Всеволод Сергеевич.

— Может быть, и доспорим когда-нибудь,— сказал Саша.

Всеволод Сергеевич зашел на кухню, попрощался с хозяевами и вышел на улицу, положил мешок в сани.

В дверях стояла девчонка — дочь хозяйки, в накинутой на плечи шубейке.

— Ну, еще раз!

Всеволод Сергеевич и Саша расцеловались.

Всеволод Сергеевич сел в сани, укрыл ноги полостью, весело проговорил:

— Тронулись, что ли!

Сани заскрипели...

Саша стоял, смотрел им вслед, пока они не скрылись за углом.

И девочка стояла в дверях, смотрела.

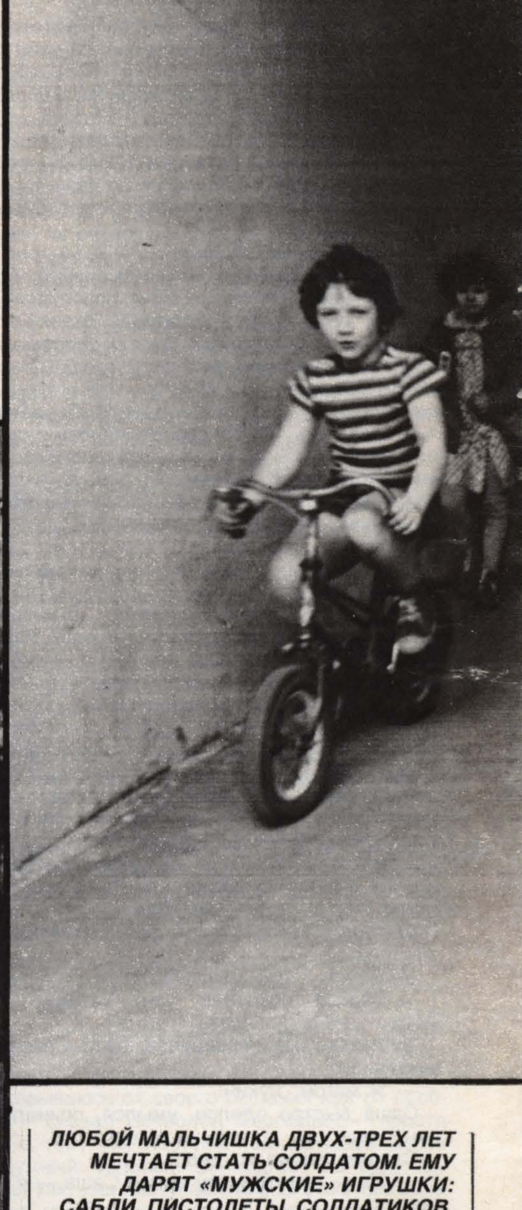
Ссыльных в Мозгове осталось только двое: Саша и Лидия Григорьевна Звягуро.

Продолжение следует.





Фото Юлии МОЛОКО



ЛЮБОЙ МАЛЬЧИШКА ДВУХ-ТРЕХ ЛЕТ МЕЧТАЕТ СТАТЬ СОЛДАТОМ. ЕМУ ДАРЯТ «МУЖСКИЕ» ИГРУШКИ: САБЛИ, ПИСТОЛЕТЫ, СОЛДАТИКОВ, ОН ЛЮБИТ ВОЕННЫЕ ПЕСНИ, ФИЛЬМЫ ПРО ВОЙНУ. И ВМЕСТЕ С ЭТИМ КАЖДЫЙ ДЕНЬ ПО ТЕЛЕВИЗОРУ, РАДИО, В ДЕТСКОМ САДУ И ДОМА СЛЫШИТ О ТОМ, ЧТО ВОЙНА — ЭТО ПЛОХО, А МИР — ХОРОШО. КАК ВСЕ ЭТО СОВМЕЩАЕТСЯ В ЕГО СОЗНАНИИ? КАК ВОСПИТАТЬ В ДЕТЯХ ЧУВСТВО ПОДЛИННОГО ПАТРИОТИЗМА И ГУМАННОЕ ОТНОШЕНИЕ К МИРУ ВООБЩЕ? МУШТРА НА УРОКАХ ПО НАЧАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ПОДГОТОВКЕ, ИПОСТАСИ ПАЦИФИЗМА, ДВИЖЕНИЕ ЗА МИР «СВЕРХУ» И «СНИЗУ»... ОБО ВСЕМ ЭТОМ — БЕСЕДА С СЕКРЕТАРЕМ СОВЕТСКОГО КОМИТЕТА ЗАЩИТЫ МИРА ГРИГОРИЕМ МИХАЙЛОВИЧЕМ ЛОКШИНЫМ.



отелось бы поговорить о некоторых аспектах того, что принято называть «воспитанием молодежи в духе мира», точнее, о некоторых парадоксах этого воспитания. С одной стороны — миролюбивые заявления, а с другой — игрушечные пистолеты и танки, которыми завалены прилавки, школьники, марширующие на плацу, собирающие и разбирающие автоматы, военные игры «Зарница» и т. д. Как все это увязывается друг с другом? Как объяснить тот факт, что «Урок мира» проводится лишь раз в году — 1 сентября, а уроки по военной подготовке, на которых даже девочек заставляют «чеканить шаг»,— каждую неделю?

— С этим у нас действительно не все

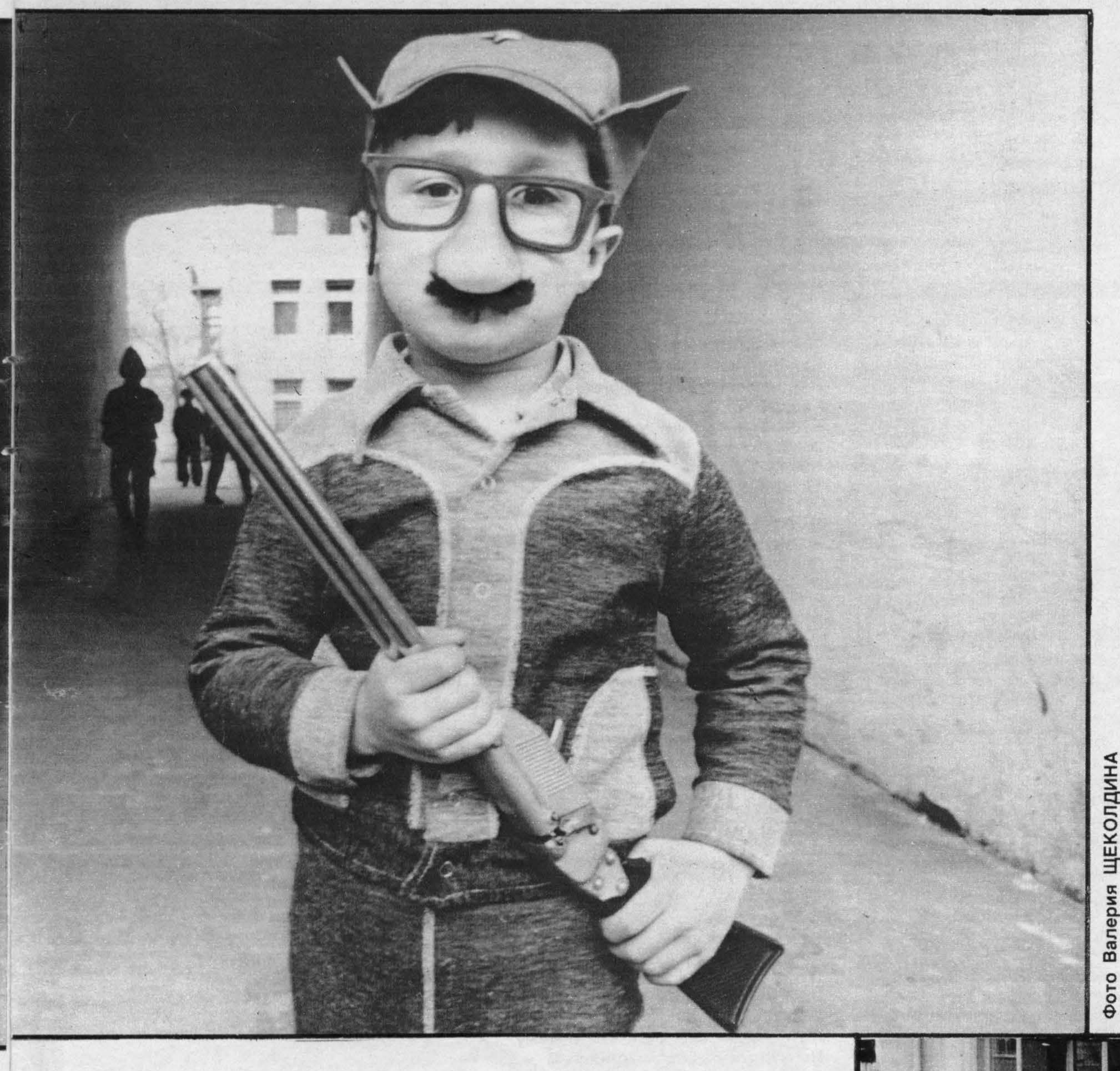


Фото Валерия ЩЕКОЛДИНА



еще ясно. Условно считается, что вся система нашего воспитания пронизана идеями мира и дружбы между народами. В принципе это так. Но есть и так называемое военно-патриотическое воспитание. Традиционная система военно-патриотического воспитания уходит корнями очень глубоко, в ту ситуацию, в которой мы жили. А жили мы долгие годы в условиях осажденной крепости, и это порождало соответствующую психологию. Гражданская война, разруха, интервенция, угроза новой войны, а затем и ее начало... Наше государство боролось за выживание, и все было направлено на то, чтобы готовить молодежь к его защите. Престиж армии был очень высок и поддерживался всеми силами и средствами воспитания. Такова была жизненная необходимость.

Но, к сожалению, и сегодня к вопросам воспитания подходят с мерками 30-х годов. Не следует, однако, забывать, что все оно строилось на воспитании ненависти к фашизму, на развитии интернационалистских убеждений. В этом неразрывном единстве с интернациональным оно было и патриотическим и, в значительной мере, военным. Конечно, не следует его идеализировать, но очевидно, что многое сегодня куда-то исчезло. И вот тут возникает противоречие, о котором мы говорим. Та система воспитания, которое называлось «военно-патриотическим», приобрела, на мой взгляд, однобокий характер. Из военно-патриотического оно во многом стало просто военным и оторвалось от интернационального. И в том, и в другом наметились явные просчеты и недостатки.

Я бы понял, если честно сказали, что гражданская оборона готовит людей к необходимости в случае каких-то катастроф и катаклизмов уметь хотя бы оказать друг другу первую помощь. Но не надо рассказывать, что я в случае ядерной войны должен явиться туда-то и туда-то и делать то-то и то-то. Ну, куда я явлюсь? Кто меня там будет ждать? Здесь — масса нелепостей, о которых все прекрасно знают. Это напоминает какую-то игру, в которую играют взрослые дяди.

Не слишком ли рано мы начинаем то, что называется, допризывной подготовкой? Что мы говорим людям на уроках так называемой «гражданской обороны»? Военно-патриотическое воспитание не должно сводиться к натаскиванию молодого человека владеть оружием, приемами борьбы самбо, и от того, что его натаскают раньше времени, из него вряд ли выйдет более квалифицированный солдат. Не лучше ли сначала подготовить его как Человека, патриота и интернационалиста? А когда моральные ценности подменяются беготней с автоматами и плащ-палатками — это не воспитание. Кроме того, это может иметь и более тяжкие последствия. Не поймите, что я против подготовки молодежи к службе в армии. Делать это, как мне кажется, надо не так, как сегодня, к сожалению, делается во многих местах. Дело не в том, чтобы устраивать эти детские игры в войну, в солдатики, а в том, чтобы воспитать гражданина, понимающего единство своих прав и обязанностей, внутренне осознавшего свой долг.

— Дело, наверное, в том, что любви научить гораздо сложнее, нежели умению обращаться с оружием.

— Конечно. Гораздо легче научить ненависти, чем любви. И тем не менее воспитание в духе мира и дружбы между народами сейчас важнее и нужнее. А с другой стороны, это вроде какой-то пацифизм, который как идеология нам тоже не подходит.

Итак, очередное противоречие. Одна группа людей обеспокоена тем, что политика гласности, обсуждение закрытых ранее тем может отрицательно сказаться на нашей боеготовности, моральном состоянии солдата. Другая группа вообще договаривается чуть ли не до необходимости ликвидировать армию, а заодно и отменить службу в ней. Где же истина? Она, как всегда, находится посередине. Те, кто встает на позиции абстрактно-пацифистские, опережают события. Потому что мы все же имеем дело с суровой реальностью. Новое политическое мышление далеко еще не является достоянием всех. Наши политические оппоненты не всегда реагируют на язык разума, ориентируясь, к сожалению, чаще на язык силы; не застрахованы мы пока и от угроз, и даже от ядерного шантажа. И, значит, пока еще нет другого пути, нежели сохранять наш оборонительный потенциал на оптимально необходимом уровне. В таком духе, естественно, и приходится воспитывать нашу молодежь.

Но, конечно, и здесь надо знать меру. Я, например, не понимаю Александра Проханова, когда он, захлебываясь от восторга, пишет о мегатонной смерти: вот выплывает из шахты ракета, ах, какая она красивая, какая она замечательная! Да ничего хорошего в ней нет! И любви она к нашей армии не добавит. Это все вынужденно, это не наш выбор, не наша философия. Мы завтра же от этого избавимся, но, повторяю, не все от нас зависит. Мы не можем позволить себе «быть совершенными в одиночку». Как говорится, для танго нужны двое, а мы еще не до конца убедили другую сторону последовать нашему примеру.

Итак, мы возвращаемся к тому, что держать порох сухим надо и армию иметь тоже надо. И служить в ней должны умные и здоровые духом ребята. И воспитывать их надо не на устаревших догмах, а правдой. Другой вопрос, который мы, как общество, вправе задать себе, состоит в том, какая нам нужна сейчас армия, каким должно быть ее оснащение, во что это обходится и как все это расходуется. Есть, например, армии профессиональные, которые набираются по принципу контрактации, как, например, американская. Может быть, стоит присмотреться к этому? Может быть, это еще один резерв, который в состоянии облегчить бремя нашей экономики?

— Давайте вернемся к пацифизму. Почему в нашей терминологии это слово стало почти ругательным?

— У нас перед глазами стоит, скажем, пацифизм межвоенный, 30-х годов, который ассоциируется с умиротворением, с невмешательством, с Лигой Наций — со всеми теми вещами, которые обанкротились, не остановили агрессора, не помешали ему развязать войну. Пассивность, созерцательность, блаженность — вот что мы воспринимаем как пацифизм. Но сегодня он совершенно другой. Сегодня пацифист Брайан Уилсон встает на пути поезда с оружием, чтобы остановить его. Или женщины Гринэм-Коммон — они ведь самые настоящие пацифистки. А они три года — в холод, в стужу, в дождь — осаждали ракетную базу. И это беззубый пацифизм?

Так давайте трезво смотреть на это явление. Я лично убежден: сегодня мы все — пацифисты, все — союзники в борьбе против ядерной угрозы. А некоторые советские военные идеологи поминают пацифизм сплошь и рядом в ругательных выражениях. Зачем? Сегодня одна общая для всех угроза — гибель человечества. Против нее выступают пацифисты, но против нее вы-

ступаем и мы. Так чего между нами больше: общего или разного? Да, есть небольшие и второстепенные различия, потому что мы находимся в разных ситуациях, но конечная цель у нас с ними одна и та же.

— Не кажется ли вам, что движение за мир в нашей стране слишком заорганизовано, что оно исходит не столько «снизу», сколько «сверху»? Я помню, как в студенческие годы (это было не так уж давно) нас отправляли на демонстрации, суля за это отгулы, как нас снимали с лекций и автобусами везли «изображать добрую волю».

— Я частично с вами согласен. На социальную активность самого нашего народа длительное время обращалось явно недостаточно внимания. Всегда считалось: а зачем нам такое же движение за мир, как на Западе? Кто у нас против мира? С кем бороться? По правде сказать, у нас действительно не может быть симметрии в этом деле. Ведь и общество у нас все-таки совсем другое.

— В таком случае зачем понадобилось создавать Советский комитет защиты мира?

— Я хочу вкратце напомнить концепцию движения за мир в нашей стране, как оно создавалось и как шло его развитие. Оно у нас всегда было больше направлено не вовнутрь страны, а вовне. Своего рода экспортный вариант. Перед нами все время стояла сверхзадача: доказать «им там», дать ответ на вопрос «хотят ли русские войны». И это было очень нужно, остается необходимым и сейчас. Поэтому даже те демонстрации, которые у нас проводились... Это были не демонстрации протеста. Либо они были в поддержку каких-то предложений и инициатив, либо это были выражения солидарности, демонстрации протеста, но не против действий Советского правительства, а, скажем, против войны во Вьетнаме, против нападения Израиля на арабские государства и т. д. Протест всегда направлялся вовне. Вовнутрь это была, как правило, поддержка. Существовала даже такая формула: «Единодушно одобряем и поддерживаем». Так оно в значительной мере и было, здесь вообще-то никакой фальши нет.

Поэтому демонстрации у нас предназначались для того, чтобы голос нашей общественности был услышан за рубежом. Мы делали фотографии, снимали кино и показывали там: смотрите, вот это воля нашего народа. Это было необходимо. Вот, к примеру, нашим прежним руководством была выдвинута инициатива о неприменении ядерного оружия первыми. Разве плохо? Хорошо. Разве не заслуживало это полной поддержки нашего народа? Заслуживало тогда и заслуживает сегодня. Но если на Западе видят, что это не блажь данного руководителя в данный момент, не конъюнктура, что за этим стоит воля народа, доверие к этой инициативе многократно возрастает. К сожалению, все это мы не умели, а порой и не считали нужным объяснять людям. Отсюда и рождалась эта самая заорганизованность, формализм и многое другое. Эти «мероприятия» действительно спускались чаще всего сверху для того, чтобы служить той же внешней политике, тем же целям, но уж очень упрощенно. Вот почему людям говорили: да приходи, ради бога, потом отгуляешь.

Сейчас мы стремимся к тому, чтобы движение за мир в СССР действительно стало движением народа, чтобы оно превратилось в действенную силу перестройки, в реальный компонент новой политической системы, которая формируется у нас в стране. Движение за мир должно превратиться в серьезную политическую силу, научить человека социальной активности, ответственности и самостоятельности. И тогда, я надеюсь, никого не придется зазывать к нам, обещая отгулы. Над этим мы все сейчас работаем с большим желанием и интересом.

Беседу вел
Алексей НОВИКОВ

И ГРЯДУЩЕЕ НАЧНЕТСЯ



Вадим ШЕФНЕР

ПЕТРОГРАД

Подворотен сырые своды
И травинки между камней,
Госпитальные пароходы,—
Петроград моих детских дней.

Хитрой памятью упакован
Этот город в цветной туман,
В золотую фольгу былого,
В сказок розовый целлофан.

Но припомню дни голодовки,
Холод, сгустки декабрьской мглы,—
Из рождественской упаковки
Выпирают его углы.

Выпирают событий ребра
Сквозь уюта тонкий жирок...
Петроград, ты был очень добрым,
Но счастливым ты быть не мог.

ВЕЧЕРНИЕ МЫСЛИ

Тайного не зная кода,
Без отмычек и ключей,
Как дурак, стою у входа
В мир всеобщий и ничей.

Я не ведаю, откуда
И куда летит со мной
Неразгаданное чудо —
Тяжеленный шар земной.

И никто мне не ответит,
И нигде мне не прочесть,
Почему на этом свете
Существует все, что есть.

Вдруг все сущее прервется,
Вздрогнет звездная пыльца,—
И грядущее начнется
С неизбежного конца?

ЭЛЕГИЯ ПОСЛЕ ТРЕТЬЕЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

На кладбище, где новых нет могил,
Никто теперь над мертвыми
не плачет.
У входа ангел каменный застыл,
И смотрит ввысь надменно
и незряче.

Безлюдье, тишина со всех сторон,
Немых оград ржавеющие цепи,—
И дряхлый сторож гонит самогон
Ночами в старом безымянном склепе.

Потом идет, не зная что к чему,
Но чувствуя бессмысленную
бодрость,—
И кланяются чертики ему,
Его преклонный уважая возраст.

Он сам себе холоп и господин,
Он одинок, все остальные —
в нетях.
Один, один, единственно — один
На кладбище, на всей родной
планете.

Над ним, как дети, плачут облака,
Лежат пред ним безлюдные
просторы...
Лишь марсиане видят старика
В свои сверхдальнозоркие
приборы.

И говорят: «Там ходит человек,
Он в дни войны сумел в живых
остаться.
Мы подождем. Пусть доживает век.
Когда помрет — начнем
переселяться».

* * *

Я знаю верного врага,—
Да будет жизнь его долга!

Попутчик юности моей,
Он помнит с давних лет
Своих врагов — моих друзей,
Которых больше нет.

Он не забудет ничего,
Пока жива вражда;
В сердитой памяти его
Я молод навсегда.

Пусть он меня переживет,—
Хранитель тайн былых,
Ходячий перечень невзгод
И радостей моих!

* * *

Ругают ли критики люто,
Иль хвалят, впадая в экстаз,—
Стихи наши твердой валютой
Становятся лишь после нас.

С годами — без лести, без блата,
Строга, неподкупно-груба,
На медь, серебро и на злато
Все рассортирует судьба.



Владимир ДЕМИДОВ

МАРШАЛ

Памяти отца Демидова И. Д., участника гражданской и Великой Отечественной, погибшего на Мамаевом кургане

С него нашивки маршальские
Сорваны.
На месте боевых наград — круги.
Один судья
Глаза отводит в сторону,
Покашливают в руку
Два других.
Пройдут года —
Нам скажут правду вескую,
И мы узнаем с горечью, что он,
Ходивший в бой за нашу
Власть Советскую,
От имени ее приговорен.
Ну, а пока свершается история
И падают на землю ордена,
Он думает об армии,
Которая
Народных полководцев лишена.
Их наскоро не вырастить без опыта
Пройденного с боями Сиваша,
Той славы, что под Перекопом
добыта,
И вымытого кровью палаша.
Предвидя, что задумано Германией,
Какой рассвет однажды протрубят,
За всех отцов жалеет он заранее
Их юных, необстрелянных ребят.

Счастливые,
Они еще не ведают,
В учебниках портрет его черня,
Какой ценой достанется
Победа им
И сколько их не выйдет из огня.

Как сиротливо на земле
Без колоса,
Как обжигает душу
Вдовий взор...
Он видит это
И не слышит голоса,
Читающего смертный приговор.

* * *

Июньский вечер.
Водоем.
В тени у кустика
Лихая пацанва живьем
Сжигает суслика.

Он долго мечется в огне,
Моля о милости,
И тот огонь течет во мне,
Чтоб горем вырасти.

На детских лицах нет ни зла,
Ни раздражения.
Дымок змеится.
И — зола,
Зола сожжения.

Я молча плакал дотемна,
Шурша заплатами.
А утром грянула война,
И все заплакали.

В бинтах и лица,
И стекло,
И небо вечности.
Потом лет пять золу мело
Во всем Отечестве.

КОРНИ И КРОНЫ

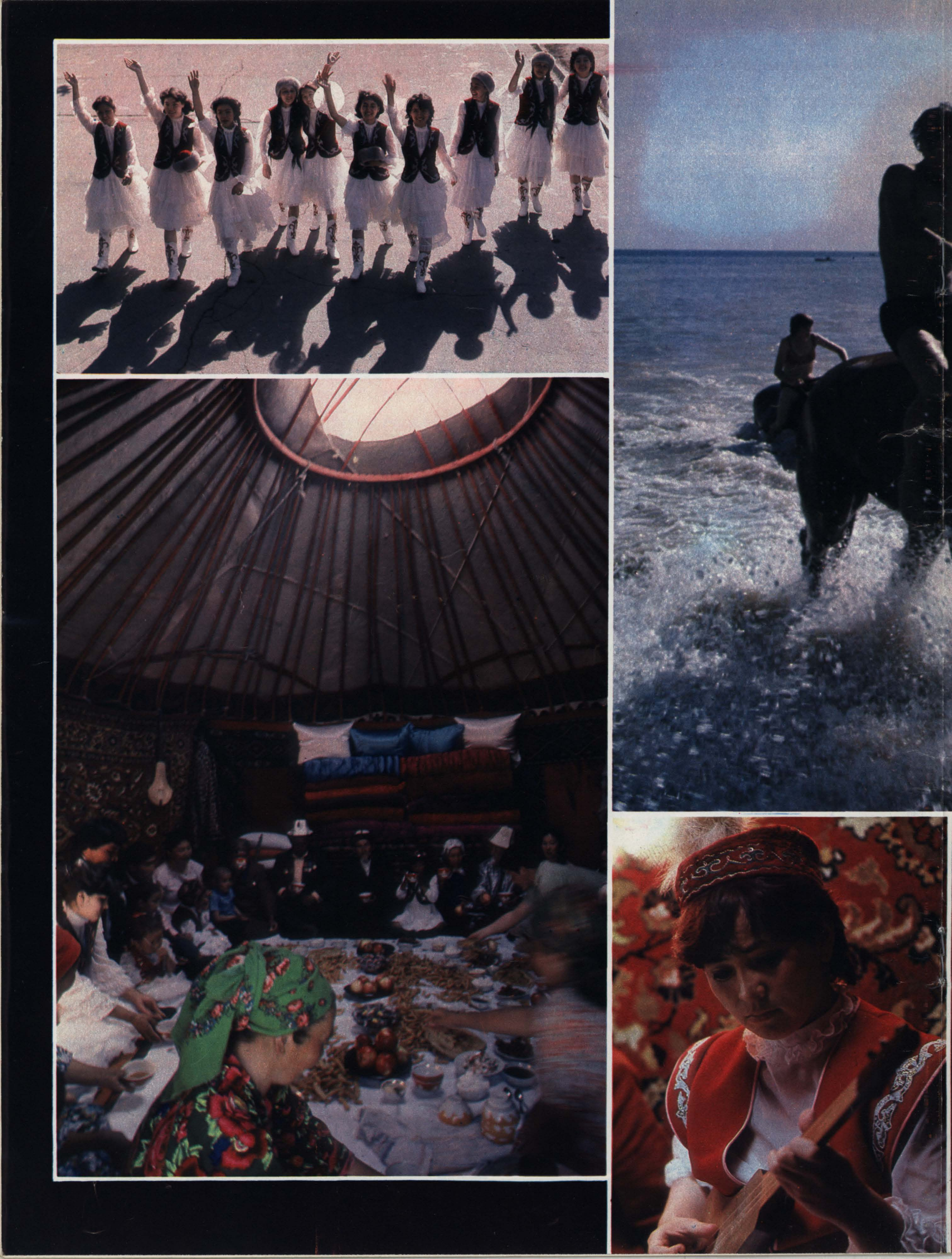


Юрий ЛУШИН
Дм. БАЛЬТЕРМАНЦ (фото)

Мастер вскинул фотокамеру. Затвор щелкнул, отсекая одну сотую секунды жизни, мелькнувшей в видоискателе. Остановленное мгновение, превратившись в фотографию, стало вечным.

Великое множество людей брало в руки фотокамеру, но мастерами становились единицы. Дмитрий Бальтерманц из их числа. Он достаточно известен, чтобы сказать о нем что-то новое. Но меня всегда удивляла его готовность, нет, желание постоянно возвращаться к съемке одной и той же темы. Не всякому репортеру это по душе, не всякому по силам...

Вот Киргизия, где он снимал, наверное, не меньше десятка раз,— небольшая горная страна, населенная мужественным и поэтическим народом, одним из древнейших в Средней Азии. Киргизы пришли на Тянь-Шань полторы тысячи лет назад. Множество раз с оружием в руках бились они за свою независимость с захватчиками разных мастей. Борьба научила их мужеству и отваге, страдания сделали отзывчивыми к чужой беде, а мечты о лучшей доле пробуждали поэтический дар. Изустно из века в век, от дедов отцам, от отцов сыновьям передавали киргизы сказания о жизни своих предков — поэтический эпос «Манас». Он впитал в себя предания о военных походах, о быте древних киргизов, культуре, нравах, об их предводителе славном батыре, его сыне Семетее и внуке Сейтеке... «Манас» так велик, что полностью пересказать его можно лишь за несколько дней. Не перевелись сказители эпоса — манасчи — и сегодня. Они могут выступать на строительстве ГЭС, в цехе современнейшего завода, в театре или среди овцеводов. Так уживаются история



и современность, словно корни и крона единого дерева.

Но как все это передать языком фотографии? Возможно ли? Судите сами. Перед вами Киргизия в снимках мастера, причем все они сделаны в течение одного дня. Американские издатели взяли из всей съемки в книгу о Советском Союзе только один снимок, далеко не лучший по словам автора. Лучшие — здесь. Всмотритесь в них внимательно и не торопясь. Вы увидите красоту киргизской земли и душевную щедрость ее народа. Вы почувствуете также нежную и добрую любовь автора к этой земле. Она, мне кажется, взаимна. В ней залог того, что «фотографический Манас» Дмитрия Бальтерманца будет продолжен.



Так ново – удивительно!

Спасибо!

И Смоктуновский

Это прекрасно,
как в свое время

IN ITALIA

a presto
20/11/'84

БОГИНИ
КАК ПОГАН

БАБАМИ

С ТАГАН

Спасибо за

Bravo!

Visto

РАМПА

Беседа с Николаем ГУБЕНКО

«ТАГАНКА» — ЭТО ВЕРА

Мария ДЕМЕНТЬЕВА

— Наверное, будет вполне естественно, если мы начнем наш разговор с события, которое недавно так живо обсуждалось театральной общественностью. Я имею в виду беспрецедентный приезд в Москву бывшего главного режиссера Театра на Таганке Юрия Петровича Любимова. Как этот приезд был воспринят труппой театра?

— Я предпочитаю слову «беспрецедентный» слово «естественный». Приезд Любимова в Москву после встречи с ним во время гастролей нашего театра в Испании кажется мне и труппе естественным в перспективе общих процессов демократизации нашего общества. Неестественным было его отсутствие в течение более четырех лет. Коллектив прожил под руководством Любимова 19 лет. Он был им создан, им определялся. В театр Любимова вместилось для нас все лучшее, что есть в мировом театре,— от реализма Станиславского, от поисков Вахтангова, Мейерхольда, Брехта — и синтезировалось Мастером, труппой и теми, кто на протяжении этих 19 лет был рядом,— писателями, поэтами, учеными, композиторами, такими, как Окуджава, Ахмадулина, Трифонов, Евтушенко, Вознесенский, Боровский, Капица, Карякин, Флеров, Буцко, Черниченко, Шнитке, Можаев, Абрамов и многими другими,— синтезировалось в направление.

Что это было за направление?

Мы начинали с брехтовского, уличного, демократического театра. Зритель становился равноправным партнером происходящего на сцене. Это заставляло театр искать свой язык, свои выразительные средства, форму — образную — без декоративно-костюмно-бутафорских излишеств. Социально острые темы являлись сутью общественной программы театра. Таганка, как правило, стремилась избегать традиционной драматургии (я не причисляю к традиционалистам Шекспира, Мольера, Брехта), опиралась на поэзию и прозу, к которым другие коллективы не тяготели. Нетрадиционный подход к традиционному, метафорический язык были залогом успеха. В частности, ни в одном театре не были столь успешны и долговременны спектакли, обращенные к истории революции, как на Таганке. «Десять дней, которые потрясли мир» Дж. Рида, «Мать» Горького прошли около 900 и 300 раз и продолжают удерживаться на афише театра.

Нас часто обвиняли в излишней политизации репертуара. Но в 60-е, 70-е годы политический замес был непременен в искусстве, если оно хотело противостоять процессам, которые происходили в стране и которые мы теперь называем застойными, предкризисными. Театр на Таганке первые 19 лет своего существования был индикатором болевых точек общества, времени. Одним из немногих сопротивлялся директивным методам управления культурой, противоестественным сути искусства, целью которых было причесать всех под одну гребенку. В высшей степени театру было свойственно чувство вины за происходившее в жизни общества, за добровольное соглашательство большинства с произволом начальствующего меньшинства, выдававшего свое мнение за общенародное. Подавлению индивидуального восприятия мира (непременного для любого художника), запрету открытых дискуссий по назревшим социальным проблемам, неприемлемости разнообразных точек зрения на исторический опыт страны театр в лучших своих спектаклях противостоял гласностью, которая была поистине выстрадана всеми нами ценой огромных потерь и целительно воздействует на общество сегодня. Такое направление не могло не пугать бюрократию, природа которой во все времена состоит из Подавления, Страха, Послушания во имя собственного Благосостояния. Только благодаря мужеству друзей, таганских зрителей, но прежде всего Любимова и коллектива театр выстоял в годы застоя.

Сегодняшняя ситуация представляется мне парадоксальной. Основатель театра, который способствовал гласности, когда еще страна молчала, перестройке, находится на Западе. Я преклоняюсь перед писателями и журналистами, взявшими на себя вспашку нашей души, которые без устали борются за сохранение Байкала, против поворота рек, за сохранность недр, которые могут иссякнуть. Но разве не с равной силой до́лжно бороться за сохранение нашей культурной среды? Ведь нравственность, духовность весьма чувствительны к человеческим потерям. Нет Шукшина, нет Трифонова, нет Высоцкого, нет Вампилова. И их никто не заменит. Никто не возместит художественных потерь, связанных с их ранним уходом. А что с живыми? С теми, кто волей судьбы (только ли судьбы?) оказался в эмиграции. «Отщепенцы», «невозвращенцы», «антисоветчики»? Звучит привычно и легко для одних. И ужасно, горько, обидно для других. Недопустимо для развития культуры, которая теперь гордится Рахманиновым, Ахматовой, Буниным, Кандинским, Дягилевым, Булгаковым, Мандельштамом, Платоновым, Гумилевым, Мейерхольдом, Пастернаком, Зощенко. Гордится, к несчастью, посмертно. Разве прижизненное забвение этих и других имен не задержало наше развитие? Разве оплодотворенная идеями свободы, замешанной на крови декабристов, мучениях революционеров-разночинцев, народников, преследованиях передовых рабочих, Октябрьская революция свершилась для того, чтобы отвернуться от разнообразия точек зрения на социальные проблемы художественных направлений, исторических концепций?

Нам нужен сегодня глубокий, откровенный разговор о том, почему, по чьей вине в последние полтора десятилетия талантливейшие наши писатели, скульпторы, режиссеры, музыканты оказались вынужденными покинуть Родину. Я имею в виду Ростроповича, Любимова, Некрасова, Тарковского, Бродского, Неизвестного и других. Я хотел бы понять, в силу каких причин мы вынуждены довольствоваться посмертным признанием и реабилитацией талантливых художников. Почему посмертно возвращаются в нашу страну музыка Рахманинова, проза Набокова? Кто следующий?.. Создается впечатление, что условием «возвращения» на Родину является смерть. Почему стремление разделить свой талант как можно с большим количеством людей — естественное для любого крупного художника — у нас расценивается как измена Родине, сопровождается изгнанием и забвением? В любой стране мира считается в порядке вещей, что талантливый режиссер, музыкант, писатель — гордость своего народа — концертирует, ставит спектакли, публикуется в других странах. Никто же не удивляется, что англичанин Питер Брук, итальянец Джорджо Стрелер, швед Ингмар Бергман, болгарин Николай Гяуров, чех Милош Форман работают в чужих странах, но от этого не перестают быть англичанами, итальянцами, болгарами, чехами и — выдающимися художниками современности. Это норма жизни человека в искусстве. Почему нам она не представляется нормой? От подобной нетерпимости мы только теряем. Есть люди, есть организации, которые конкретно отвечают за обнищание нашего духовного национального фонда. Это в бесконечной борьбе с ними, с их запретами, указаниями, подозрениями, ложными обвинениями художники не выдерживают. Об этих организациях, инстанциях и лицах надо знать. Это они, «обложив нам свободу флажками, бьют уверенно, наверняка».

«Привычка — душа держав» — как не поверить А. С. Пушкину. Так давайте разберемся, что нам делать с этой «державной» привычкой сторонников казарменного социализма бить, добивать, убивать...

— В советском ли гражданстве Любимов сейчас?

— Пока нет. Но свою будущность он связывает с возможностью работать в Театре на Таганке. На худсовете и общем собрании театр принял решение способствовать его длительному визиту. Мы надеемся, что следующий приезд Любимова будет не по частному приглашению. И если удастся устроить его приезд официально, то, закончив 22 января будущего года в Королевском шведском театре постановку «Мастера и Маргариты», с 23-го он хотел бы приехать в театр восстанавливать спектакль «Живой» по Б. Можаеву и начать новую работу о судьбе Бориса Леонидовича Пастернака. Театр рассчитывает на понимание со стороны тех людей, от которых зависит судьба решения о его приезде.

— Следует ли из ваших слов, что, если бы Любимов сейчас имел возможность вернуться, вы бы сложили с себя руководство театром?

— Если бы Любимову вернули отнятое при Черненко гражданство, я бы считал справедливым и естественным его возвращение в театр. Возможно, я выступаю в роли ненормального, который, будучи призван коллективом к руководству одним из самых популярных театров страны, тем не менее предпочитает, чтобы человек, стоявший во главе направления, вел его и дальше. Это, повторяю, естественно. Трудно предположить, что кто-то иной способен продолжить намеченную линию. Даже попытка такого режиссера, как Эфрос, синтезировать свой метод с методом Любимова в общем-то не состоялась. Людям приходилось себя ломать, менять свои профессиональные механизмы. И раз направление сохранилось, раз жив его создатель, не проще ли ему продолжать то, что он начал?

— То есть вы считаете, что это возможно, что пути еще не разошлись?

— Надеюсь. Другое дело, что он и, как мне думается, большая часть эмигрантов недостаточно информированы о том, что происходит в стране. Поэтому все десять дней, которые мы провели в Москве, я пытался в свободные ночные часы насытить его материалами, в частности огоньковскими. И «Московские новости», и «Известия» ему положил, и «Правду» — наглядные пособия по демократизации общества. Мне было важно, чтобы он понял, что то, за что театр боролся в течение 19 лет, наконец-то становится явью.

— Существует мнение, что отъезд Любимова совпал с неким творческим кризисом. По крайней мере о кризисе начала говорить общественность. Спектакли стали повторять друг друга. Единственной легендой оставался «Борис Годунов», которого, правда, почти никто не видел, увидим только сейчас. И была версия, что Юрий Петрович Любимов счел за лучшее воспользоваться ситуацией — запретом, очередным произволом бюрократов — и своим отъездом разрубил этот узел.

— Есть мнение? Чье? Общественности? У одной общественности есть газета, при помощи которой формируется мнение. У другой общественности ее нет. На протяжении 19 лет театр подвергался унизительному насилию со стороны определенной части руководства культурой, которое и формировало то, что называется мнением. Я не хотел бы красить всех черной краской, но сравнительно немногие из руководства культурой пытались выручать театр из тех

Фото Валерия ПЛОТНИКОВА

сложных ситуаций, в которые он попадал. Я имею в виду закрытие 18 лет назад спектакля «Живой». Я имею в виду спектакль «Павшие и живые», посвященный поэтам-фронтовикам, который не принимали бесконечное количество раз, выискивая самые фантастические предлоги. И это происходило почти с каждым спектаклем. Силы постепенно иссякали и у Любимова, и у труппы. Помню наше общее отчаяние, когда запретили «Бориса Годунова». Тогда тоже было «мнение», будто спектакль сделан к смерти Брежнева, хотя он и репетировался девять месяцев.

А что касается кризиса... и спектакль «Владимир Высоцкий», который был запрещен и сыгран всего лишь один раз, да и то благодаря личному разрешению Ю. В. Андропова, и «Борис Годунов» считались по тем временам взлетом театра. Этим спектаклям предшествовали «Мастер и Маргарита» и «Дом на набережной», на которые и по сей день с трудом можно достать билеты.

— Вы работали на Таганке с первых дней. Вы бы выделили какие-то этапы развития театра?

— Подразделять жизнь на этапы? Она идет... идет чередой разочарований, надежд, счастливых взлетов... Пусть лучше это делают теоретики. Правда, два момента я все же выделю. Когда на протяжении 19 лет таганский зритель выстраивался по ночам в очереди, чтобы записаться на билеты в театр, пресса в лучшем случае отделывалась одной-двумя статьями по поводу премьеры. Когда же на 21-м году жизни театра зрительские ряды заметно поредели, на читателей обрушили шквал хвалебных статей. Таково мое личное наблюдение.

— Кстати, в прессе много обсуждалась драма — назовем ее «Таганка — Эфрос». Что вы думаете по этому поводу? Как вы оцениваете решение Эфроса тогда возглавить Театр на Таганке?

— Все, что происходит после смерти художника, не имеет ничего общего с тем, что имело место при жизни. На моей памяти не было исключений из этого правила. И чем больше художник, тем нелепее расхождение «до» и «после». Посмертная борьба мнений, «мемуаристика», часто преследующая цели личного приобщения к тому, что уже никто не может засвидетельствовать,— ничто в сравнении с истиной, которую человек уносит с собой. Истина, которая ясна мне (конечно, «разнообразие умов делает то, что ни одна истина не представляется одинаково двум людям»), заключается в том, что драма многих художников — это их одиночество. В конфликте с командным стилем руководства культурой Любимов в одиночку отстаивал интересы всей режиссуры. Почему же никто не помог ему, когда закрывали «Живого», «Владимира Высоцкого», «Бориса Годунова», когда увольняли с работы? (Я не говорю здесь о труппе, которая продолжала безоглядно бомбить письмами инстанции даже тогда, когда все уже свершилось. Это был уникальный пример человеческой солидарности, преданности делу и Мастеру. У многих на памяти истории учеников Мейерхольда, Шостаковича, которые отвернулись от своих учителей.) Я имею в виду режиссерский цех. И я не знаю, что такое единство этого цеха. Знаю только, чем оно могло бы стать. Когда началась травля А. Эфроса в бытность его главным режиссером Театра имени Ленинского комсомола, Ю. Любимов вместе с О. Ефремовым и Ю. Завадским решительно встали на его защиту. С трудом, но можно представить, что было бы, если бы в 1983 году Любимов не оказался в одиночестве. Драма одиночества художника — это почти всегда коллективный труд многих людей.

— После потери Эфроса труппа театра вторично обратилась к руководству с просьбой о вашем назначении, как и пять лет назад. По поводу вашей программы, пожалуйста. Есть ли она?

— Политый потом, слезами и кровью, театр выращивался нечеловеческим самозабвенным трудом коллектива и его зрителей, трудом изо дня в день. В сущности, театр — это вера. Вера объединяет людей в братство, товарищество, без которых нет смысла делать то, что мы делаем,— вера в направление, перспективу, друг в друга. Это моральный аспект программы. Преданность делу до самоотречения — таков мой идеал труппы. Но вправе ли я требовать этого от актеров при их нынешних заработках? Кино, телевидение, радио, концерты составляют для многих большую часть их бюджета. Надо думать о создании материально-технической базы замкнутого цикла (постановка спектакля — съемка его на видео или кинорадиопостановка) с оплатой по труду в самом театре — за каждый вид работ, чтобы у людей не было необходимости зарабатывать на стороне. Это материальный аспект программы. О репертуаре. Замыслов много, но выбор в условиях гласности требует времени, тишины и взвешенности. Цель — способствовать перестройке общественного сознания — ясна. Но будет ли это Булгаков, Салтыков-Щедрин, Пастернак, Трифонов, Шекспир, Гоголь, Гельман, Шатров... Предстоит решить летом.

— Мне хотелось бы перейти к кинорежиссеру Губенко. Вы были ведущим актером Таганки и вдруг покинули театр и ушли в кинорежиссуру, что, согласитесь, бывает нечасто. Ведь, кажется, у вас и так все складывалось замечательно. Или нет?

— Возможно, этот поступок со стороны актера, который играл ведущие роли в репертуаре с 1964 по 1968 год — и в «Добром человеке», и в «Пугачеве», и в «Десяти днях», и в «Павших и живых», и даже успел сыграть Печорина в «Герое нашего времени» (это был один из немногих неудачных спектаклей театра),— кажется странным. Но молодость дается человеку один раз, в этот период хочется определиться на последующие годы. Мы играли по 33, а то и по 38 спектаклей в месяц (это при том, что ежедневно надо было репетировать еще и новые спектакли). Практически все время отдавалось театру. Не успевал читать, слышать, видеть, думать. А мне хотелось реализовать свои размышления, свой жизненный опыт. Ведь я воспитывался в детском доме, в спецшколе-интернате, и это было своеобразное воспитание, весьма отличное от домашнего, семейного. Это был опыт и части моего поколения, потерявшего отцов, матерей. Он мне казался уникальным, уникальным казалось наше мироощущение. Театр возможности реализовать это не давал. И я ушел в режиссуру. Первая моя картина «Пришел солдат с фронта» была данью признательности тем людям, которым мы обязаны своей жизнью. Сценарий написал Шукшин. «Подранки» уже совсем близки к личному опыту — опыту поколения сороковых.

— Кажется, вы единственный, кто еще не написал воспоминаний о Шукшине?

— Я стараюсь не участвовать в процессе посмертного воспоминательства. Количество «друзей», посмертно возникающих у таких людей, как Шукшин, за пределами реальности. Я видел, как на похоронах Шукшина те, кто гноил Василия Макаровича за его «Степана Разина», обвинял во всех грехах, вдруг оборотились в его друзей.

— Вы были близки?

— Не могу сказать, что мы были очень близки, хотя мы с женой никого не любили так, как Шукшина. Разумеется, каждый жил своей жизнью, но для нас он был неотъемлемой ее частью. Отсутствие таких, как Шукшин, многое делает невосполнимым. Представляю, как бы ему сейчас писалось. Шукшин знал народ, понимал его, хотя, случалось, народ, глядя в зеркало шукшинских фильмов, нередко узнавал себя с удивлением и даже с испугом... Это было и после "Печек-лавочек», и с «Калиной красной», запрещенной к показу в то время в нескольких областях страны. Шукшин... он был честным писателем, режиссером, сострадательным к народу.

— Все ваши роли получил Высоцкий, пришедший в театр значительно позже вас. Вы были конкурентами? Какие у вас складывались отношения?

— У нас с Володей отношения всегда были хорошие, товарищеские. И, когда я ушел из театра, он заменил меня. Хронологически это так. Потом, когда Володи не стало, понимая, что мой театр находится в трагическом положении, я счел необходимым вернуться и взять эти роли обратно...

— Но давайте вернемся в сегодняшний день. Как вы оцениваете нынешнюю ситуацию в кинематографе? Не кажется ли вам, что мосфильмовская шутка «ни метра в родной стране» говорит об очень грустной тенденции?

— В первый раз слышу эту шутку.

— Странно... Так вот, не кажется ли вам, что происходит «отъезд» от тем наших ведущих режиссеров. Прежде кинематографисты клялись, что хотят ответить на самые актуальные проблемы, которые волнуют народ, но им не позволяют. Сейчас, когда они эту возможность получили, выяснилось, что это их не очень волнует. И вот Панфилов начинает снимать старое классическое произведение «Мать» с Волонте, которое, я убеждена, привлечет массу зарубежных зрителей (но привлечет ли советских?), а Михалков — что-то с Мерил Стрип... Конечно, я их понимаю как художников, кроме того, им хочется поработать в нормальных условиях, как работают режиссеры во всем мире. Но не этого мы от них ждали! Мы-то надеялись — они вновь дерзнут, вновь возглавят! Они же возглавили борьбу за завоевание места на мировом кинопрокатном рынке...

— Я не осуждаю стремления действительно достойных художников сотрудничать с другими странами. Одно дело, когда прежде кандидатуры для такого сотрудничества назначались, выбирались по принципам компанейщины, и совсем другое — когда совместно с зарубежными партнерами работают такие мастера, как Никита Михалков, Отар Иоселиани, Резо Чхеидзе,— я мог бы назвать вам еще 10—15 режиссеров, за которых я был бы рад, если бы их талант стал достоянием не только нашей страны. Вопрос — как сохранить в условиях диктатуры коммерции соединение с родной землей. Потому что есть, на мой взгляд, закон неразрывности таланта с национальной почвой. Талант всемирен, мне кажется, если корни его глубоко национальны. К примеру, Габриэль Гарсиа Маркес, Федерико Феллини. Если наша талантливая режиссура в совместном производстве будет делать свое, незаимствованное, она будет успешно продвигаться на мировой рынок, оставаясь национальной. А если говорить конкретно о Панфилове, то идея создания «Матери» очень давняя, насколько известно мне. Я работал с ним как актер в 1975 году над фильмом «Прошу слова», и это была самая радостная, пожалуй, из моих встреч с кинорежиссурой. Так вот, «Мать» была задумана еще тогда, и, наверное, надо говорить не о том, почему он сейчас взялся за «Мать» совместно с итальянцами, а почему ему пятнадцать лет назад запретили снимать фильм о Жанне д'Арк, который был мечтой его жизни. Может, это была бы действительно великая картина... Возможно, и Н. Михалков с большей готовностью приступил бы к фильму о Грибоедове, сценарий которого не первый год лежит у него в столе из-за отсутствия средств на производство этого фильма.

— Ну, сейчас, думается, никто не помешал бы Панфилову снимать о Жанне д'Арк...

— Лаборатория Панфилова — это его душа. Чужая душа — потемки. Прошло время, изменилась ситуация в душе, в стране. Но, продолжая вашу тему упрека некоторым художникам в отходе от судьбы народа, скажу так: во всяком замысле, идее всегда есть нечто такое, чего никто и даже сам автор не поймет до тех пор, пока идея не будет окончательно воплощена на экране. Я уверен, что ни теперь, ни в будущем нельзя будет упрекнуть Панфилова и Михалкова в отходе от судьбы народа, потому что фильмы, ими сделанные, свидетельствуют, что размышления о судьбе народа — главнейшее условие их существования как художников.

— Вы уже говорили о необходимости цеховой солидарности и сейчас, кажется, как раз демонстрируете именно ее. И все же в своем новом фильме «Запретная зона», который сейчас выходит на экраны, сами вы говорите о проблемах нашего общества, говорите жестко и честно. Причем отнюдь не опосредованно, вы рассматриваете их на нашем материале. Эта картина, думается, потребует определенного зрительского труда, и мне бы хотелось, чтобы вы, как автор сценария и режиссер, рассказали об этой своей работе.

— Эта картина — о разобщенности нашего общества, о мнимости единства. О том, с какого уровня социальной апатии мы сделали прыжок к планке перестройки. О разобщенности во всех средах, во всех социальных прослойках. О том, что сострадание и доброжелательность, испокон веков свойственные нашему народу, ушли в песок. Хотя сострадание, может быть, непременный закон человеческой жизни. Во время чернобыльской трагедии, когда люди уступали свои жилища, дарили полдома или дом пострадавшим, наша пресса ликовала от этих подвигов. А ведь это не должно расцениваться как нечто исключительное. Сострадание, доброжелательство, взаимовыручка — это должно быть так естественно в нашем обществе. Картина и об этом. Меня это тревожит. Потому что, когда между людьми возникает трещина, она грозит превратиться в пропасть, чреватую социальными взрывами. Народ терпелив, очень. Но если его десятилетиями кормить словами, он все равно не будет их принимать за сахар. Слова уже изрядно надоели. Сейчас, после первого этапа перестройки, надо накормить, одеть, дать духовную пищу. Обеспечить способность каждого встать на том или ином человеческом форуме, на собрании и безбоязненно размышлять вслух.

Добровольно отрекаясь от елейной лжи и психологических взяток обществу в виде комплиментов его коллективизму и духовности, мы стараемся следовать в фильме правде жизни, которая десятилетиями пребывала в запретной зоне, в идеологическом сейфе. Один из героев картины обращается с вопросом: «А кто сейчас помнит, как все замышлялось в 17-м году?» Я считаю, что нынешняя перестройка — действительно наш последний и решительный бой, и выиграть его поможет наше мужество, решимость оглянуться, прийти к живому Ленину.

Фильм для меня лично подводит черту под эпохой застоя, когда, сталкиваясь с несправедливостью, чванством, корыстью отдельных лиц и целых государственных подразделений, мы позволяли себе оставаться так называемыми образцовыми гражданами, то есть всегда послушными новому помыканию. Забывая, что дисциплина и холопское соглашательство — разные вещи.

Застой — расплата за иллюзию совместимости желаемого и действительного, которая приводит общество к нравственной апатии, способной оправдать любой произвол.

Но вернусь к Ленину. Не принимая в своих же соратниках те или иные черты характеров, их действия и частные поступки, он ценил их за точку зрения, старался понять их. Мы же за многие годы потеряли вкус к полемике, к разнообразию мнений. Еще долго нам придется привыкать, что партнер говорит не то, что хотелось бы услышать...

...Обновление... О процессах, которые происходили и происходят в нашем обществе, говорить насущно необходимо. Обнадеживает, что сейчас родилось достаточное количество молодой кинорежиссуры. Это, в частности, ленинградская школа, которая, на мой взгляд, лидирует у нас вместе с грузинской.

Хотелось бы поговорить еще вот о чем. Очень важна способность каждого народа к самоиронии. Грузинское кино процветает на протяжении многих десятилетий в огромной степени благодаря именно самоиронии, при том достоинстве, которое всегда присутствует в нем. Там есть еще и сознание себя в вечности. Когда человек способен увидеть себя со стороны, способен в чем-то усомниться и через это сомнение прийти к убеждению. А как только иронические интонации проявляются у русского кинематографиста, его сразу обвиняют в том, что это насмешка над Россией. А ведь традиции самоосмеяния, самоиронии (Гоголь, Салтыков-Щедрин, Сухово-Кобылин) всегда работали очищающе.

— Мне кажется очень показательным, что вы заговорили об ироническом отношении к себе. Утрата ощущения самоиронии — одна из серьезнейших проблем нашего искусства, и идет это от жизни. Мы все сделались невероятно важными, серьезными. Сомнение еще недавно было синонимом безыдейности, и инерция этого отношения сохраняется, кажется, по сей день.

— Мне это ощущение собственной исключительности кажется очень опасным. Исключительность, осознанная как норма, приводит к таким страшным явлениям, как сталинизм. Позволяет диктовать, оценивая себя как единственно верное, как истину в последней инстанции. А жизнь показывает, как важно постоянно подвергать все сомнению... Не для того, чтобы разрушать, а для того, чтобы строить.

— Продолжая тему этой нашей безумной серьезности. Сейчас в печати широко обсуждалась проблема отсутствия у нас развлекательного кинематографа, который, как представляется многим, совершенно необходим. У людей должна быть возможность просто отдохнуть, отвлечься, пусть порой и бездумно...

— Я против бездумности. Можно ли считать чаплинские фильмы развлекательными? Наверное. Но ведь у Чаплина в каждом небольшом этюде, зарисовке все-таки есть моменты каких-то социальных столкновений героев с обществом. Перед такой развлекательностью я преклоняюсь. Прелестные комедии Рязанова, гротеск Г. Шенгелая в равной степени и развлекательны, и полны глубоких размышлений. А бездумно развлекаться... Я этого не понимаю.

— А вам не кажется, что наша жизнь достаточно полна проблем, и психика порой требует естественной разрядки от всяких размышлений, самого простого отвлечения?

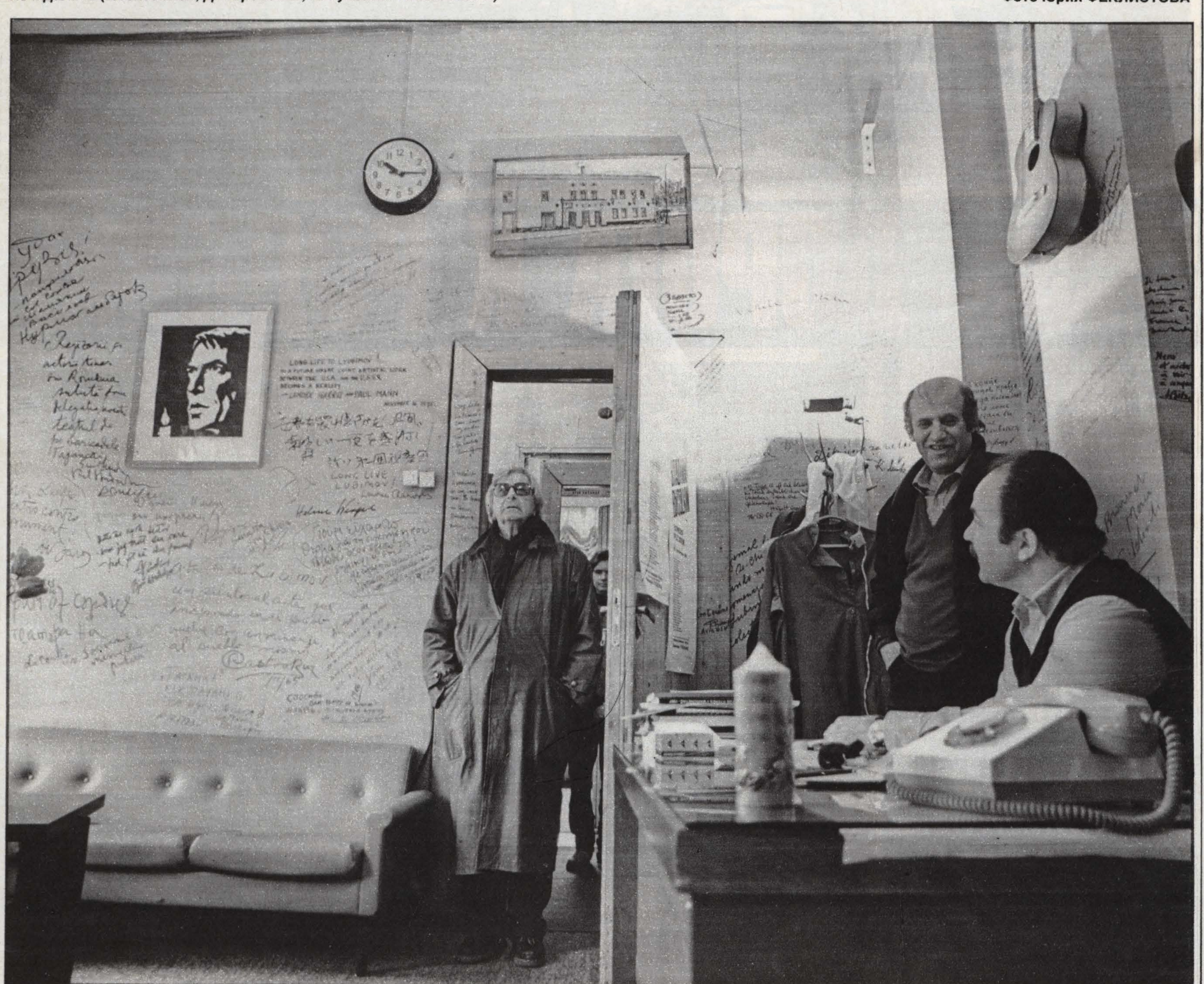
— После допинга бездумности и пустой развлекательности все равно придется вернуться к реальности. Вот, скажем, Хазанов, Жванецкий — развлекательны? Да. И тем не менее в их лучших работах всегда есть «ради чего и против чего». А ради простого отвлечения?.. Конечно, развлекательность лучше, чем водка. Последствия ее не столь губительны. Но цели — те же: забыться, уйти от действительности. Возможно, я не прав, но эти цели не имеют отношения к искусству. Для этого есть медицина с психотропными средствами, индустрия досуга и прочее.

— А вам самому не хотелось бы снять нечто типа вестерна? Разумеется, не бездумного?

— Отечественные попытки приблизиться к американским вестернам — чушь собачья. То же самое, если бы американцы попытались приблизиться к русской народной сказке с непременным Иванушкой-дурачком. Американский вестерн — национальный жанр. Когда это делают немцы или японцы — это уже не вестерн, а совсем иное. У нас же достаточно своих национальных жанров, и их нужно спокойно развивать. Я не националист, но думаю, что каждый художник должен стремиться к самовыражению посредством того, что присуще его культуре. А плодить американизированную продукцию, чтобы подняться до уровня развлекательного шоу-бизнеса, мне кажется, неплодотворно. Впрочем, у каждого свое мнение на этот счет.

Но мне лично сейчас важнее другое. Я хочу, чтобы то, чему мы являемся свидетелями, не кануло в Лету. Чтобы каждый понял, что если не все, то многое зависит от него, от каждого из нас. Понял ту угрозу, которая назрела в нашем обществе,— угрозу гибели одинаковой свободы для всех делать все, что в пределах закона. Закона равноправия. Чтобы каждый научился любить свою страну с открытыми глазами. И в той несостоятельности, которая обнаруживается к сегодняшнему дню, и в предпосылках здорового понимания необходимости перестройки. И если мы осознаем, что в чем-то оказались несостоятельны как человеческая общность, если поймем, что признание ошибок — одно из движущих духовных рычагов, если не будем самообольщаться достижениями, я надеюсь, мы сможем преодолеть наши трудности. И, главное, не надо думать, что после XIX партконференции мы сразу станем совершенным обществом. Мы много наломали дров за последние десятилетия, и надо понять, помнить, что это сделали мы. Мы — каждый из нас. И думать о том, как в рамках своей профессии, своих способностей улучшить состояние нашего общества.

Не ждали?.. (Ю. Любимов, Д. Боровский, Н. Губенко. 10 мая 1988 г.) **Фото Юрия ФЕКЛИСТОВА**







Вот сел писать о творчестве семидесятилетнего фотокорреспондента, а самого одолевает неуверенность: сумею ли в слове передать свое отношение к человеку незаурядному, чьим соавтором имею честь быть на протяжении трех десятков лет? Писать о фотоработах Бориса Кузьмина все равно что взяться за предисловие к сборнику стихов поэта, к которому относишься предвзято хорошо. Тут любые эпитеты как бы заранее неточны, только отвлекают от «картинок». Нельзя пересказать своими словами песню.

Когда в редакции произносят имя Бориса Кузьмина, все знают: речь пойдет о прекрасном. Борис Иванович по призванию художник. А меня все преследует чувство осознанной неспособности охватить явление полностью. О Борисе Кузьмине упоминают в очерках и рассказах прозаики, которым случалось быть вместе с ним в дорогах. Ему посвящали стихи поэты, которые не могли не почувствовать в фотокорреспонденте родственную душу. Я встречал имя Бориса Кузьмина и у Константина Буковского, и у Георгия Радова, и у Владимира Солоухина, и у Павла Кравченко. К нему обращались «в рифму» Ольга Фокина и Виктор Каратаев, с ним дружны художники Костромы и Вологды, его любил самобытный скульптор Михаил Чиликов. Светополе воздействия Бориса Кузьмина на людей творческих весьма постоянно.

Профессия фотографа в наше вре-

Борис Кузьмин: ДОРОГА К РОДНИКУ





Театральная поляна: «Ваш выход, принцесса!»

...И все так хотят, чтобы лето не кончалось.

Родная, вполне русская картина: утро туманное в Берендеевом царстве, перекличка птиц и грибников, чувство родства с Родиной.



мя очень распространена, снимают сотни тысяч людей, немало и таких, кто кормится фотографией, и она, представьте себе, кормит. Но равнодушие «щелкающих» меня удручает. Технику не спрячешь, нельзя скрыть того, что фокусное расстояние у иного обладателя аппаратуры любой валютной стоимости равно «полтиннику»...

А фотоработы Бориса Кузьмина суть родниковые ключи. Я, побывавший в сотне командировок с Б. И. Кузьминым, никогда не видел, чтобы он, как парикмахер, вертел головой «клиента», чтобы он сгонял комбайны «уступчиком» под самые винты вертолета... Борис Кузьмин не из «постановщиков». Он не заставляет своего героя часами тужиться в неестественной позе и разглядывать — эка невидаль — горсть зерна. Или — кусок рашпиля, словно это лунный камень, свалившийся в цех... Борис Иванович обладает талантом расположить к себе не менее талантливого человека. Срабатывает естественное чувство взаимного интереса: один пашет, другой вот фотографией увлечен. В момент творческого напряжения Борис Кузьмин теряет весомость: такое восприятие вполне реального события чудным образом и совершенно очевидно воздействует на пленку как дополнительная светосила!

Борис Иванович не любитель, не фотоотшельник, не фотоохотник; он ездит за темой, определенной в стенах редакции. Таков удел штатного фотокорреспондента. Сорок лет (среди них семь армейских) работает в печати. Не все выдерживают гонку профессиональной работы репортера, давления сиюминутных требований редактора... Не все. Борис Кузьмин отстоял свое творческое лицо, не поступился ни своим призванием, ни своим пониманием прекрасного, земного. В нем сохранился паренек, влюбленный в краски неба, земли, палитры. Тот самый, что так прилежно священнодействовал когда-то в знаменитой Федоскинской школе живописи. И я протестую, когда его на равных с начинающими бросают на «освещение» производственных побед. «В этом, быть может, секрет моей молодости»,— возражает Борис Иванович. Он не может не летать, не снимать, не выполнять даже самые неприхотливые задания. Не об этом ли пастернаковские стихи: «Опять Шопен не ищет выгод...»

«А еще бы фотографии сделать! Хочу просить Бориса Ивановича, он может...» Из письма Марии Сергеевны Шукшиной, мамы писателя. Он может. Какие его годы!

Николай БЫКОВ



ИЗ ИСТОРИИ СОВРЕМЕННОСТИ

Н. ШАФЕР

Взгляните на фотографию. Доброе, кроткое лицо больного, смертельно уставшего человека, который еще не успел прийти в себя после авторского концерта,— два с половиной часа он простоял за дирижерским пультом. В мягкой, грустной улыбке — как бы извинение за то, что его внешний вид не соответствует ходячей легенде о композиторе «несокрушимого оптимизма и юношеской свежести».

ПАРАДОКС ДУНАЕВСКОГО

Откровенно говоря, уже давно набили оскомину стандартные оценки, утратившие силу, но прочно прилипшие к Дунаевскому: «звонкий запевала», «любимец молодежи» и тому подобное — они до сих пор по инерции мелькают в некоторых статьях, увы, со ссылками на высказывания самого Дунаевского.

В 1979 году один очень хороший журналист вынужден был вернуть мне статью из популярного журнала, для которого она была предназначена. Показательно письмо этого журналиста, который попытался обосновать отказ редакции от публикации «неактуальной» статьи:

«Как ни грустно, но возвращаю вам вашего «Дунаевского». Грусть эта усугубляется сознанием того, что вряд ли ваша правда о далеко не опереточном, а о трагичном авторе самых мажорных советских песен увидит свет... Тем более, что в представлении людей — Дунаевский подобен своей музыке: жизнерадостен и удачлив. А люди очень трудно расстаются со своими представлениями, даже ложными. Их можно понять: в жизни каждого так много драм и всяких тягот, что нас невольно привлекают люди праздничные: мушкетеры, графы, аферисты...»

Новые времена породили величайший сдвиг в нашем мышлении. И тут неожиданно возникли иные тенденции в оценке Дунаевского. Лучащаяся в его песнях радость, воспевание гармоничности человека, упоенного созидательным трудом, рассматривается чуть ли не как увод в дебри бесконфликтности.

Но мне хочется процитировать здесь не опубликованное прежде письмо Дунаевского от 17 марта 1951 года (цитирую по оригиналу, хранящемуся у адресата — А. Л. Перской):

«...С каждым годом уходящей жизни приходится с огромной болью констатировать омерзительные свойства окружающих людей нашей сферы. Что-то недозволенное происходит! Такое, что не должно быть, не может вмещаться в рамки советского современного общества. Казалось бы, что новое, созидаемое с таким трудом, с таким громадным напряжением всех сил всего народа, должно к чертовой бабушке уничтожить все человеческие пакости, все мерзкое, что живет в нас, подтачивает буйные побеги этого нового. Но, увы, это не так! Казалось бы, что чувство локтя, общие стремления, общие задачи должны цементировать людей, сближать их! Но это не так! Казалось бы, что на благодатной почве наших дней всем есть почетная работа, всем есть дорога к счастью, к совершенствованию, к успеху. Но, увы! Это не так! Представьте себе, что на высотном здании работают два сварщика каркасов. Один работает лучше другого, и этот другой сбрасывает товарища с громадной высоты, и тот разбивается в лепешку. Нечто подобное, немыслимое среди сварщиков, наблюдается у нас, людей творчества. Зависть к чужому успеху, плохо скрываемая вражда, подставление ножек. И удивляешься: откуда все это? Ведь творчество — это не трамвай, где имеется определенное количество сидячих мест. Всем хватит работы и места».

Здесь необходимо прервать цитату... Много лет спустя Евтушенко, не знавший этих слов, напишет стихотворение «Трамвай поэзии», которое закончит так:

Я с теми,
кто вышел и строить и месть,—
не с теми,
кто вход запрещает.
Я с теми,
кто хочет в трамваи влезть,
когда их туда не пущают.
Жесток этот мир, как зимой Москва,
когда она вьюгой продута.
Трамваи — резиновы.
Есть места!
Откройте двери,
кондуктор!

Удивительная перекличка композитора и поэта! Но какие разные времена: то, о чем Дунаевский решил поведать лишь в частном письме, Евтушенко уже провозглашает открыто и громогласно!

Но вернемся к письму Дунаевского:

«Слава и популярность имеют свою обратную сторону. И самое страшное, что мерзость и подлость заметны лишь тогда, когда они свершают свое пакостное дело. Как рак в организме человека! И как странно и страшно, что это существует в нашем обществе.

Я не хочу расстраивать вас своими размышлениями. Я буду жить, пока живется, я буду творить, пока есть фантазия и силы, и я буду мыслить, пока мой мозг не иссохнет. Но... трудно, очень трудно! Я не могу вам о многом писать, но я надеюсь и жду, что с человеческой мерзостью поведется такая же борьба, как со злокачественной раковой опухолью. А пора!»

Что касается меня, то живой язык музыки Дунаевского, ее оптимизм и смысл я сверяю по М. А. Булгакову. И нет для меня более верного «камертона», потому что писатель ненавидел фальшь и приспособленчество и распознавал его в любых видах. Музыку Дунаевского Булгаков воспринимал не как «придворную», а как отражение внутреннего романтического мира композитора. «Получил ваше милое письмо, дорогой Исаак Осипович! Оно дает бодрость и надежду... От всей души желаю вам вдохновения. К этому пожеланию полностью присоединяется Елена Сергеевна. Мы толкуем о вас часто, дружелюбно и очень, очень веруем».

«Очень, очень веруем!» Вдумаемся в эти слова. Они были написаны в январе 1939 года, когда Дунаевский был уже автором своих самых «солнечных» песен, созданных в период сталинских репрессий,— и писатель **верил** композитору...

Ну а сам Дунаевский? Да нет, не просто «милое» письмо прислал он Булгакову, а эмоциональное и страстное, написанное от всего своего горячего и восторженного сердца:

«Дорогой Михаил Афанасьевич! Считаю первый акт нашей оперы с текстуальной и драматургической сторон шедевром. Надо и мне теперь подтягиваться к вам... Друг мой дорогой и талантливый! Ни секунды не думайте обо мне иначе, как о человеке, беспредельно любящем свое будущее детище. Я уже вам говорил, что мне шутить в мои 39 лет поздновато. Скидок себе не допускаю, а потому товар хочу показать высокого класса. Имею я право на длительную подготовку «станка»? Мне кажется, что да. Засим я прошу передать мой самый сердечный и низкий поклон Елене Сергеевне, симпатии которой я никогда не посмею нарушить творческим хамством в отношении вас. Крепко жму вашу руку и желаю действовать и дальше, как в I картине. Я ее много раз читал среди друзей.

Фурор! Знай наших!

Ваш И. Дунаевский».

«Знай наших!» Автор «Марша веселых ребят», «Песни о Родине» и «Марша энтузиастов» ни в малейшей степени не сомневается, что гонимый автор «Белой гвардии» (о «Мастере и Маргарите» Дунаевский, вероятно, не знал) — наш. Нужны ли еще другие доказательства для опровержения ходячего тезиса о сугубо «официальном» мышлении Дунаевского?

Переписка между Булгаковым и Дунаевским возникла в период их совместной работы над оперой «Рашель» (по рассказу Мопассана «Мадмуазель Фифи»). Горько сознавать, что их творческий замысел не осуществился.

...Сталин и Дунаевский. Эту тему пока не затрагивали, да и я не смогу поднять ее в пределах статьи. Позволю себе коснуться лишь одного аспекта.

Общеизвестно, что Сталину нравилась музыка Дунаевского (в особенности мелодии из «Волги-Волги»), но самого композитора он недолюбливал. Во-первых, его раздражала популярность Дунаевского, а во-вторых, он затаил обиду на композитора, чья маловыразительная «Песня о Сталине» («От края до края, по горным вершинам») носила явно вымученный характер и никак не могла сравниться с вдохновенной «Песней о Родине».

Среди музыкантов бытует история о том, как Сталин впервые слушал на патефоне «Песню о Сталине» Дунаевского. Кто-то из приближенных, предваряя прослушивание, якобы патетически воскликнул, что вот, дескать, наш знаменитый композитор «приложил весь свой замечательный талант, чтобы создать достойную песню о товарище Сталине...». Сталин, попыхивая трубкой, молча слушал пластинку. Затем сказал:

— Да... Товарищ Дунаевский действительно приложил весь свой замечательный талант, чтобы эт-ту песню о товарище Сталине никто не пел!

Тем не менее песню пытались утвердить в быту. Людям внушалось, что «Песня о Сталине» аккумулирует в себе лучшие черты творчества Дунаевского, что она — едва ли не высшее его достижение. Организовывались слушательские отклики. Передо мной газета «Советское искусство» за 26 июня 1938 года. Колхозница среди любимых песен Дунаевского называет «Каховку» и «Сердце, как хорошо на свете жить», но свое выступление начинает так: «Люблю я слушать песни Дунаевского! Особенно нравится мне «Песня о Сталине».

Но не зря говорят, что насильно мил не будешь. Различные хоры охотней всего исполняли другие новейшие песни о Сталине: «На дубу зеленом» В. Захарова (стихи М. Исаковского), «Взмыл орлом от гор высоких» Л. Ревуцкого (стихи М. Рыльского), «На просторах Родины чудесной» М. Блантера (стихи А. Суркова)... Наконец появилась «Кантата о Сталине» А. В. Александрова, и песня Дунаевского, написанная ранее на те же самые слова, была мгновенно забыта.

Но я бы погрешил против истины, если бы стал в угоду времени доказывать, что Дунаевский не испытывал к Сталину симпатии, что его из-под палки заставляли воспевать «отца народов», а он этого не хотел и т. п. Нет! Все гораздо сложнее. В книге избранных писем Дунаевского опубликовано его письмо к Р. П. Рыськиной от 23 декабря 1949 года. Но в нем произведены

купюры, и одну из них необходимо восстановить:

«Москва отпраздновала 70-летие И. В. Сталина. Мне, как творцу, надлежит видеть в событиях окружающей жизни ту романтику, которую, может быть, не все ощущают. Но не надо здесь никаких романтических взглядов, чтобы сказать, что Сталин является величайшим человеком не только нашей эпохи. В истории человеческого общества мы не найдем подобных примеров величия и грандиозности личности, широты, популярности, уважения и любви. Мы должны гордиться, что являемся его современниками и пусть крохотными сотрудниками в его деятельности. Как часто мы (особенно молодежь) забываем, что одним воздухом дышит с нами, под одним с нами небом живет Сталин. Как часто у нас кричат: «Дорогой, любимый Сталин», а потом уходят в свои дела и пакостят на работе, в жизни, в отношениях к людям, друзьям, товарищам. Сосуществование со Сталиным требует от его современников безграничной чистоты и преданности, веры и воли, нравственного и общественного подвига. Сама жизнь Сталина является примером такого подвига во имя лучшей жизни на всей земле».

Если бы эти слова были частью какой-либо статьи, их не стоило бы приводить. Но они — из частного письма, не предназначенного для печати. Значит, каждое слово этого письма — искреннее. Вместе с тем поражаешься: вот что такое культ «в его первичном, религиозном значении», как писал Эренбург. «Наивная и страстная душа», Дунаевский полагал, что цинизм и безнравственность существуют в нашем обществе не благодаря Сталину, а вопреки ему. Можно ли это поставить ему в вину? Тот же Эренбург в своих мемуарах пишет:

«Мы думали (вероятно, потому, что нам хотелось так думать), что Сталин не знает о бессмысленной расправе с коммунистами, с советской интеллигенцией.

Всеволод Эмильевич говорил: «От Сталина скрывают...»

Ночью, гуляя с Чукой, я встретил в Лаврушинском переулке Пастернака; он размахивал руками среди сугробов: «Вот если бы кто-нибудь рассказал про все Сталину!..»

Но что же мешало Дунаевскому сочинить полноценную песню о Сталине, если он так боготворил его? Мы знаем, что подобные попытки он предпринимал и в 40-е, и в 50-е годы... Вот в этом и парадокс. То подсознательное, что таилось в его романтическом мире, предостерегало от творческой фальши. Он не мог фальшивить в музыке.

Трагедия Дунаевского в том, что лучшие его песни становились как бы ширмой для прикрытия беззаконий, творившихся в стране. Гениальная «Песня о Родине», ни в чем не повинная, аккомпанировала сталинским залпам, поражавшим маршалов и писателей, рабочих и интеллигентов.

«В эти самые годы особенно пышно расцветали парки культуры, особенно часто запускались фейерверки, особенно много строилось каруселей, аттракционов и танцплощадок. И никогда в стране столько не танцевали и не пели, как в те годы. И никогда витрины не были так прекрасны, а цены так тверды, а заработки так легки.

Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек,— пели пионеры, отправляясь в походы...»

Право на подобный комментарий Юрий Домбровский выстрадал своей судьбой и жизнью. К тому же, мне кажется, в его словах нет сарказма, скорей всего — грустная горечь. Сарказм я почувствовал совсем недавно в словах В. Астафьева («Литературная газета», 9 декабря 1987 г.), назвавшего песню Дунаевского «ежеутренней молитвой, исполняемой по радио Марком Осиповичем Рейзеном» (во второй половине 30-х годов песню действительно передавали каждое утро). С точки зрения писателя, эта «молитва» звучала кощунственно на фоне бараков спецпереселенцев, «высылок, перемещений, всеобщих колотух во имя светлого будущего». И все же, я думаю, гораздо объективнее и шире взглянул на положение вещей Расул Гамзатов («Огонек», 1987 г., № 41). Он сказал: «Сейчас нужен культ человека. Не культ должности, а культ человека. Даже в 1937 году мы пели: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек».

Так ли уж трудно понять, что Дунаевский провозглашал не культ Сталина, а культ Родины? «Золотыми буквами мы пишем всенародный сталинский закон». Этих строк не было в кинофильме «Цирк», где песня прозвучала впервые. Это уж потом, вдохновленный «сталинской конституцией», Василий Иванович Лебедев-Кумач добавил текст, на который Дунаевский музыку не писал...

Несмотря на славу и популярность, сам-то композитор дышал не очень вольно. Например, за рубеж его не пускали. Один раз выпустили на короткое время в Чехословакию — там снимался фильм «Весна», к которому он писал музыку. И больше — никуда. Однажды было дали разрешение на поездку в Берлин на фестиваль молодежи — он уже и чемоданы упаковал. В последнюю минуту отказали... К концу жизни Дунаевскому невыразимо тяжело было сознавать, что его активность постоянно пресекалась, что он долгие годы находился в положении художника, которого никуда «не пущали».

Теперь мало кто помнит, что на том позорном ждановском совещании, где поносили Прокофьева, Шостаковича, Мясковского, Хачатуряна, порядком досталось и Дунаевскому. О «Вольном ветре», вершине советской опереточной классики, было сказано, что в нем «глáза и слуха советского человека не чувствуется», а видна попытка «втиснуть чувства и мысли нашего современника в чужие, западные сюжетные схемы». Я сознательно не называю имя композитора, сказавшего эту нелепость, потому что впоследствии он стыдился своих слов, а после смерти Дунаевского немало сделал хорошего для популяризации его творчества. Но на том совещании Дунаевский, в сущности, был обвинен в космополитизме — самом тяжком грехе конца 40-х годов. К счастью, эти слова были сбалансированы репликой Тихона Хренникова: «Я говорю о блестящих представителях нашего песенного жанра, о первом композиторе, который приблизил советскую музыку к народу, я говорю об Исааке Дунаевском...» — и оргвыводов не последовало.

Впрочем, то, что Дунаевский «приблизил советскую музыку к народу», сейчас кое-кем уже оспаривается. Мало того, внушается мысль, что его песни были «опиумом» для народа. Делается это, конечно, не всегда впрямую. Допустим, начинают рассуждать о «крикливом» искусстве 30-х годов — и в качестве примера приводят «Марш энтузиастов» без ссылки на автора. Говорят о «лакировке», об «одурманивающем» характере массовых песен, об «отупляющем» воздействии маршей и т. д.

«...Кто-то страдал, а кто-то и действовал (ведь спасли же в конце концов Триумфальную арку!), но это — в стороне от потока, от грома аплодисментов, рева труб, грохота барабанов и торжествующего звона песен: «Нам ли стоять на месте, в своих дерзаниях всегда мы правы...» (Б. Васильев).

Заметили ли вы, что на «Марш энтузиастов» ополчаются обычно литераторы, а не музыканты? Это не трудно объяснить. Литераторы привыкли иметь дело со словом. И хотя они пишут о «реве труб» и «грохоте барабанов», их раздражает прежде всего текст, сквозь призму которого они воспринимают музыку. Музыканты же восхищаются художественным совершенством музыки — ее возвышенными ораторскими интонациями, мелодической распевностью в сочетании с упругим ритмом, ее полифоничностью.

Однако, как ни странно, нашлись редакторы, которые решили, что стихи Д'Актиля недостаточно бодры. Их не устраивала строка «Мечта прекрасная, еще неясная, уже зовет тебя вперед». Мечта неясная? Безыдейщина! Нам все ясно, и нам нет преград. Певцов заставляли петь без рифмы: «Мечта прекрасная, мечта крылатая». Или: «Мечта прекрасная, как солнце, ясная».

Но Дунаевский воспевал мечту неясную. Он воспевал не то, что видел, а то, что представлял в своих мечтах. Романтик, он страдал от несоответствия идеала действительности. Вот фрагмент его неопубликованного письма от 22 июня 1951 года к Людмиле Головиной-Райнль (поводом для письма послужило постановление о лишении композитора Г. Л. Жуковского Сталинской премии):

«Все труднее и труднее становится работа на творческом поприще. И не потому плохо, что трудно. Не потому плохо, что вырастают все новые и новые задачи, требующие своего осуществления и творческого выражения. Нет!

Плохо и мучительно невыносимо то, что никто не знает, какая дорога правильна, что все запутались, боятся, перестраховываются, подличают, провоцируют, подсиживают, меняют каждый день свои убеждения, колотят себя в грудь, сознаваясь в совершенных и несовершенных ошибках.

Страшно и невыносимо то, что творческая неудача рассматривается как некое преступление. Разве это критика, по поводу которой нас учат, что к ней надо относиться спокойно и умно? Можно ли относиться спокойно к такой критике, когда тебя прибивают к позорному столбу за творческую неудачу, отнимают Сталинскую премию? Ведь Жуковский, автор оперы «От всего сердца», не воровал премии, ему ее дали 70 человек Комитета, в котором сидят уважаемые люди всех родов искусства! Значит, они, эти уважаемые люди, должны были сказать: «Это мы виноваты! Мы не доглядели!» А они преспокойно собрались, вытерли презрительный плевок и решили обратиться в правительство с просьбой отнять у Жуковского премию?! Ни у кого не поднялся язык, чтобы быть честным, чтобы избавить от позора композитора, который виноват только в том, что написал оперу, не понравившуюся в высших сферах. Что же это такое? Как можно жить и творить? Уже аналогичный этому факт стоил жизни историку Гусейнову, который получил Сталинскую премию за исторический труд по Кавказу. Оказалось, что он ошибочно описал значение Шамиля, представив его в положительном свете, в то время как надо было представить его в отрицательном свете. Хорошо! Это крупная ошибка! Но ведь кто-то, многие, целый комитет по науке читал эту работу, оценивая ее как выдающуюся. Правительство подписало и выдало автору премию. И вдруг... Это "вдруг" привело к тому, что человек повесился, отвергнутый всеми, в собственном саду.

В прежние времена люди гибли за идеи, за свою борьбу против мракобесия и несправедливости. Но то была борьба с чем-то! И это "что-то" защищалось, в свою очередь, било, разило, наказывало. Но сейчас? Разве советский художник, композитор, литератор, драматург хочет зла государству, строю? Разве Жуковский, написав оперу, думал провести антисоветский акт? За что же его опозорили? За бессонные творческие ночи? За желание быть творчески полезным народу?

Выходит, что творец лишается своего важнейшего права, без которого нет творчества: права на, пусть неудачный, но опыт, права на неудачу!

И это страшно! Страшно именно в наших условиях. Потому что прозвучавшее слово отрицательной критики является уже непререкаемым законом, открывающим столько гадкого и мутного словоговорения и пакости людской, против которой нет никакой защиты, кроме собственной совести».

Зависимость от официальных догм видна даже и в этом трагическом письме («Хорошо! Это крупная ошибка!»), но даже в самые трудные времена Дунаевский был верен своим творческим принципам, отвергал командные уставы в искусстве, боролся со стереотипом мышления.

Интересно то, что письмо писалось Дунаевским в то время, когда популярность веселого кинофильма «Кубанские казаки» с его музыкой достигла апогея. Сам композитор ставил свою работу выше «Волги-Волги». Не буду запоздало спорить с авторской самооценкой. Но мне уже приходилось писать, что зря многие критики отождествляют «Кубанских казаков» с лакировочным романом «Кавалер Золотой Звезды». Нельзя, по-моему, предъявлять к кинооперетте такие же суровые требования, как к «серьезному» произведению, написанному на общественную тему.

И все-таки есть какая-то высшая справедливость в том, что фильмы типа «Кубанских казаков» и сейчас переоцениваются с точки зрения современных нравственных понятий. Б. Окуджава в рассказе «Девушка моей мечты» рассказывает, как трофейный фильм с этим названием украшал быт послевоенного Тбилиси, помогал отрешиться от трудностей жизни... Вот так же помогали людям и «Кубанские казаки», причем с удесятеренной силой — ведь они были наши, родные...

Главное сейчас — быть мудрыми, не спешить предавать анафеме истинные произведения искусства. Музыкальная драматургия «Кубанских казаков» заслуживает тщательного изучения, сами же мелодии до сих пор не потеряли своей привлекательности и свежести — они не ушли из нашего духовного мира. И, надеюсь, не уйдут, и мы еще долго будем петь «Ой, цветет калина в поле у ручья...».

Мысль, что, воспевая мечту, он грешит перед правдой, преследовала Дунаевского долгие годы.

Он мечтал об опере, симфонии, скрипичном концерте... Но прежде всего хотел преобразовать массовую песню. Не отвергая «коллективизма чувств», Дунаевский пришел к выводу, что необходимо развить совершенно иной тип песни: «Хочется перейти от «мы» — к «я», но к такому «я», чтобы оно было как «мы».

В день своей смерти, 25 июля 1955 года, Дунаевский успел написать (но не отправить) письмо молодой женщине Л. Г. Вытчиковой: «Как же можно считать и думать, что в вашем возрасте может угаснуть интерес к жизни? Конечно, с годами меняются интересы и желания, но они всегда остаются. Они пропадают только у людей немощных, ни на что не способных, или у людей, придавленных жизнью. А разве может у человека, особенно молодого, исчезнуть то самое любопытство, которое и создает жадность к жизни? Нет, вы явно находитесь под впечатлением вашего душевного разочарования, и оно-то и окрашивает в мрачные тона ваши мысли и настроения...

И не завидуйте людям вашего возраста, которые на все легко смотрят. Учтите ваши ошибки, но только точно определите, в чем они. И, главное, не считайте ошибками самые обыкновенные стенки и препятствия, стоящие перед человеком на пути к душевному и физическому удовлетворению. Все закономерно!»

Уходя из жизни, Дунаевский возрождал к жизни другого человека...

Взгляните еще раз на фотографию. Снимок сделан за два месяца до самоубийства композитора и за девять месяцев до XX съезда партии. Он смотрит спокойно и доброжелательно. С отзывчивостью на чужую боль и с затаенной собственной болью. С доверчивой незащищенностью. И... с двумя Сталинными на лацкане пиджака...

ВОСЬМОЕ НАСТАВЛЕНИЕ: «ХУДОЖНИК, РИСУЙ!»

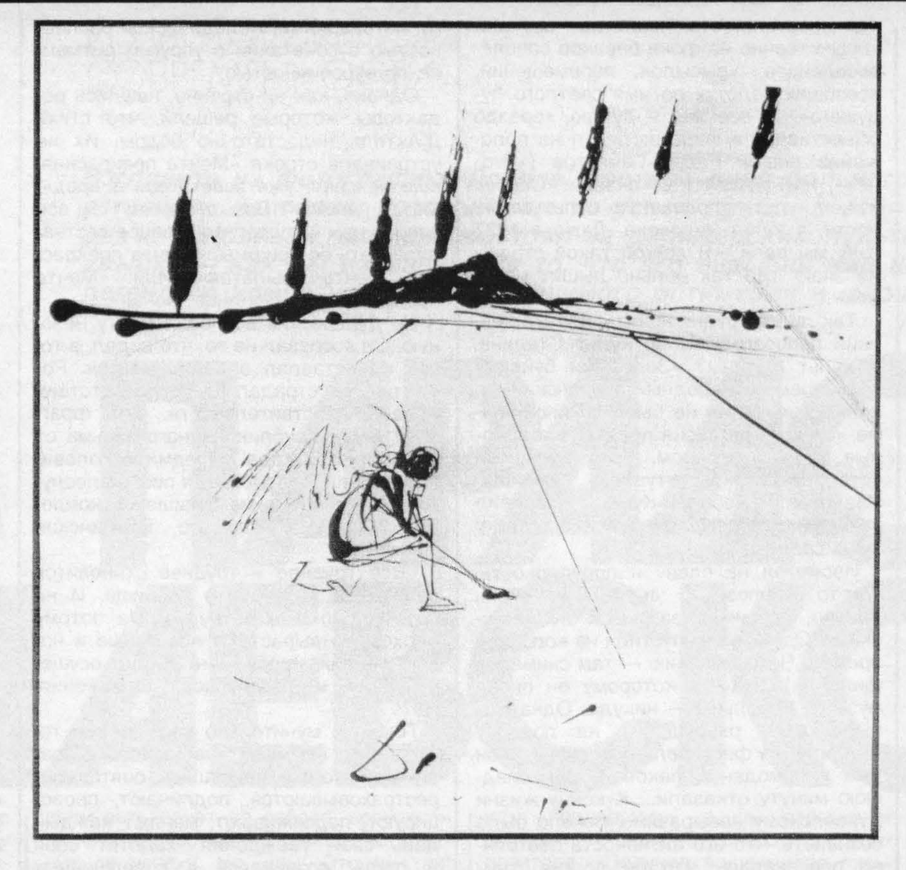
Начало на стр. 8.

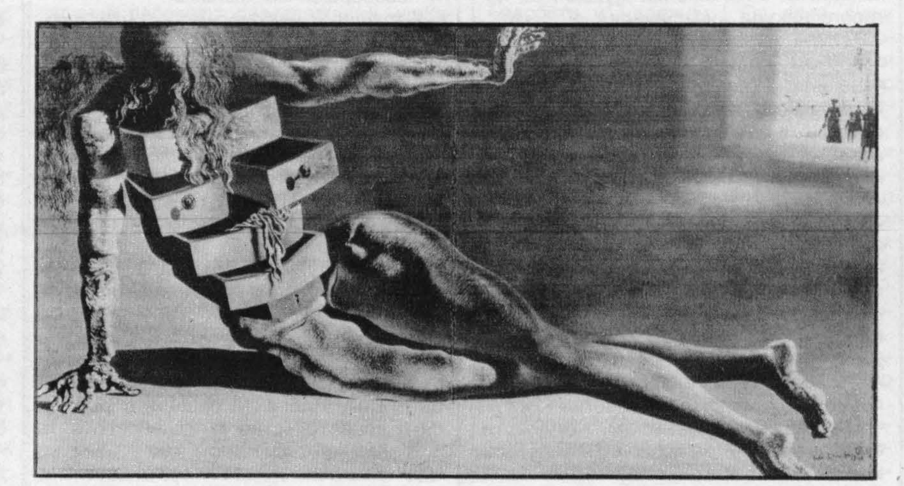
классического стиля. Он работал, на удивление, без устали. Работал, как средневековый подмастерье, ежедневно, без поблажек.

Отец прогнал Дали из дома за бунтарство. Студента исключили из Академии изящных искусств в Мадриде, он больше месяца провел в тюрьме за сочувствие к анархистам. В Париже Дали нашел свою стезю. С 1929 года, после выставки работ, художник обрел имя.

Дали прокламировал принцип чистого автоматического психологизма. Согласно учению Фрейда, которое Дали знал наизусть, художник следовал не формальной логике, а интуитивному прозрению, заходил за «реальность», которую считал «сознательной ирреальностью», то есть многовариантной, непознанной, загадочной, затюканной предрассудками. Дали понял и передал посредством искусства взаимозависимость мира. Опережая события, художник сотворил нам навязчивый образ мутанта среди голых пространств, освещенных равнодушным холодным солнцем. Мутанты — человекообразные, муравьи, пчелы, горящие жирафы, скелеты, «взбесившиеся» скрипки или часы — существуют среди миражей будущего. Время на картинах Дали растекается, как материя после атомной катастрофы. Логический анализ произведений Дали недостаточен, его искусство требует подключения подсознания. Тогда он потрясает.

Вторую мировую войну Дали провел в Соединенных Штатах. Здесь мэтр сюрреализма пользовался сногсшибательной славой. В 1947 году состоялась триумфальная выставка Дали в Музее современного искусства в Нью-Йорке. А на следующий год приходится поворотный замысел мастера: он задумывает картину «Мадонна порта Льигат», где в образе богоматери предстанет жена художника, Гала Дали (она была русская), с молитвенно сложенными руками. Эскиз произведения был послан в Ватикан. Ехидный критик заметил: «Дали упал в объятия папы». В 1950 году картина была завершена. Дали, как он сам сказал, обратился к стилю классицизма.





Некогда художник отрицал национальное в искусстве, как разгул буржуазного шовинизма. Поздний Дали — тогда мастер вернулся на родину — следует испанской традиции живописи. Духовная экзальтация, свойственная лучшим испанским художникам прошлого, переходит на полотна недавнего жителя Парижа и Нью-Йорка. Дали думал: «Рано или поздно произойдет мистическое слияние научных открытий в области ядерной физики с религиозной концепцией». Он до молекулы расчленяет видимый мир на своих картинах, но и тут же видит мир как целое, в чувственном и духовном состоянии, видит пустыню, море и горы, видит нездешний свет.

Дали говорил о своей принципиальной аполитичности. Всю жизнь он отстаивал свободу своего духа. Испанский фашизм он не принял, но и не воевал против него. От нацистов спасся в Штаты. У него есть шарж на Троцкого, сделанный в 1923 году, когда тот занимал самые высокие посты в Советской России.

Дали задал нам загадку: «Как вы хотите понять мои картины, когда я сам, который их создаю, их тоже не понимаю. Факт, что я в тот момент, когда пишу, не понимаю моих картин, не означает, что эти картины не имеют никакого смысла, напротив, их смысл настолько глубок, сложен, связан, непроизволен, что ускользает от простого логического анализа».

Буквально не надо воспринимать это броское заявление, то есть как бессмыслицу, в картинах надо понять эстетический код, увидеть возможности для познания безграничных интеллектуальных и чувственных богатств человека. Демократизируется у нас культурное сознание. Оно делается многослойным, как работы Сальвадора Дали. Пришли к народу Тарковский, Форман, Филонов, Гумилев, Шагал, придут Чаянов (как писатель), Флоренский, может быть, даже Розанов. Хорошо, что разрешили смотреть на работы Дали, говорить о нем всерьез, а не топтать ногами...

Разум сильнее носорога.



ДЕСЯТЬ НАСТАВЛЕНИЙ ТОМУ, КТО ХОЧЕТ СТАТЬ ХУДОЖНИКОМ

(Предваряющие книгу С. Дали «Пятьдесят магических тайн»)

1) Художник, лучше быть богатым, чем бедным; научись работать кистью так, чтобы из-под нее рождались золото и драгоценные камни.

2) Не бойся совершенства: тебе никогда не достичь его!

3) Перво-наперво научись писать и рисовать, как старые мастера. Потом ты сможешь писать так, как ты хочешь, все будут уважать тебя.

4) Не теряй глаз, руку, ни тем более голову, если ты станешь художником, они пригодятся тебе.

5) Если ты из тех, кто считает, что современное искусство превзошло искусство Вермера и Рафаэля, не берись за эту книгу и пребывай в блаженном идиотизме.

6) Не будь небрежен в живописи, иначе после твоей смерти живопись сама пренебрежет тобой.

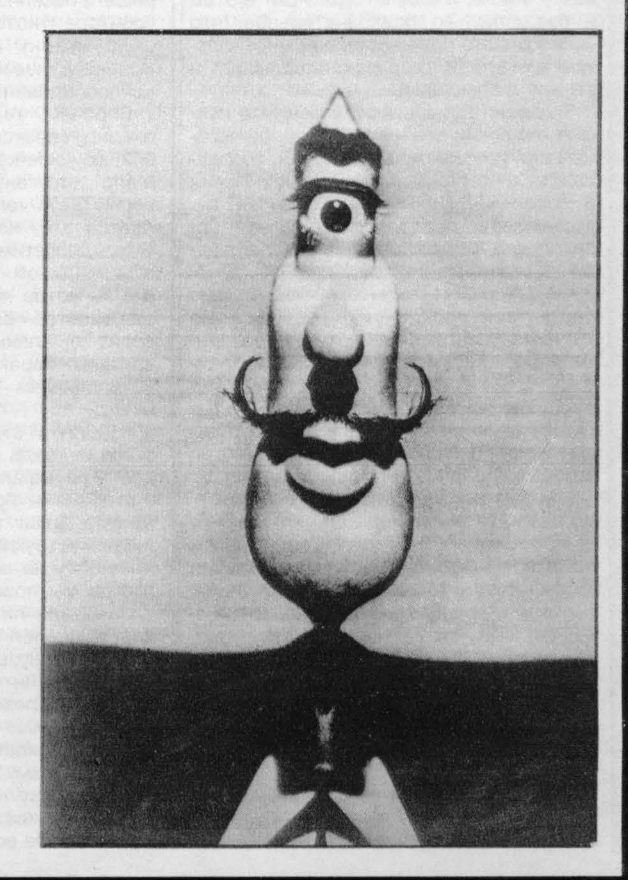
7) У лени шедевров нет!

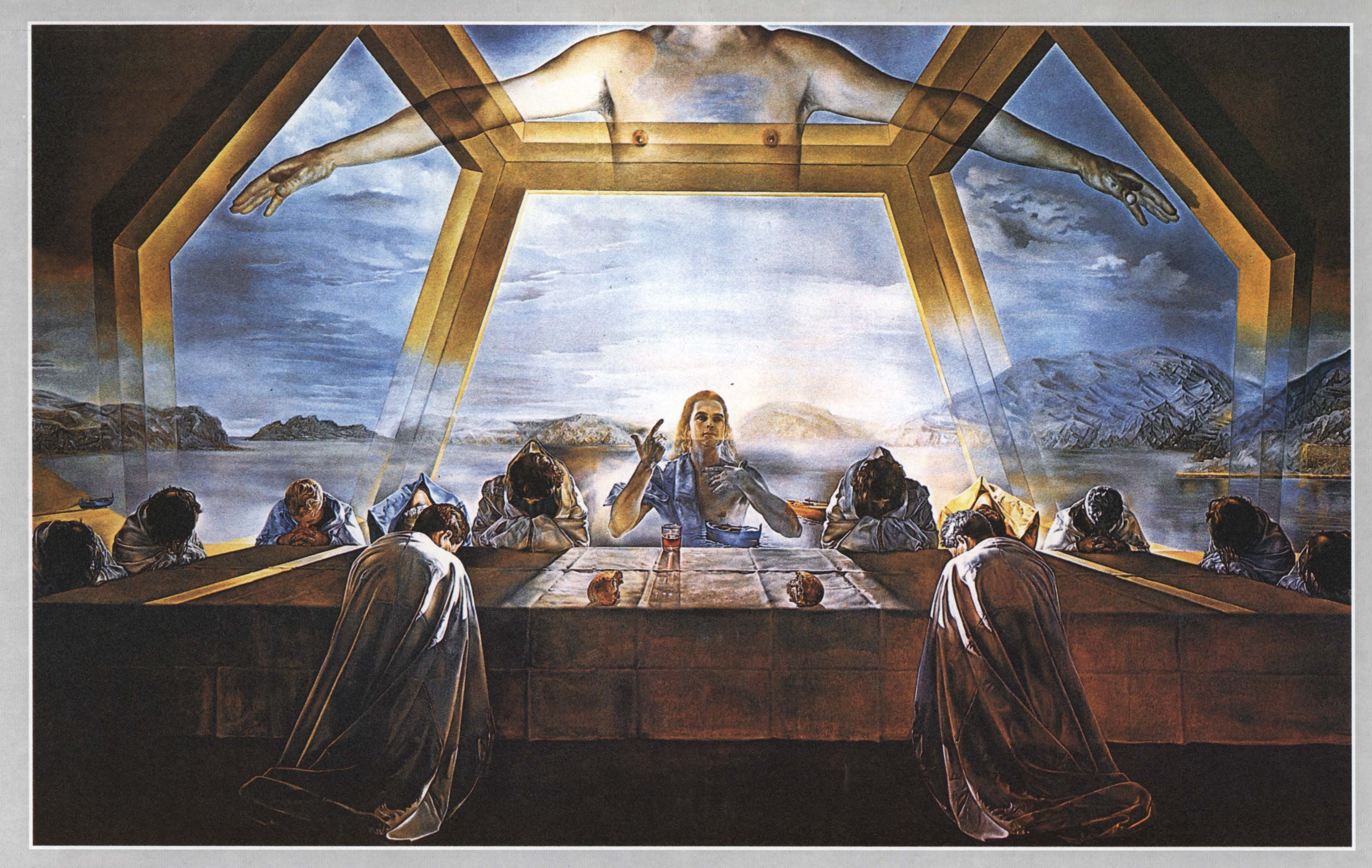
8) Художник, рисуй!

9) Художник, не пей спиртного и за всю свою жизнь не кури гашиш больше пяти раз.

10) Если живопись не полюбит тебя, вся твоя любовь к ней будет безрезультатна.

Перевод с французского И. ЯКИМЕНКО.





САЛЬВАДОР ДАЛИ.
ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ. 1955.



САЛЬВАДОР ДАЛИ.

АТОМНАЯ ЛЕДА. 1949.

АФГАНИСТАН: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ

Беседа корреспондента «Огонька» Артема БОРОВИКА с доктором философских наук, начальником кафедры марксизма-ленинизма Военной академии имени М. В. Фрунзе генерал-майором Кимом ЦАГОЛОВЫМ

Научные интересы Цаголова связаны с исследованием проблем современной социальной революции и ее защиты. В 1981—1984, 1987 годах он находился в Афганистане в качестве военного советника: награжден четырьмя орденами. Ким Цаголов хорошо разбирается в современной обстановке в Афганистане на разных уровнях, включая военно-политическое руководство, духовенство, а также вооруженную оппозицию, многих лидеров которой он знает лично. В этом смысле информация, которой он владеет, очень интересна.

Цаголова я не раз встречал в самых «жарких» районах Афганистана.

— Ким Македонович, если судить по большей части репортажей из Афганистана начала — середины 80-х годов, все там шло хорошо: афганцы молниеносно достигали военных побед, весело гуляли, сажали с нашими солдатами аллеи дружбы, розы и гвоздики. Словом, все складывалось прекрасно: набирал темп процесс укрепления революции, тем временем оппозиция терпела поражение за поражением. Банды, соревнуясь наперегонки, сдавались прямо в руки государственной власти и с невиданным энтузиазмом прозревших строили «новую жизнь». Национальное примирение шло вглубь и вширь. Этакое триумфальное шествие революции! Но ведь вы-то знали правду. Разве вам, как, впрочем, и большинству ветеранов Афганистана, не смешно, точнее, не больно было читать все это?

— Конечно, больно. У меня во многом иная точка зрения на «афганский вопрос». Война уже девять лет идет, а конца ей пока не видать, хотя вывод наших войск продолжается. Лишь совсем недавно мы решились сообщить народу реальные цифры потерь. Более 13 300 наших воинов погибло на афганской земле. По многим война прошла, оставив жестокие рубцы ранений и увечий. Их более 35 000 человек. Это наша всеобщая боль, наша трагедия. И 311 пропавших без вести — это тоже наша боль... О коалиционном правительстве пока больше разговоров: никто из представителей пешаварской «семерки», равно как никто из крупных лидеров внутренней вооруженной оппозиции, не откликнулся на призыв НДПА. Территория, на которой прочно и окончательно установлена государственная власть, за прошедшие годы почти не увеличилась. Нельзя назвать ни одну провинцию, ни один уезд, где бы вопрос «кто кого» был окончательно решен в пользу государственной власти. В племенной зоне тоже пока еще нет реальных успехов, позволяющих судить о том, что какое-то племя бесповоротно перешло на рельсы национального примирения.

— Ким Македонович! А была ли в Афганистане революция? Может, мы приняли за революцию типичный верхушечный переворот? Какова ваша оценка Саурских событий 1978 года?

— Если коротко сказать, то я убежден, что 27 апреля 1978 года в Афганистане произошел военный переворот, имевший потенциальные возможности перерасти в национально-демократическую революцию. К сожалению, этого не произошло.

— Прежде чем анализировать ситуацию в Афганистане после апреля 1978 гoда, необходимо ясно представлять, что апрельский переворот произошел в феодально-буржуазном обществе, опутанном мощными традиционными родоплеменными и религиозными пережитками. Ведь в конце 70-х годов мы убедили сами себя в том, что Афганистан «уверенно идет по пути строительства социализма». Какого социализма?! Этим там и не пахло. Мы стали жертвами своих же иллюзий.

— Верно. Для афганского общества традиционные отношения — это не реликтовое явление. Это мощно действующий социальный пласт. Точно так же и религиозные отношения. Афганское духовенство имело весьма прочные позиции в толще народных масс. Его влияние и сейчас огромно. Ведь не случайно, что именно крупное духовенство стало ядром будущей вооруженной оппозиции.

— Мне кажется, вопрос о духовенстве заслуживает особого внимания. Ведь эта большая социальная группа насчитывала к концу 70-х годов около 260 тысяч человек: настоятели крупных мечетей, преподаватели богословских факультетов учебных заведений, учителя в медресе, служители шариатских судов, кишлачные муллы и муллы в армии...

— Однако среди духовенства особый политический вес имели главы религиозных общин, сект, орденов (пиры, хазраты, шейхи). Они обладали непререкаемым авторитетом среди верующих, имели большое число своих последователей — мюридов. Духовенство в Афганистане не монолитно. Оно было расколото на традиционно консервативное крыло и многочисленные группы исламских модернистов. Весьма влиятельны были и исламские националисты, которые еще в 1966 году сгруппировались вокруг газеты «Афган меллят» («Афганская нация»), проповедовавшей воинствующий шовинизм на основе ислама. В среде консервативного духовенства была и крайне правая группировка, преследовавшая цель создания исламской республики. Она противостояла не только леводемократическим силам, но и режиму М. Дауда. Правоклерикальная группа, так и не приняв республику М. Дауда, эмигрировала в Пакистан и составила костяк будущей оппозиции.

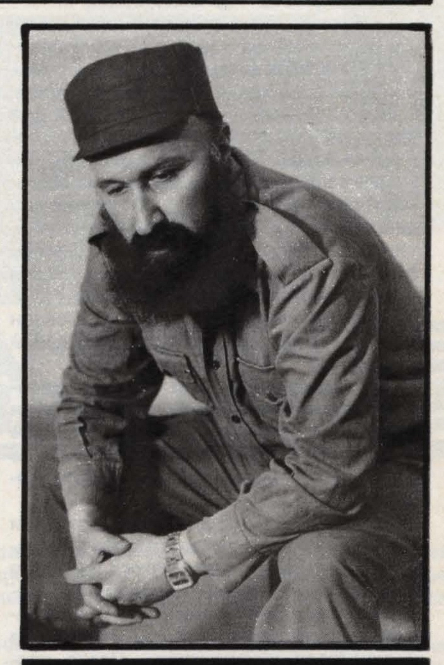
— Но ведь в том, что большая часть духовенства не приняла апрельских событий 1978 года, была вина и нового руководства Афганистана?

— Верно. Хотя Н. М. Тараки на пресс-конференции 9 мая 1978 года заявил, что новая власть на деле уважает принципы ислама и никому не препятствует отправлять религиозные обряды, на практике было допущено немало ошибок по отношению и к верхушке духовенства, и к рядовым служителям культа. Демагогическое «восстановление законности» Х. Амином, по существу, обернулось неоправданным террором. Ведь, чего греха таить, тогда немалая часть духовенства не видела в начавшихся социально-экономических преобразованиях ничего противоречащего исламу. Но спустя некоторое время, когда началось ущемление религиозных чувств верующих, среди многих правоверных проявился не только ропот, не только недовольство, но и открытый протест. Вот характерный пример. В ходе работы с бандой Абдула Хади у меня было с ним немало откровенных бесед, я пытался понять, почему он стал выступать против новой власти. Хади отвечал, что в его кишлаке поначалу горячо поддержали ее приход. Все ожидали справедливых перемен, молились за эти перемены. Но потом два члена партии, работавшие в их кишлаке, запретили совершать утренний намаз. Правоверные не послушались. Тогда партийные «активисты» завели в мечеть ишаков. Это было оскорблением искренних чувств верующих. Мужчины в знак протеста ушли в горы. Ушел и Хади. Вначале они промышляли грабежом. Чем дальше, тем больше. Потянулся кровавый след. Фактов неправильного отношения к религии немало. Это создавало условия для консолидации политической оппозиции с клерикальными силами, обеспечивало религиозный камуфляж оппозиции.

— Словом, вначале НДПА оказалась неготовой установить нормальные отношения с духовенством, а все последующие попытки исправить положение воспринимались верующими с явным недоверием. Массы видели в НДПА лишь партию «неверных».

— Да. А, во-вторых, руководители НДПА не учли, что авторитет религиозных деятелей был в сознании народа освящен и их активным участием в борьбе за национальную независимость, и их антимонархической, антидаудовской деятельностью. Нужна была определенная подготовительная работа, чтобы «отделить» прошлые заслуги духовенства перед народом от их настоящего. Без такой работы объявление новой властью 22 сентября 1978 года врагом номер один «Братьев-мусульман» и призыв к их уничтожению, «где бы они ни были», не могли, мягко говоря, способствовать росту популярности государственной власти. Репрессивные меры по отношению к видным исламским авторитетам, в частности к кланам Моджадиди, Ваззов, Кияни и другим, а также случаи расправы с некоторыми муллами на глазах у верующих решительно сыграли на руку оппозиции. Такие шаги имели своим результатом, с одной стороны, превращение в сознании народа этих служителей культа в «шахидов» — «мучеников за ислам», с другой — значительный отход широких слоев населения от власти, размывание ее социальной опоры и усиление массовой эмиграции людей в Пакистан и Иран. Если думать об упущенных возможностях, то нельзя не видеть, что НДПА не сумела сделать ислам своим союзником. Этим просчетом воспользовалась политическая оппозиция.

— Вам много приходилось контактировать с главарями вооруженных банд. Что они говорили о лидерах оппозиции, в частности о пешаварской «семерке»? И каково ваше мнение?



Место съемки обеих фотографий — Афганистан. Не так-то просто быть военным советником.



— Думаю, что афганская оппозиция не представляет собой единой, органически слитной общественной силы. Здесь, по крайней мере, надо различать три пласта. Во-первых, пешаварская «семерка». Она превратилась в обособленную силу еще до апреля 1978 года, при М. Дауде. Взять Гульбеддина Хекматьяра: сын землевладельца, учился в военном училище. Лидер реакционной группировки «Мусульманская молодежь». Организатор мятежа в 1976 году. После его провала бежал в Пакистан. Последовательно воинствующий сторонник установления в Афганистане исламского государства. Проповедует исламский шовинизм. Обратите внимание: в «Программе исламской партии Афганистана», которую он возглавляет, утверждается «джихад» — борьба за веру, провозглашается цель «освобо-

ждения» территорий, населенных мусульманами, и создание исламского халифата.

— Под стать ему и Бурхануддин Раббани, лидер организации «Исламское общество Афганистана».

— Верно. Он — помещик из Бадахшана, бывший доктор теологии Кабульского университета, исламский фундаменталист, активный сторонник «Братьев-мусульман». Решительно требовал прекращения советско-афганского сотрудничества. Сторонник создания исламского государства. Бежал из Афганистана еще в 1976 году. То же можно сказать и о Сайеде Ахмаде Гейлани, главе суфийского ордена — кадырийя. Монархист. Имел тесные контакты с французской фирмой «Пежо». Крупный землевладелец, торговец. Связан с организацией «Народно-трудовой союз».

— Не думаю, что мы увидим какие-либо принципиальные отличия, если будем говорить и о Абдуле Расуле Саяфе, Мухаммаде Наби, Мухаммаде Сабгатулле Моджаддэди, Юнусе Халесе.

— Да, таковы общие характеристики лидеров основных контрреволюционных организаций. Кроме этого, имеются группировки более локального действия, такие, как «Союз исламских воинов», «Гром Афганистана», «Движение борющегося духовенства». Четко прослеживается пласт руководителей вооруженной оппозиции внутри Афганистана. Это лидеры крупных формирований типа Ахмад шаха Масуда, Саида Джаграна, Джалаллудина и других. Они, в отличие от перечисленных, действуют на территории Афганистана, сами участвуют в боевых операциях, живут среди населения.

— Что же объединяет все эти пласты?

— Афганская оппозиция выступает под флагом и лозунгами ислама, широко использует исламскую словесную атрибутику. Однако единство лозунгов скрывает водораздел между исламским фундаментализмом и исламским традиционализмом. Если первые выступают за установление в Афганистане государственного устройства периода пророка Мухаммеда и четырех «праведных» халифов, за государство типа хомейнистского Ирана, то вторые ратуют за восстановление досаурских порядков, даже за возврат к временам монархии. Идейным наставником афганских исламских фундаменталистов выступает архиреакционное крыло арабской исламской организации «Братья-мусульмане» с их установками на террор. Наконец, третий пласт афганской оппозиции — это рядовые, обыкновенные люди...

— Думаю, что первые два пласта афганской оппозиции вряд ли смогут найти взаимоприемлемую единую платформу для объединения.

— Честно говоря, я тоже так думаю. Афганская оппозиция, кроме того, раздираема и противоречиями национально-этнического характера. Фундаменталисты решительно отрицают существование национального вопроса, тогда как традиционалисты учитывают национальные, племенные проблемы. А здесь накопилось немало горючего материала. Если узбеки, таджики, туркмены и другие национальности не хотят больше быть угнетенными народностями, то пуштуны не желают лишаться своего привилегированного положения, сложившегося в течение столетий. Объединение афганской оппозиции серьезно затрудняется и противоречиями религиозного характера. Сунниты ориентированы на исламские авторитеты Ближнего и Среднего Востока и преследуют цель установления своего государства на территории всего Афганистана. Шииты ориентированы на хомейнистский Иран со всеми вытекающими из этого последствиями.

— Мне кажется, что, кроме перечисленных вами противоречий, в афганской оппозиции четко вырисовывается конкурентная борьба за право получать львиную долю иностранной помощи.

— Конечно, кроме того, идет борьба и за политическое лидерство, за влияние на беженцев. Нельзя не учитывать и борьбу за контроль над захваченными районами, дорогами. Уверен, что и взаимосвязь пешаварской «семерки» с внутриафганской вооруженной оппозицией носит конъюнктурный характер. Первые смотрят на вооруженные отряды как на «пушечное мясо» в достижении политических целей. Но для крупных руководителей внутренней вооруженной оппозиции пешаварская «семерка» — это лишь посредники в получении западной помощи, в том числе и оружия. Думаю, лидеры внутренней вооруженной оппозиции никогда не смирятся с выходом на первые роли в стране после ухода оттуда советских войск руководителей «семерки».

— Как же в таком случае расценивать неоднократное приглашение «семерки» в коалиционное правительство?

— Лично я считаю эту идею малоперспективной. С одной стороны, «семерка» не согласится войти в коалицию, чтобы иметь лишь часть власти. Каждый из «пешаварцев» рассчитывает в перспективе иметь не малую долю власти, а все ее 100 процентов. С другой,— лидеры внутренней вооруженной оппозиции не смирятся, если в коалиционное правительство войдут не они, «проливавшие кровь» все эти девять лет, а те, кто сидел в Пешаваре. Думаю, более перспективным был бы диалог не с «семеркой», а с лидерами внутренней вооруженной оппозиции. То, что до сих пор не удалось привлечь в коалиционное правительство никого из крупных лидеров внутренней вооруженной оппозиции,— это тоже можно считать упущенной возможностью кабульского руководства. Я не допускаю мысли, что при политической гибкости нельзя найти точек соприкосновения с этой частью оппозиции.

— Теперь мне хотелось бы поговорить с вами об экономических проблемах. Ведь девять лет войны привели к серьезным трудностям в афганской экономике. Сразу же после прекращения боевых действий восстановление разрушенного хозяйства наверняка станет главной заботой руководства Афганистана.

— В результате войны частично или полностью выведено из строя большое количество предприятий, транспорта, линий электропередач, связи, автомобильных дорог. Нельзя забывать, что война серьезно нарушила внутрихозяйственные связи между провинциями, между отраслями и внутри отраслей народного хозяйства. Все большей проблемой становится обеспечение промышленных предприятий сырьем, топливом, электроэнергией. Война и эмиграция нанесли удар по кадрам инженерно-технических работников, в целом по интеллигенции. Многие частные предприниматели или погибли, или покинули страну. Нелегко сказывается на состоянии народного хозяйства экономическая блокада Запада, сокращение доходов от экспорта при росте расходов на импорт. Растет безработица, инфляция. Снижается жизненный уровень трудящихся.

— Земельно-водная реформа... Ведь это, по существу, центральный вопрос экономической политики НДПА. Мне не раз приходилось встречать в Афганистане весьма скептическое отношение к ней. А вам?

— Да, это центральная экономическая проблема, что понятно хотя бы потому, что три четверти всего трудоспособного населения заняты в сельском хозяйстве. Правительство немало делает для того, чтобы стимулировать сельскохозяйственное производство, но заметных результатов не было и нет. Много надежд возлагалось на кооперативы. Думаю, они эти надежды не оправдали. Равно как и хозяйства государственного сектора. Темпы осуществления земельно-водной реформы крайне низки. Она осуществлена пока примерно на 30—35 процентов...

— Да и то во многих случаях лишь формально. Ведь примерно треть земли, полученной крестьянами, перешла обратно в руки бывших владельцев, а почти половина земли, находящейся в руках крестьян, не обрабатывается. Причины, как известно, разные, но главная — боязнь крестьян возможной мести со стороны бывших хозяев. Нельзя не учитывать и религиозный фактор. Не может правоверный мусульманин взять «чужую» собственность, ибо это решительно запрещается исламом.

— Есть тут и некоторые юридические тонкости. Например, крестьянин получает не право частной собственности, а лишь право владения с ограниченным распоряжением полученной землей. Думаю, определенную лазейку для манипулирования сознанием крестьянства дает и то обстоятельство, что документ на право владения землей выдается от имени руководителя страны. Крестьянин, не уверенный в том, что государственная власть стабильна, испытывает определенный страх и потерять эту землю, и быть еще обвиненным в присвоении «чужой» собственности. Ведь руководители в Кабуле приходят и уходят. Крестьянин боится, что и земля потом «уйдет». Вообще государственная власть не смогла учесть одного важного правила революции. Я имею в виду вот что: революция должна выдвигать такие политические лозунги, которые могут быть наполнены экономическим содержанием. И наоборот — революция должна формировать лишь такие экономические планы, которые она может защитить политическими средствами.

— От единства и авторитета НДПА будет во многом зависеть развитие обстановки в Афганистане после вывода советских войск. Если земельно-водная реформа — центральная экономическая проблема, то положение НДПА и в НДПА — центральная политическая проблема...

— Абсолютно согласен. Но, к сожалению, после раскола НДПА (ноябрь 1967 года) на две фракции — «Хальк» (во главе с Н. М. Тараки) и «Парчам» (во главе с Б. Кармалем) — партия так и не сумела стать органически единой политической организацией. Она и сейчас не представляет собой единого целого, единой воли.

— Ведь даже после взятия власти в Саурские дни 1978 года соперничество между фракциями не прекратилось. Более того, оно вылилось в ожесточенную борьбу.

— Да, это так. В ход были пущены все средства, включая физическое уничтожение политических соперников. Фракционная борьба нанесла партии непоправимый ущерб. И парадокс состоит в том, что все понимали и понимают пагубность фракционной борьбы, но избавиться от нее никак не могут. На словах все за единство, а на практике единства нет. Это главная причина того, что значительная часть народа как социальная опора партии отошла от НДПА, перестала верить в нее как в авангардную силу, способную довести задуманные реформы до конца.

— Но ведь партия стремилась да и сейчас стремится исправить это положение...

— Да, верно. Был принят целый ряд решений об усилении политической работы в массах. Все понимали: «надо». Но работа эта так и осталась на бумаге. А ведь ясно, что политическая партия без крепких связей с массами постепенно превращается в политическую секту. Революцию совершают массы. Забота о формировании широкой социальной опоры — первостепенная задача политической партии. Вместо решения этой задачи многие в НДПА всю свою энергию направили на сведение счетов друг с другом. Получается, что НДПА, которая не может найти способа примирения, политического компромисса внутри себя, призывает к политическому компромиссу внешнюю и внутреннюю оппозицию. Не решив первую проблему, нельзя думать о жизнеспособности идей компромисса с оппозицией.

— Во время командировок в Афганистан, как и вы, я убедился, что НДПА — в глубоком кризисе. Она больна тяжелым политическим недугом. Понимают ли это в партии?

— Думаю, что да. Обратите внимание на слова, сказанные Генеральным секретарем ЦК НДПА Наджибуллой на XIX пленуме ЦК НДПА. Он говорил: «Сложилось печальное положение, при котором некоторые члены ЦК, общественные организации, министерства и учреждения были осторожно выведены из-под критики. Пересаживание руководителей, заваливших работу, из одного кресла в другое превратилось в систему... Отсутствие активности, фракционность, отсутствие строгого контроля, недостаточная принципиальность и грубые ошибки обошлись нам очень дорого... Это происходило потому, что для некоторых из них революция закончилась в тот самый день, когда они получили от нее все, то есть чин, положение, должность и личные удобства. Руководители и ответственные лица были избраны (на свои посты) не на основе преданности партии и ее целям, а в соответствии с племенными, этническими и сектантскими интересами, а также на основе личной преданности отдельным личностям. Вместо работы они занимались интригами и подрывной деятельностью во внутрипартийной работе и искали поводов для конфликтов и разногласий».

— Очень точный диагноз болезни, которая разъедает партию.

— Не дешевле обошлись для партии и зигзаги в стратегических установках. То неоправданные забегания вперед и откровенно левацкие лозунги, то проявление реформистской неопределенности и нежелание идти на решительные меры, диктуемые реально складывающейся расстановкой классовых сил и потребностями вооруженной борьбы с оппозицией. Все это не могло не сказаться на настроениях народа. Этому способствовало и то, что об ошибках говорили, но ничего не делалось для их исправления.

Вместо напряженной работы в массах внимание многих кадровых партийцев концентрировалось на сведении счетов со своими противниками внутри партии, на сваливании вины за неудачи и провалы на предшественников. Партийцы не стремились идти в провинцию, уезд, кишлак. Любыми путями, используя родственные, клановые и другие связи, они старались остаться в столице или хотя бы в провинциальных центрах. По существу, шел форсированный процесс бюрократизации и коррумпирования партийного аппарата.

— Но ведь шел и процесс роста партийных рядов? НДПА выросла с 12 до 200 тысяч членов партии.

— Однако важен не количественный, а качественный рост. Бо́льшее число партийных кадров молча, но последовательно и жестоко боролись за приобретение «теплых» мест, проявляя в то же время пассивность, политическую индифферентность к практической работе в массах. Можно прямо сказать, что актуальные вопросы революции дружно обсуждались в партии, но столь же дружно саботировалось их практическое решение. Конечно, руководители партии искренне хотят переломить ход вещей, изменить углубляющуюся тенденцию падения ее политического авторитета. Но тут одного желания мало. Боюсь, что болезнь фракционной борьбы и клановости в НДПА зашла слишком далеко.

— А как вы расцениваете возможности создания блока леводемократических партий в Афганистане?

— Такой блок жизненно необходим. Нельзя не учитывать то, что другие леводемократические партии более ак-

тивно работают в массах. На фоне постепенного падения политического авторитета НДПА в народе шел определенный рост авторитета других партий. Конечно, в отличие от НДПА они имеют территориально локальный характер. Но в сумме они оказывают влияние на большую часть населения страны. И то, что НДПА не сумела создать единый фронт леводемократических сил, наладить с ними активное политическое сотрудничество,— это тоже упущенная возможность партии. Попытки сформировать действенный союз через Национальный Отечественный Фронт (НОФ) не увенчались успехом. Эта аморфная организация не смогла завоевать реальный авторитет в народе. Настоящий политический союз НДПА с группой «Труд» и «Рота», «Робта» и «Амра» тоже не удался. И дело не только в прошлой, но и в сегодняшней тактике НДПА. Ведь если говорить по существу, то НДПА другим леводемократическим партиям предлагала лишь два варианта: или войти в состав НДПА, или войти в состав НОФ на правах коллективного члена. Но если в первом случае — это признание руководства НДПА и отказ от политической самостоятельности, то во втором случае — признание своей второстепенности в рамках НОФ, ибо правом решающего голоса в нем обладает только НДПА. Ясно, что на такое решение проблемы другие партии не пойдут.

— Ким Македонович, если помните, была предпринята еще одна попытка компромисса: в правительство национального единства пригласили представителей любых политических партий и группировок на основе признания законов государственной власти.

— Думаю, что и это — полумера. Необходимо объединение сил на принципах признания полного равенства прав с сохранением самостоятельности своих политических организаций. Другой возможности консолидации леводемократических сил я не вижу.

— Сейчас полным ходом идет вывод наших войск. Однако после их окончательного ухода в начале будущего года война, как мне кажется, не только не прекратится, но, наоборот, следует ожидать еще большей активизации боевых действий.

— Именно поэтому я считаю, что доминанта разговоров о коалиционном правительстве должна переместиться в сторону лидеров внутренней вооруженной оппозиции. Не «альянс семи» устал от войны: для него война — хороший бизнес. От войны устала вооруженная оппозиция, непосредственно ведущая боевые действия на территории Афганистана. Именно ее лидеры в большей степени, чем пешаварская «семерка», готовы к диалогу с НДПА.

— Есть ли у вас уверенность в том, что после вывода советских войск афганские вооруженные силы сумеют защитить власть от атаки оппозиции?

— На этот вопрос трудно ответить однозначно. Дело в том, что состояние и возможности афганских вооруженных сил находятся в прямой зависимости от состояния НДПА и государственной власти. Афганское руководство, на мой взгляд, недостаточно задумывается над опасностью, угрожающей партии и государственной власти изнутри. Если судить об афганской армии по сегодняшнему ее состоянию, то уверенности, о которой вы говорите, у меня нет. Именно поэтому думаю, что партийно-государственному аппарату предстоит огромная работа по мобилизации всех ресурсов, даже самых незначительных, для подъема боеспособности армии.

— Ким Македонович, как, на ваш взгляд, будет выглядеть обстановка в Афганистане весной 1989 года?

— Я не предсказатель, я аналитик. Многие предрекают кровавую баню в Афганистане. Другие утверждают, что после вывода у оппозиции не будет аргумента вести «священную войну» с «неверными». В этой связи хочу отметить, что и сегодня значительная часть боевых действий на афганской земле ведется между противоборствующими отрядами вооруженной оппозиции. Они дерутся за власть, территорию, сферы влияния. Думаю, после нашего ухода эта междоусобная война не сразу затихнет.

— Находясь в Афганистане, я неоднократно убеждался в том, что многие партийные и государственные функционеры как в Кабуле, так и на местах не хотели бы вывода наших войск: ощущая наше плечо, они чувствуют себя увереннее, безопаснее. При этом зачастую они перекладывают на нас то, что должны были делать сами. Не кажется ли вам, что перспектива вывода советских войск излечит их от иждивенческой болезни?

— В том числе и поэтому я считаю исключительно своевременным согласованное решение Советского правительства и афганского руководства о выводе советских войск из Афганистана.

— Сейчас даже многие из наших зарубежных друзей, захлестнутых левацкой психологией, видят в решении советского руководства чуть ли не отход от принципов интернационализма. Как бы вы расценивали попытки такой левацкой критики?

— Я не разделяю эту критику. Последовательное стремление к решению региональных конфликтов политическими средствами — это смелый шаг. Наш призыв к новому политическому мышлению обращен не только к США, Пакистану, к лидерам афганской вооруженной оппозиции, но и к нашим друзьям как в Афганистане, так и в других странах мира.

— Любопытно, что вы могли бы сказать о более отдаленном будущем Афганистана, чем, скажем, весна 89-го? Как оно вам видится?

— Социальное прогнозирование — дело исключительно сложное. Тем более в такой ситуации, когда некоторые общественные процессы могут носить малопредсказуемый характер. Но есть тенденции, в которых я уверен...

Во-первых, думаю, что на какой-то период времени следует ожидать активизации исламского фактора не только в Афганистане, но и во всем исламском мире. Я бы сказал даже так: следует ожидать гальванизации исламского горизонта в тесной связи с идеей исламской революции. Вперед вполне могут выйти исламские фундаменталисты. Но их время не может быть продолжительным, ибо экономические потребности развития, требования социально-экономического прогресса возьмут в конечном счете верх. Во-вторых, как бы ни развивались события в Афганистане, возврата к досаурским временам уже не может быть...

— И последний вопрос. Что бы вы пожелали представителям нашей прессы?

— В начале 80-х годов Афганистан был отнесен к разряду так называемых «закрытых тем». У наших читателей и телезрителей складывалось впечатление, что советские воины занимаются всем, чем угодно, но не войной. Это была лишь малая часть правды. Советские люди начали видеть в блеске боевых медалей и орденов не оценку тяжелого, смертельно опасного солдатского труда, а некую фальшивую парадность. Это не могло не быть оскорбительным для тех, кто заслужил их в боях. Таков наглядный пример отсутствия гласности. Что бы я пожелал прессе? Избежать и ложной «окопной» правды, и спекуляции на афганских событиях. Однако необходимо восполнить тот дефицит правды, который накопился за период войны.

ЖЕЛЕЗНЫЙ ЗАНАВЕС НАЛОГА

«ЖЕЛЕЗНЫЙ ЗАНАВЕС НАЛОГА» — ТАК НАЗЫВАЛАСЬ СТАТЬЯ, ОПУБЛИКОВАННАЯ В ПРЕДЫДУЩЕМ НОМЕРЕ «ОГОНЬКА». В НЕЙ ШЛА РЕЧЬ О ПРОГРЕССИВНОМ НАЛОГООБЛОЖЕНИИ ДОХОДОВ КООПЕРАТОРОВ. ВЫСОКИЙ НАЛОГ НАСУЩНО НЕОБХОДИМ, УТВЕРЖДАЛ В БЕСЕДЕ С НАШИМ КОРРЕСПОНДЕНТОМ МИНИСТР ФИНАНСОВ СССР Б. И. ГОСТЕВ. А 13 ИЮЛЯ В КРЕМЛЕ СОСТОЯЛОСЬ ЗАСЕДАНИЕ ПРЕЗИДИУМА СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР, НА КОТОРОМ ОБСУЖДАЛИСЬ НОВЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ МИНИСТЕРСТВА ФИНАНСОВ СССР, МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ СССР И ГОСПЛАНА СССР ОБ ОСНОВНЫХ ПРИНЦИПАХ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ ДОХОДОВ КООПЕРАТИВОВ И ГРАЖДАН, РАБОТАЮЩИХ В НИХ.

ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ

ПОДНИМИТЕ ЗАНАВЕС!

Мы опять впереди: советский налог — самый прогрессивный в мире. Резать курицу, несущую золотые яйца,— фамильное ремесло исключительно наших законников еще со времен удушения нэпа.

С ожиданием устрожающих мер в отношении кооперации вошел я в Овальный зал Дома правительства в Кремле, а спустя восемь часов вышел оттуда... нет, еще не лучезарным оптимистом, но с просветленным сознанием: дело, кажется, наладится...

Недолгий доклад министра финансов СССР Б. И. Гостева выдержан был в классическом стиле: «с одной стороны», «с другой стороны...» С одной, надо всемерно стимулировать динамичное развитие кооперации, с другой же — блюсти социальную справедливость, чтобы, упаси бог, не наплодить рокфеллеров. В зале сидели председатели кооперативов со всей страны, ученые, юристы, министры, депутаты Верховного Совета, партийные и советские работники — народ основательный. Слушали напряженно, чутко улавливая в обкатанной речи пугающие несообразности. Почему самые низкие ставки налога — для сельскохозяйственных кооперативов, а наивысшая (20—30 процентов) — для швейников, торговцев, поваров, медиков? Что, уже завалили народ добротной одеждой, обслужили, накормили, обеспечили поликлиниками? Это же не налог — откровенная обдираловка, такими «стимулами» в кооперацию никого не заманишь!

Председатель Совета Министров СССР Н. И. Рыжков вел заседание, предоставляя слово каждому, кто просил, давая выговориться, излить душу. И разговор в Овальном зале мало-помалу стал приобретать отнюдь не овальные черты.

— Смотрю я на кооператора, который торгует тремя кусками жареной баранины по два с полтиной порция, и думаю: какая же тут социальная справедливость?! — кипел возмущением токарь Московского завода имени Владимира Ильича В. Тихомиров.

Это настроение, эта бичующая интонация: «Спекулянты чертовы! Деньги лопатой гребут!» — они оттуда, из времен, когда бедность и нищета провозглашались у нас едва ли не высшими социальными добродетелями, а всякий относительно обеспеченный человек наказывался явным общественным непочитанием. Да и сегодня консерватизм высокой бюрократии перекликается с ахами и охами низов по поводу чрезмерно «длинного» кооперативного рубля. Сто семьдесят за просиживание штанов в какой-нибудь бесполезной конторе — это по-нашему, а заработанные артельно в поте лица шестьсот — семьсот — уже «разврат, обуржуазивание».

— Зачем меня давить налогом? — вопрошал, адресуясь к министру финансов, Л. Ланцман, председатель киевского кооператива «Вторполимермаш».— Мне лишние деньги ни к чему — на двух машинах не уедешь и за двоих не пообедаешь. Мы, к примеру, отдаем свои тысячи и в общественные фонды, и детским домам... Но эти деньги заработаны честно!

— А почему не учитываются косвенные налоги? — выступала С. Лащенова, председатель волгоградского кооператива «Дюймовочка».— Ведь мы покупаем оборудование и сырье совсем не за те деньги, что государственные предприятия. Автомобили нам продают втрое дороже, швейное оборудование — дороже вдвое.

— Почему вообще должен существовать особый прогрессивный налог с кооператоров? — ставил вопрос академик Л. Абалкин.— По-моему, справедливее единая шкала для всех граждан. Тем более не сегодня-завтра и государственные предприятия перейдут на договорные цены.

В самом деле, государственные, кооперативные... Да какая нам разница! И та и другая форма собственности освящены законом, провозглашены как равные — чего же боле? Произвожу я на заводе экскаваторы или шью пиджаки на дому — экономический режим должен быть един, никакой дискриминации. В этом — и дух, и буква демократии. В этом, а не в бюрократическом усердии, с каким обстругивают едва начавшее плодоносить молодое древо кооперации, доводя его до привычных убогих кондиций.

Так что же в Овальном зале напитало меня надеждой? А то, что предложенный ведомствами проект был отклонен. Железный занавес налога, кажется, будет поднят. Президиум Совета Министров СССР принял решение подготовить новый документ. Сформировать независимую творческую группу с участием специалистов, ученых, кооператоров. Пусть думают.

...Вышли из Дома правительства, двинулись жарким кремлевским двором на выход, к Спасским воротам. Председатель городского объединения кооперативов из Набережных Челнов Леонид Онушко расстегнул верхнюю пуговицу сорочки, ослабил узел галстука, вздохнул: «Господи, когда же мы станем мудрее?»

Он прав. Пора!

Валерий ВЫЖУТОВИЧ

ЧЕРНЫЙ САХАР

СВОЮ БЕЗУПРЕЧНУЮ БЕЛИЗНУ ОН НАЧАЛ ТЕРЯТЬ В МОСКВЕ ПРИМЕРНО В АПРЕЛЕ, КОГДА ПОПОЛЗ СЛУШОК О ПОВЫШЕНИИ ЦЕН. МНОГОМИЛЛИОННЫЙ ГОРОД ВКЛЮЧИЛСЯ В КРУГОВЕРТЬ ВСЕОБЩЕГО АЖИОТАЖА. ПОЛОЖЕНИЕ УСУГУБЛЯЛОСЬ ТЕМ, ЧТО СТОЛИЦА — КРУПНЕЙШИЙ ТРАНСПОРТНЫЙ УЗЕЛ. В БАКАЛЕЙНЫХ ОТДЕЛАХ МАГАЗИНОВ И БУЛОЧНЫХ МГНОВЕННО ВОЗНИКЛИ ОЧЕРЕДИ — САХАР ИСЧЕЗ.

СПОКОЙНО, СНИМАЕМ!

Борис РЯЗАНЦЕВ,
Эдуард ЭТТИНГЕР (фото)

Арбат — место коммерческое. Именно тут мы и рассчитывали найти дефицит, каковым нынче оказался сахар. Первой была булочная-кондитерская № 129. Сахара не было. Но визит представителей ОБХСС УВД Москвы — капитана А. Мазурова, лейтенанта О. Коменикова заставил поскучнеть и. о. директора В. Фомичева. Этот процесс у него углублялся по мере того, как мы опускались в подсобные помещения. Если у кого-то из читателей возникнет вопрос, для чего напечатан снимок складского помещения, то ответим: все, что на полках,— дефицит. И даже по московским понятиям — продукты, давно вышедшие из употребления или исключенные из производства. Иные кондитерские изделия нам уже перестали сниться, а о существовании других наша группа вовсе и не слыхивала.

Скажем, нежные младенческие воспоминания у меня лично вызвали конфеты «Южный орех». О существовании заспиртованной вишни в шоколаде, шоколадных бутылочках с ликером не подозревал. Мазуров, однако, вспомнил, что когда-то пробовал конфеты «Шоколадный крем».



Ассортимент в подсобке, оцененный в несколько тысяч рублей, был подобран с большим гурманским вкусом. Шоколадные наборы «Третьяковская галерея», «Вишневый ликер в шоколаде» и другие (всего около десятка названий), запас индийского и цейлонского чая, бразильского растворимого кофе, польского крекера, и овсяного печенья, и курабье бакинского, торт «Чародейка» и многое другое.

Все это наводило на грустные мысли. Тем более, что Мазуров предварительно рассказал, что сотрудники ГАИ уже несколько раз обнаруживали рефрижераторы, следующие на юг, и в основном в Азербайджан, с незаконным грузом кондитерских изделий. Дальнейшее расследование показывало, что они были предназначены для спекуляций.

О своих истинных планах на какой-либо сбыт вообще Фомичев не рассказал. Ссылался на обилие народа в торговом зале и на малочисленность персонала. На заказы от трудовых коллективов, хотя и тут никаких документов не предъявил. Да и попытки оправданий сами по себе выглядели наивными. Дело в том, что у многих продуктов были просрочены сроки реализации. А сам директор Ю. Добрынин ушел в отпуск за неделю до нашего посещения. Быть может, у Фомичева была задача только сохранить товар до возвращения руководителя?



Закрома «Новоарбатского». В торговом зале сахара нет.

— У нас нет фасовщицы,— разъясняет заведующая секцией бакалеи «Новоарбатского» К. Кузмичева оперуполномоченному А. Мазурову. В центре — Л. Палей.

Горька жизнь без сладкого.

Арбат. День долгожданного дефицита.

— Можно еще коробочку, другого сорта?



Так или иначе, но продукты пришлось продать. И ни один из покупателей не взглянул на дату реализации, хотя указывают ее не формы ради. Напротив, у прилавка возникла совершенно необычная обстановка. Несколько ошалев от обилия деликатесов и отсутствия ограничений, одна из женщин смущенно спросила:

— А можно ли мне взять еще коробку, другого сорта?

— Да берите что хотите! — раздраженно бросила продавщица.

Я подумал о том, сколько радости будет вечером в разных семьях за чайными столами. Ведь конфеты — не худшая замена рафинаду или песку.

И все же сахар мы нашли: в гастрономе «Новоарбатский». Но не на прилавке, а в подвалах. Фасовщица трудилась не покладая рук, успевая за день развесить неполную тонну песка. Однако в торговый зал попадает мизерная часть товара, а львиная доля отпускается по заказам трудовых коллективов. Нам представили телефонограмму-распоряжение Главторга об отпуске 70 процентов сахара на фабрики, заводы, в учреждения. А магазину, работающему в условиях хозрасчета, так торговать выгоднее, поскольку за наборы он получает двухпроцентную надбавку.

Сравнивая остаток с производительностью труда фасовщицы, можно с помощью простой арифметики вычислить, что в день очередного завоза сахара на складе останется три с лишним тонны. Из них более тонны не будет реализовано в зале. Почему же нельзя поставить еще одну фасовщицу?

— Некого,— видимо рассчитывая на нашу наивность, ответила заведующая секцией бакалеи К. Кузьмичева.— Людей не хватает.

— А почему нельзя торговать в зале — с весов, учитывая особый «сахарный ажиотаж»?

— Да что вы! — восклицает заместитель директора гастронома по организации торговли Л. Палей.— Они нам весь зал разнесут...

Ну зачем же так. На днях ходил в ближайшую булочную за хлебом. Поодаль от кондитерского отдела поставили лоток. К нему тянулась очередь — человек пятнадцать. И никто не ломал торговый инвентарь. Видимо, все дело — в организации торговли.

Сообщим информацию ОБХСС: *за пятидесятирублевый мешок сахарного песка спекулянты из бакалейных отделов требуют с кооператоров по... 170 рублей!* И те платят. Но оплата идет по обычной цене через кассу, в розницу, а разница превращается в «навар».

Создавая искусственный дефицит, работники торговли почти не рискуют: разовая и редкая, а тем более ведомственная проверка никого не останавливает. Сокрытие продуктов не наказуемо: попался — продай. Основанием для возбуждения уголовного дела служит лишь повторный факт сокрытия. И потому ажиотаж остается. Торговля подчас обкрадывает нас, обирая кооператоров. И потому они вынуждены поднимать цены.

Если кооператор поневоле платит даже такую несуразную сумму, то у него есть на это возможности. Между тем есть вариант, при котором они могли бы пополнять казну, а не мошну спекулянтов. Для этого Главторгу Москвы да и Минторгу СССР, пожалуй, стоит организовать систему специальных оптовых магазинов и баз, на полках которых по коммерческой цене кооператор мог бы приобрести любой товар. И в этом случае остальные спекулянты смогут приобрести товары повседневного спроса, уходящие с черного хода в кооперативные кафе.

Как показали проверки, сахар только часть дефицитного айсберга. Визит в гастроном высотного дома на площади Восстания подтвердил это. В подсобке бакалейного отдела был сокрыт сахар. А за мешками с ним прятались отнюдь не бакалейные продукты: коньяк и вино, оливковое масло, печень трески, черная икра, импортная ветчина...

Есть, конечно, несколько причин того, что сахар исчез с прилавков. По сведениям МВД СССР, были крупные хищения на предприятиях страны. Значительное количество сахара поглощает самогон.

Но не все же мы самогонщики. Однако рафинад и песок, поддаваясь общей панике, покупает сегодня каждый. Посчитайте-ка, сколько пакетов в вашем шкафу. Наверняка побольше, чем летом прошедшего года. У москвичей, во всяком случае. А почему?

— В этом году количество сахара, отправленного в торговую сеть, выросло в два раза,— сообщил директор Московского предприятия оптовой торговли сахаром А. Синельщиков...

Забиты производственные помещения фасовочных фабрик, коллективы которых проявляют прямо-таки небывалые усилия по наращиванию темпов упаковки. Не справляется с вывозом продукции транспорт. Мгновенно выстраиваются очереди, если продукт появляется на прилавках. Но немалая его часть оседает в подвалах, подсобках, складах. Наш ажиотаж подкармливает барышников в белых халатах с бездонными карманами. Барышников, торгующих «черным» сахаром.

В архиве В. В. Вересаева сохранилась запись обсуждения в январе 1923 года рукописи его романа «В тупике» высшими политическими руководителями страны. Вот что этому предшествовало.

Осенью 1918 года Викентий Викентьевич поехал на три месяца в Крым, чтобы закончить там свою пьесу «В священном лесу». Однако фронт гражданской войны отрезал его от дома на три года. В Крыму гражданская война приняла затяжной и особенно драматический характер. Здесь с особым ожесточением столкнулись революционные и контрреволюционные силы. «За это время,— писал Вересаев в своей автобиографии,— Крым несколько раз переходил из рук в руки, пришлось пережить много тяжелого, шесть раз был обворован... арестовывался белыми, болел цингой». Когда в Крыму установилась Советская власть, Вересаев избирается там членом коллегии Феодосийского отдела народного образования, ведет культурно-просветительскую работу, лечит больных и раненых. Но приходят белые, и Вересаев продолжает свою деятельность уже нелегально. На его даче 5 мая 1920 года состоялась подпольная конференция большевиков. Газеты даже сообщили, что Вересаев расстрелян белогвардейцами. «У начальства нахожусь я «на подозрении»,— писал он в личном письме.— Хотел устроить платное чтение своей драмы в Коктебеле,— не разрешили, в Феодосии — тоже не разрешили. Начальник уезда заявил мне, что никак позволить мне не может, потому что я скомпрометировал себя службою у большевиков».

Годы эти были для писателя трудными. Но зато он стал свидетелем и участником таких событий, которые позволили ему собрать материал и написать свой новый роман «В тупике». Это было одно из первых крупных произведений в советской литературе о революции и гражданской войне. Еще не были созданы «Города и годы» К. Федина, «Разгром» А. Фадеева, «Железный поток» А. Серафимовича. В июле 1922 года А. Толстой опубликовал в Берлине «Хождение по мукам». В августе 1922 года В. Вересаев, возвратившийся в Москву осенью 1921 года, начинает публикацию своего романа «В тупике» (журнал «Красная новь» № 8). Роман, как и другие более ранние его произведения («Без дороги», «На повороте», «Записки врача», «К жизни»), вызвал бурную общественную реакцию. В новом романе писатель сосредоточил свое внимание на судьбе русской интеллигенции, оказавшейся в эпицентре революционного взрыва.

Горький принял роман с воодушевлением. Он писал Вересаеву об этой книге: «...мне она дорога ее внутренней правдой, большим вопросом, который Вы поставили пред людьми так задушевно и так мужественно». Работа над романом подошла к концу, но никто не решался его печатать отдельной книгой. Ведь только что закончилась гражданская война, а события, описанные в романе, были злободневны, сложны и противоречивы. И тогда известный советский общественный деятель и публицист, редактор альманаха «Недра» Н. С. Ангарский предложил прочитать роман политическим руководителям страны. Вот как это происходило.

«В ТУПИКЕ»

В. В. ВЕРЕСАЕВ

Я кончал свой роман «В тупике». Он должен был печататься в альманахах издательства «Недра». Возможность прохождения романа сквозь цензуру вызывала большие сомнения. Редактор издательства «Недра» Н. С. Ангарский имел какие-то служебные отношения к тогдашнему заместителю председателя Совнаркома Л. Б. Каменеву. В декабре месяце 1922 года Ангарский обратился к Каменеву с просьбой, нельзя ли бы было устроить у него чтение моего романа.

— А, вот и прекрасно! — сказал Каменев.— Первое января — день у всех свободный. Пригласим кое-кого и послушаем!

Первого января я с женой приехал в Кремль к Каменеву. Понемножку собирался народ, мне в большинстве совершенно незнакомый. Роман написан в виде отдельных сцен, можно сказать — в стиле blanc et noir *: как мне говорил один партиец, за одни сцены меня следовало посадить в подвал, а за другие предложить в партию.

Начал я читать. Стратегический мой план был такой: сначала подберу сцены наиболее острые в цензурном отношении, а потом в компенсацию им прочту ряд сцен противоположного характера.

Читал около часа. Обращаюсь к Каменеву:

— Может быть, можно сделать перерыв?

Каменев смущенно спросил:

— А вы долго собираетесь еще читать?

— Около часа.

— Нет, это совершенно невозможно. Тут еще товарищи Шор, Эрлих и Крейн что-нибудь сыграют нам, а потом сядем ужинать. Почитайте нам еще минут десять, а за ужином поговорим о прочитанном.

Нечего делать. Постарался подобрать для окончания несколько наиболее ярких в положительном смысле сцен, но все-таки в общем получилось такое преобладание темных сцен над светлыми, что дело мне представилось совершенно погибшим. Кончил. Жена сидела как приговоренная к смерти. Подошел смущенный Ангарский.

— Викентий Викентьевич, что же это такое?

Я стал расспрашивать Ангарского, кто здесь присутствует.

— Вот этот — Дзержинский, вот — Сталин, вот — Куйбышев, Сокольников, Курский.

Одним словом, почти весь тогдашний Совнарком, без Ленина, Троцкого и Луначарского. Были еще Воронский, Д. Бедный, П. С. Коган, окулист профессор Авербах и другие.

Поиграли Шор, Эрлих и Крейн. Сели ужинать. Началось обсуждение прочитанного. На меня яро напали. Говорили, что я совершенно не понимаю смысла революции, рисую ее с обывательской точки зрения, нагромождаю непропорционально отрицательные явления и т. п.

Каменев говорил:

— Удивительное дело, как современные беллетристы любят изображать действия ЧК. Почему они не изображают подвигов на фронте гражданской войны, строительства, а предпочитают лживые измышления о якобы зверствах ЧК.

Раскатывали жестоко. Между прочим, Д. Бедный с насмешкой стал говорить об русской интеллигенции и прибавил:

— Недавно мне говорил Ив. Дм. Сытин: «Много этой сопливой интеллигенции толклось у меня в передней, когда я издавал «Русское слово». Забегая вперед, скажу, что я в своем заключительном слове сказал Д. Бедному:

— Что же касается той «сопливой интеллигенции», о которой говорил тов. Д. Бедный, то я отвечу ему вот что: товарищ Демьян! если вы хотите судить о достоинстве женщины, то не обращайтесь за экспертизой к содержателю публичного дома. Уверяю вас, информация его будет очень односторонняя. Вот Сытин говорит об интеллигенции, которая толклась у него в передней. Соответствующая интеллигенция у него и толклась. А вот я вам скажу, что сам этот Сытин толокся у меня в передней, приглашая сотрудничать у себя в «Русском слове», и никакого результата не добился. И так было, конечно, далеко не со мной одним.

Точно не помню, кто еще что говорил. Помню, еще очень сильно нападал профессор П. С. Коган. Говорили еще многие другие. Потом взял слово Сталин. Он, в общем, отнесся к роману одобрительно, сказал, что Государственному издательству издавать такой роман, конечно, неудобно, но, вообще говоря, издать его следует.

После этого горячую защитительную речь сказал Ф. Э. Дзержинский.

— Я, товарищи, совершенно не понимаю, что тут говорят. Вересаев — признанный бытописатель русской интеллигенции. И в этом новом своем романе он очень точно, правдиво и объективно рисует как ту интеллигенцию, которая пошла с нами, так и ту, которая пошла против нас. Что касается упрека в том, что он будто бы клевещет на ЧК, то, товарищи, между нами — то ли еще бывало!

На меня он произвел впечатление чарующее. За ужином я сидел рядом с ним. Он меня между прочим спросил:

— А скажите, пожалуйста, где сейчас находится этот Искандер, о котором вы пишете?

В моем романе был выведен председатель ревкома, садически жестокий армянин, взявший себе псевдоним «Искандер». Я ответил, что после прихода белых Искандер бежал из Феодосии в Карасубазар. Но его выследили дашнаки и застрелили из револьверов при выходе из парикмахерской, куда он зашел с целью преобразить свою наружность. Когда меня это спрашивал Дзержинский, глаза его блеснули так холодно и грозно, что я почувствовал, что плохо пришлось бы этому Искандеру, если б он был жив.

Между прочим, я его спросил, для чего было проделано в Крыму то, что мне пришлось видеть там, помнится, в 1920 году. Когда после Перекопа красные овладели Крымом, было объявлено во всеобщее сведение, что пролетариат великодушен, что теперь, когда борьба кончена, предоставляется белым на выбор: кто хочет, может уехать из РСФСР, кто хочет, может остаться работать с Советской властью. Мне редко приходилось видеть такое чувство всеобщего облегчения, как после этого объявления: молодое белое офицерство, состоявшее преимущественно из студенчества, отнюдь не черносотенное, логикой вещей загнанное в борьбу с большевиками, за которыми они не сумели разглядеть широчайших народных трудовых масс, давно уже тяготилось своею ролью и с отчаянием чувствовало, что пошло по ложной дороге, но что выхода на другую дорогу ему нет. И вот вдруг этот выход открывался, выход к честной работе в родной стране.

Вскоре после этого предложено было всем офицерам явиться на регистрацию и объявлялось, те, кто на регистрацию не явится, будут находиться вне закона и могут быть убиты на месте. Офицеры явились на перерегистрацию. И началась бессмысленнейшая кровавая бойня. Всех явившихся арестовывали, по ночам выводили за город и там расстреливали из пулеметов. Так были уничтожены тысячи людей. Я спрашивал Дзержинского, для чего все это было сделано? Он ответил:

— Видите ли, тут была сделана очень крупная ошибка. Крым был основным гнездом белогвардейщины. И чтобы разорить это гнездо, мы послали туда товарищей с совершенно исключительными полномочиями. Но мы никак не могли думать, что они т а к используют эти полномочия.

Я спросил:

— Вы имеете в виду Пятакова? (Всем было известно, что во главе этой расправы стояла так называемая «пятаковская тройка...»)

...Он на меня произвел впечатление глубоко убежденного и хорошего человека. Роман мой в это время еще не был окончен. И когда я там во второй части выводил председателя ЧК Воронько, я думал о Дзержинском.

Этот вечер сыграл решающую роль в появлении моего романа на свет. Когда в Главлите ознакомились с романом, там расхохотались и сказали:

— И вы могли думать, что мы разрешим такую контрреволюцию?

— Успокойтесь. Политбюро почти в полном составе слушало этот роман и одобрило к печати.

Каждое новое издание романа снова задерживалось Главлитом, и каждый раз требовалось новое вмешательство свыше, чтобы пропустить роман...

Между прочим. По поводу английского перевода романа «Times» писала: «Говорили, что в СССР нет свободы печати; мы же из предисловия романа с удивлением узнали, что автор романа — не эмигрант, не сидит в советской тюрьме, а благополучно живет и здравствует в Москве».

Так заканчивает В. В. Вересаев эти свои публикуемые впервые воспоминания. Они — яркое свидетельство уровня демократии и гласности того времени, когда еще был жив В. И. Ленин. В том же 1923 году роман «В тупике» был опубликован полностью, а затем, в трудные двадцатые годы, переиздавался еще шесть раз. Но с 30-х годов стала деформироваться общественная жизнь страны, роман более не издавался, а затем и вообще был изъят из общих фондов библиотек.

Теперь, думается, наступило время и для этой публикации, и для нового издания романа, отразившего наиболее острый период истории нашей страны. Романа, с которым первыми познакомились Ф. Э. Дзержинский, В. В. Куйбышев и другие соратники В. И. Ленина, но который неизвестен современному читателю.

Публикация и комментарий
В. НОЛЬДЕ и Е. ЗАЙОНЧКОВСКОГО

---
* белое и черное (фр.)

ВЫЙТИ НА ПЛОЩАДЬ...

Фото Юрия ФЕКЛИСТОВА

Я не видел этот спектакль — «Кошкин дом». И эти красивые повозки я тоже видел только на фотографиях.

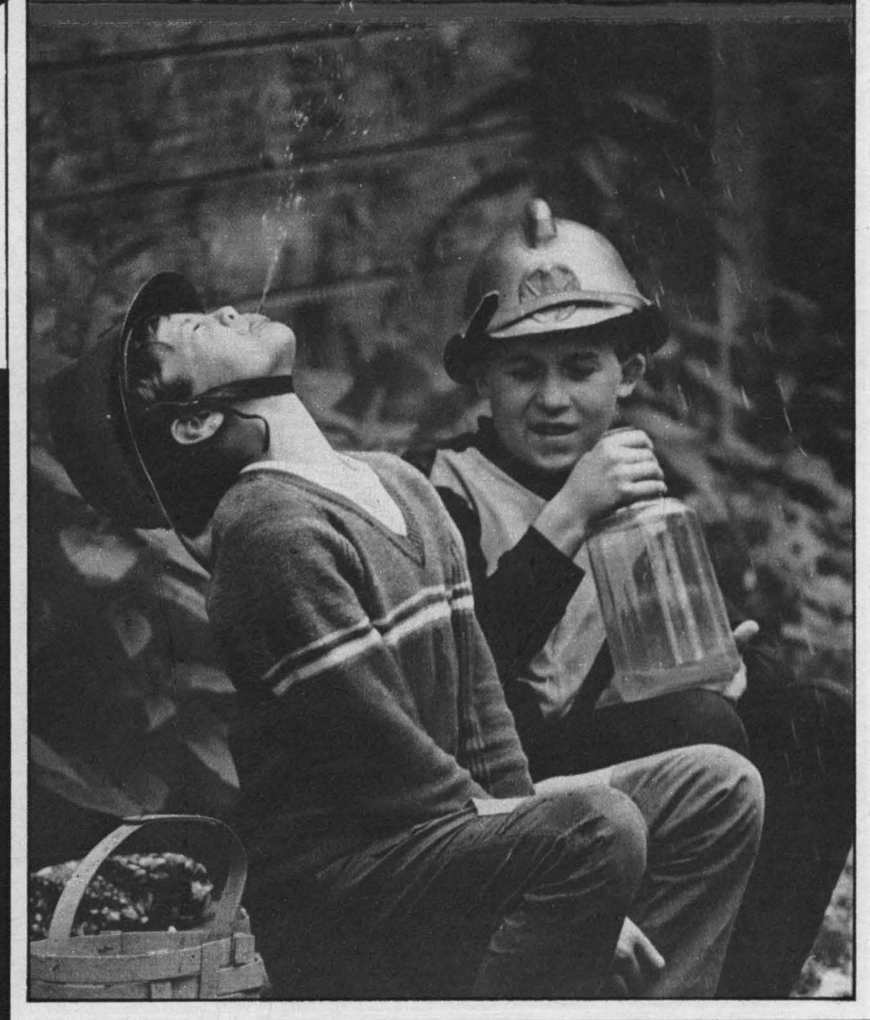
...В Кузнецк я приехал зимой. Повозки еще мирно дремали на хоздворе Кузнецкой обувной фабрики, в клубе которой — на втором этаже, в крайней справа комнатке с небольшой раздевалкой, размещается молодежный театр «БУМ» — никто точно не знает, сколько в стране таких театров, практикующих забытую, оставшуюся в темном средневековье ипостась театрального искусства — БАЛАГАН.

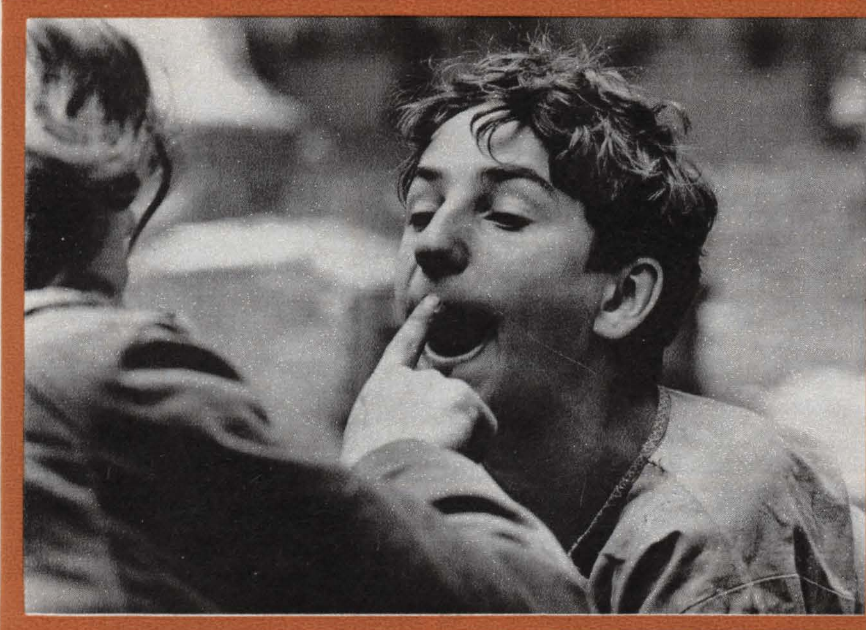
Фотографии, которые вы видите, запечатлели уникальный, единственный в своем роде детский театр на колесах. Тридцать детей и пятеро взрослых с тремя лошадьми из совхоза «Евлашевский», впряженными в три театральные телеги, совершили многокилометровый проход по селам: Татарский Канадей, Малый и Большой Труев, Злобинка, Ульяновка, Евлашево; представление также было дано в зоне отдыха «Долгушино» и на площади города Кузнецка.

Дети и балаган — такого еще не было. Вернее, было — в бродячих цирках и театрах в те незапамятные времена ходили дети. Дети артистов. Здесь же свое искусство показывал совершенно самостоятельный детский коллектив.

Саша Калашников, режиссер, вместе с Валерой Башкировым, Романом Миряевым, Юрой Крюковым, Димой Першиным — «бумовцами», своими взрослыми помощниками, шел по татарским и русским селам, где сначала захлопывают наглухо ставни, а потом выбегают на улицу всем селом — старые, молодые, малые, падают, плачут от хохота, от радости — шел, чтобы сделать свой «Скворечник» настоящим театром.

...Проводя сквозь свой почти элитарный — по уровню демократизма — театральный эксперимент детей, Калашников готовит какой-то совершенно новый уровень работы. Контуры этого уровня проступают





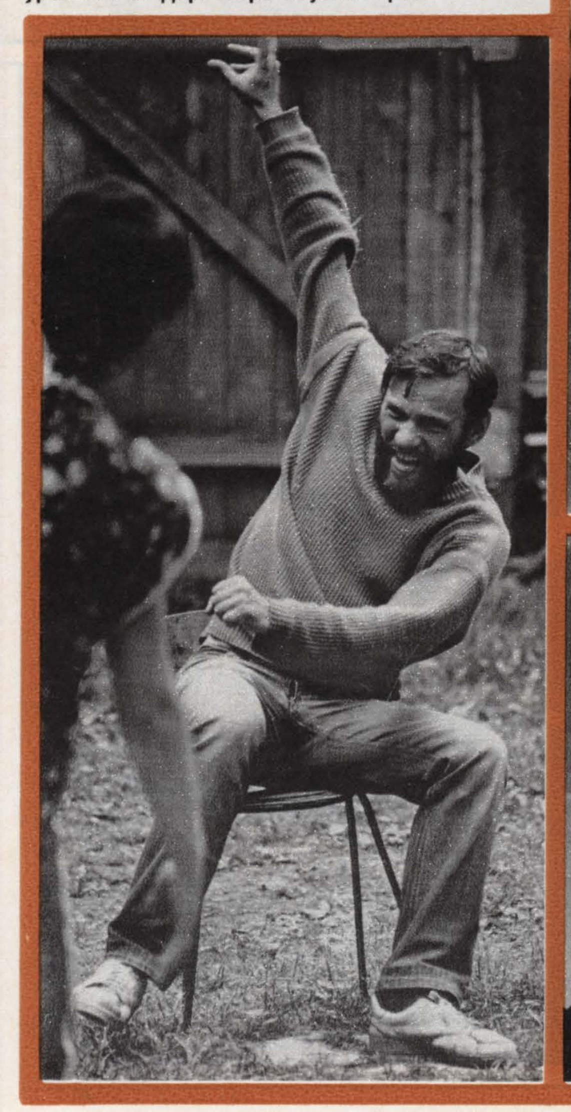


уже сейчас: в августе этого года состоится представление первого в истории театра на плотах, летом следующего — театра на воздушном шаре.

А если не полетит, не поедет, развалится, лопнет, не выйдет, не встанет, не приземлится, если простонапросто НЕ РАЗРЕШАТ?

Вот в этом последнем «если» — главный, так сказать, залог успеха. Тот, кому РАЗРЕШИЛИ, легко и непринужденно преодолеет любые стихийные бедствия, любые каверзы фортуны, «и снег, и ветер, и звезд ночной полет»...

Калашникову же не просто разрешили. В недоверчивом своем городе, где не только забыли, что такое серьезный театр, но и само здание бывшего театра, до революции еще построенное, сгорело подчистую — «БУМ» собирает полные залы, имеет союзников и помощников на всех уровнях: от директора обувной фаб-



рики до первого секретаря горкома партии.

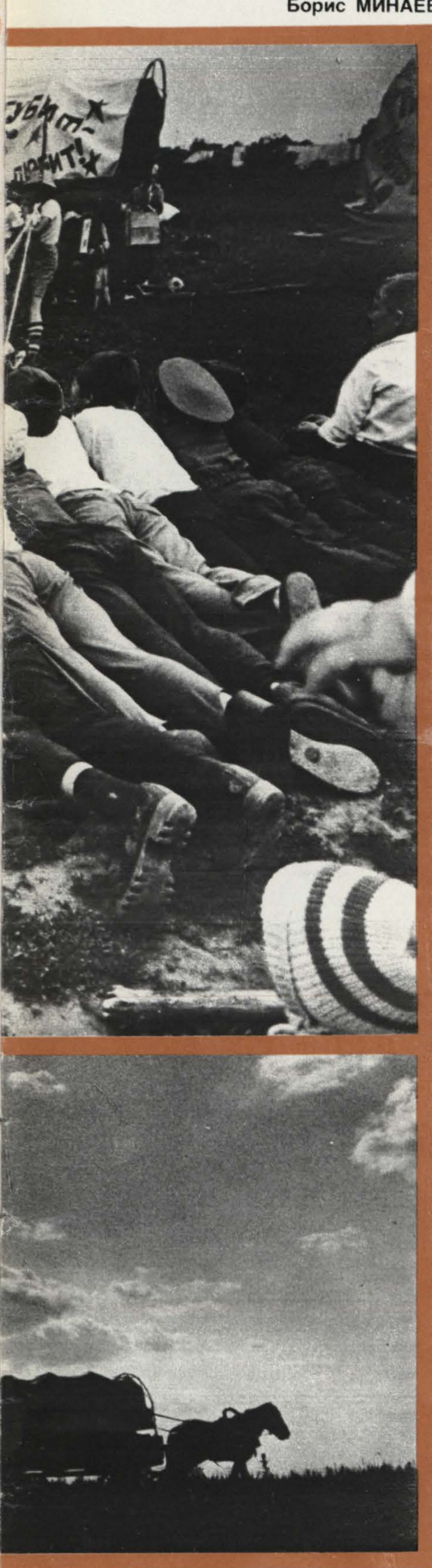
Чем всем нам дорог Калашников со своим театром?

Первое. Тем, что он патриот. Саша работает в Кузнецке уже десять лет и уезжать не собирается. Театру, кажется, дают свое помещение — камерный зал на сто мест. Это патриотизм не дешевый, не показушно-навязчивый. Саша просто живет в своем городе, любит его и хочет сделать культурным — ставит Распутина и Брэдбери, Тендрякова, Приставкина и Маршака.

Второе. Тем, что Калашников революционер. Опять-таки не на словах, а в своем профессиональном деле.

И третье. Тем, что он не просто режиссер, а воспитатель. Его театр, в котором с одинаковым упоением играют тридцатидвухлетний слесарь и двенадцатилетний мальчишка, театр, вышедший на сельский проселок и городскую площадь,— знамение нашего времени.

Борис МИНАЕВ





ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 6. Переложение музыкального произведения для исполнения на другом инструменте. 7. Малая планета. 9. Венгерский шахматист, международный гроссмейстер. 11. Крупное торговое предприятие. 13. Тропическое плодовое дерево. 14. Действующее лицо в пьесе А. Н. Островского «Бесприданница». 15. Сетка для упражнений в спортивных прыжках. 17. Русский поэт первой половины XIX века. 18. Тренировочный спортивный снаряд для развития мышц. 20. Узкая дорожка. 21. Календарный план выпуска продукции предприятием. 23. Особенности произношения. 24. Курорт в Ставропольском крае. 25. Парнокопытное животное, обитающее в высокогорьях Анд. 27. Кондитерское изделие с изюмом. 28. Молочный продукт.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Живопись на бытовые сюжеты. 2. Участок моря внутри атолла. 3. Литературный текст оперы, оперетты. 4. Римский поэт-сатирик. 5. Вероятность, возможность осуществления. 8. Промысловая пресноводная рыба. 10. Цветок, используемый в сухих букетах. 11. Арифметическое действие. 12. Поэма Т. Г. Шевченко. 15. Крепость-герой. 16. Опера Д. Пуччини. 19. Повесть В. В. Быкова. 22. Химический элемент, инертный газ. 23. Озеро в Казахстане. 26. Приток Аракса. 27. Освежающий напиток.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 29

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Сталевар. 8. Висмутин. 11. Обер. 12. Конвертер. 13. «Мать». 14. Препарат. 15. Расточка. 16. Уэлен. 17. Клавир. 19. Ананке. 21. Программист. 24. Левкас. 27. Шатров. 30. «Тазит». 32. Коммунар. 33. Енисейск. 34. Трап. 35. Кантилена. 36. Айон. 37. Берилий. 38. Скважина.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Сапропель. 2. Меркуров. 3. Гарнитур. 4. Цистерна. 5. Юмореска. 6. Штамповка. 7. Сибирь. 9. Натака. 10. Демилитаризация. 18. Ижора. 20. Наина. 22. Термопара. 23. Колебание. 25. Каникулы. 26. Стронций. 27. Штеменко. 28. Тримаран. 29. Погреб. 31. Эскола.

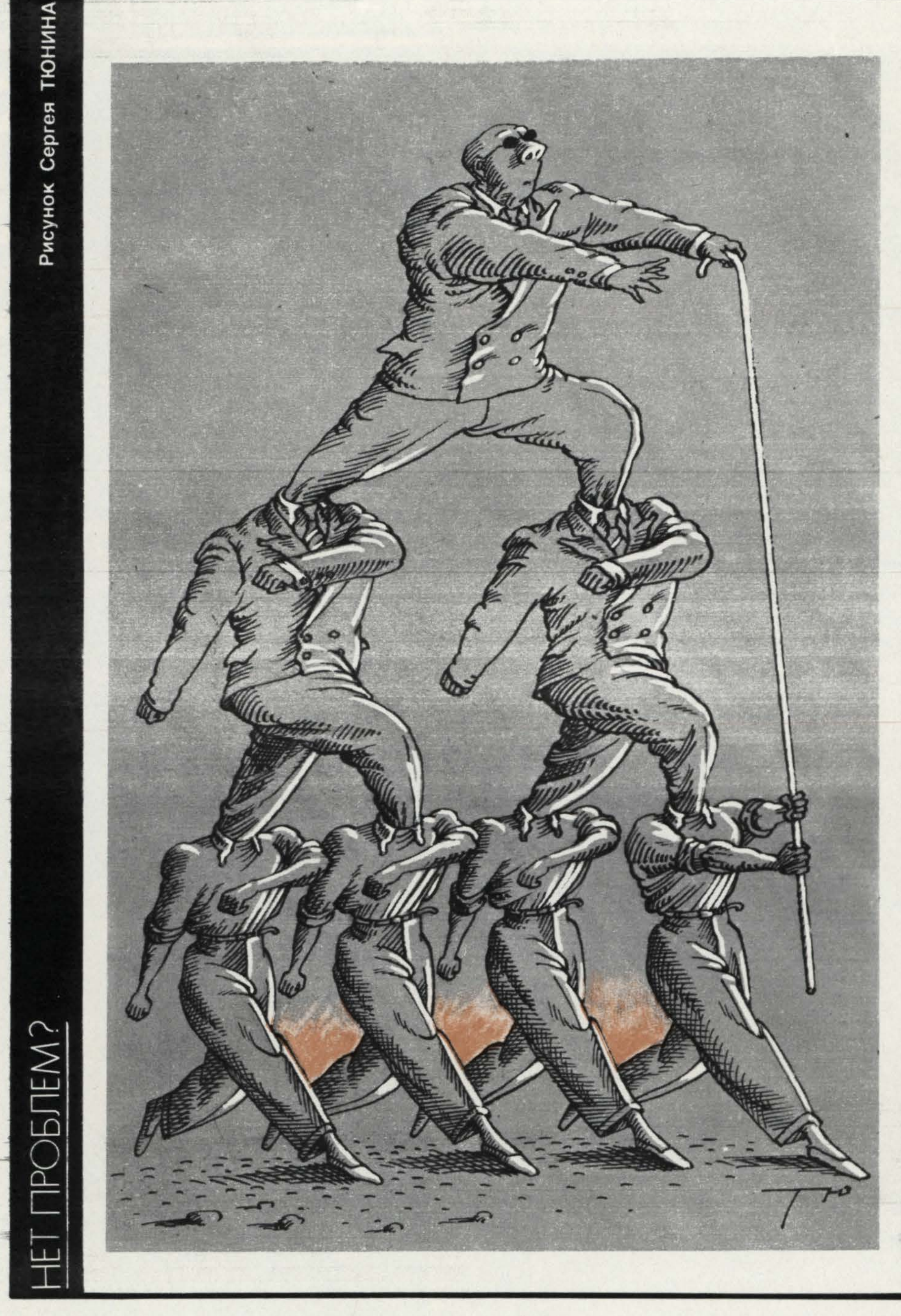


Рисунок Сергея ТЮНИНА

НЕТ ПРОБЛЕМ?

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп. Индекс 70663



ОРНАМЕНТА ЗАТЕЙЛИВАЯ ВЯЗЬ



Никогда в жизни не видел так много орнаментов, собранных вместе. Их затейливая вязь ни в одной из девяти десятков выставленных работ не повторялась — ни в графике, ни в цвете, ни в ритме линий и узоров. Удивительно? Но еще более удивительным было узнать, что автором выставки, одним из старейших художников Казахстана Гани Иляевым, собрано около 15 тысяч элементов казахского орнамента. Используя эти элементы, он и придумывает свои картины.

Его детство прошло в Ташкенте, в среде мастеров прикладного искусства. Потом художник Николай Иванович Рыков уговорил его отца отдать мальчика в художественное училище. Потом война, он был дважды тяжело контужен. Ему помог известный живописец Урал Тансыкбаев. Он и посоветовал младшему своему другу (увидев у него скромную коллекцию казахских народных орнаментов) продолжать начатое дело. Более сорока лет Гани Иляев неустанно объезжает аулы республики, знакомясь с народными мастерами — резчиками по дереву, ювелирами, ткачами, гончарами, обследуя памятники архитектуры, роясь в старинных книгах с одной только целью — не дать уйти в забвение национальному орнаменту.



2



3



4



5



Фото Юрия ЛУШИНА

1. ПЕСНЯ.
2. ПАСТУШОК.
3. ДОГОНИ ДЕВУШКУ.
4. К ДАЛЕКИМ МИРАМ.
5. КОСМОС.